

Г. В. Жирков

ОДУХОТВОРЕННОЕ СЛОВО

Журналистика

Великой Отечественной войны

/ Учебное пособие

по истории русской журналистики

1939–1945 годов

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

Одохотворенное слово
Журналистика Великой Отечественной войны

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ»

Г. В. Жирков

Одухотворенное слово

Журналистика

Великой Отечественной войны

Учебное пособие
по истории русской журналистики
1939–1945 годов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

ББК 76.01-923

Ж66

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета и Учебно-методической комиссии
Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

Рецензенты:

д-р филол. наук Ю. Б. Балашова (С.-Петерб. гос. ун-т),
д-р ист. наук А. Н. Кашеваров (С.-Петерб. гос. ун-т)

Жирков, Г. В. Одухотворенное слово : журналистика Великой
Ж66 Отечественной войны : учеб. пособие по истории русской
журналистики 1939–1945 годов / Г. В. Жирков. — СПб. :
С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуника-
ций», 2014. — 164 с.

Учебное пособие посвящено истории русской журналистики периода Второй мировой и Великой Отечественной войн. Впервые эта часть истории журналистики представлена в комплексе: рассказано о средствах массовой информации — печати, радиовещании, кино, фотографии, о слове свободы в фашистских лагерях смерти. В контексте войны показано творчество ведущих публицистов тех лет, особенности публицистики.

Для студентов факультетов и отделений журналистики университетов, а также для всех интересующихся историей России, русской культуры и журналистики.

ББК 76.01-923

© Г. В. Жирков, 2014

© С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн.
и мас. коммуникаций», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава I. Накануне Великой Отечественной	10
Глава II. Журналистика периода Великой Отечественной войны.....	27
§ 1. Вставай, страна, на смертный бой... ..	27
§ 2. Управление журналистикой в период войны	34
§ 3. Перестройка журналистики на военный лад.....	45
§ 4. Система контрпропаганды в годы войны.....	65
§ 5. Слово за колючей проволокой.....	76
Глава III. Боевое слово публициста (проблемно-тематический комплекс журналистики).....	83
§ 1. Славные и поучительные уроки истории России.....	83
§ 2. Боевая публицистическая летопись войны.....	88
§ 3. Наука ненависти.....	103
§ 4. Человек на войне в изображении советской публицистики ...	113
§ 5. Письма товарищу	124
Заключение	143
Использованная литература	148
Вопросы для самопроверки	159
Рекомендуемая литература	160

ПРЕДИСЛОВИЕ

Урок истории А. Дж. Тойнби в книге «Цивилизация перед судом истории» сравнивает с навигационной картой, противопоставляя ее гороскопу астролога. Эта карта «дает мореходу, умеющему ей пользоваться, большие возможности избежать кораблекрушения, чем если бы он плыл вслепую, ибо дает средство, употребив свое умение и мужество, проложить путь между указанными на карте скалами и рифами» [Тойнби, 1995, с. 35].

Вероятно, мореходу легче, чем историку, имеющему перед собой море субъективных мнений, убеждений, искаженных документов и фантастических воспоминаний, а не выверенный учеными маршрут. Когда мы говорим о Второй мировой войне, включающей в себя для нас Великую Отечественную войну, то мы имеем дело с такими мифами, которые густо замешаны на достоверных и лживых фактах, подтасовках событий, искажении их значений. Нам порой даже отказывают называть эту войну Отечественной. В книге «Психологическая война» Пол Лайнбарджер пишет: «Война получила название Великой Отечественной. Иностранцы могли бы спросить: „А какая война не бывает отечественной?“ Но русским людям это название пришлось по душе, и режим использовал традиционализм и национализм для укрепления позиций коммунистов в стране» [Лайнбарджер, 2013, с. 1650].

Захватническую войну, которая лежит в основе большинства международных военных конфликтов, вряд ли можно назвать отечественной. Советскому народу и его армии, вставших на защиту Родины, пришлось освобождать от врага, как и в 1812 г., огромную территорию и выполнить историческую миссию, разгромив фашистов и освободив от их посягательств мировое сообщество.

Современный глобализированный информационный поток несет в себе сомнение даже в том, кто начал эту трагическую битву, кто победил, кто был жертвой, кто больше положил сил на алтарь Победы и т. д.

Западноевропейский историк Д. Каров утверждает, что почти всё население СССР ненавидело советскую систему, Сталина и партию коммунистов, но оно было «вынуждено драться в одном строю вместе со своими грабителями» против немцев [см.: Семиряга, 2000, с. 8]. Поэтому, наверное, наш народ и победил фашизм?!

Заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Георгий Митрофанов выпустил книгу «Запретные темы истории XX века», в которой не только реабилитирует предателя-генерала Власова, но и героизирует его. Представители Русской Православной Церкви осудили такую позицию Митрофанова. Это послужило поводом для Синода Западной части РПЦ выступить со специальным документом, напротив, поддерживающим позицию автора книги [см.: Архимандрит Тихон, 2009].

Поднимая проблему защиты исторической памяти в «Парламентской газете», Николай Дорофеев замечал в связи с политикой, проводимой властями в некоторых странах ближнего зарубежья: «Власти этих государств всеми силами стараются дистанцироваться от России, общей истории и для достижения означенной цели готовы идти на любые шаги, даже воспитывая в своих гражданах откровенную русофобию» (Парлам. газета. 2010. 7 мая. С. 11). В итоге местные коллаборационисты, пособники фашистов представляются борцами за свободу.

В неоднозначных размышлениях о нашей победе в Великой Отечественной Григорий Померанц, участник ее боев, много уже тогда повидавший трагедий, рассказывает о встрече с Майданеком — этой фабрикой смерти: «Вдруг я остолбенел, оказавшись около барака, который до половины был завален детской обувью. ...Этот барак, наполненный слипшейся детской обувью — это было... какая-то черная дыра в сознании. То чужое, которое

было невозможно как-то понять и воспринять. И то, что из 6 млн. жертв геноцида 1,5 млн. — это дети... с тех пор остается неизгладимой цифрой в моем сознании» (Великая эпоха. 2010. 20 июня. С. 6).

Да, полтора миллиона загубленных невинных ни в чем, чистых человеческих душ. И это происходило не только в целой системе фашистских лагерей смерти, но и в будничной, трагической военной обстановке. Через гитлеровские лагеря прошло около 18 млн. граждан многих стран, из них 11 млн. погибли [Сборник сообщений..., 1946; Документы об оккупационной политике..., 1963; Кондакова, 1982, с. 24–25] (см. также: Коммунист. 1968. № 15. С. 90).

Действительно, в истории есть факты, которые, как черные дыры в сознании: их все меньше вспоминают, их даже гонят из памяти. «У этого времени был свой суровый язык, — замечал военный корреспондент и поэт К. Симонов [Симонов, 1973, с. 4]. Но журналисту-профессионалу нужно полное знание.

На семинарских занятиях со студентами, на студенческих конференциях автор этих строк, более 30 лет читавший лекции по истории журналистики в Санкт-Петербургском государственном университете, всегда цитировал одно коротенькое, на три абзаца, документальное эссе военных лет И. Эренбурга — «Николай Владимирович — 1 года». Оно о том, что среди 12 расстрелянных фашистами 19 сентября 1942 г. мирных жителей села, в основном детей и подростков, был убит и младенец Коля Давыдов. Специально привожу это эссе в пособии.

Накал публицистического слова Эренбурга был таков, что писателя потом станут обвинять в призывах к расправе с немцами. Геббельс объявит его своим личным врагом, а после войны его современные последователи, когда в 1962 г. вышли в переводе на немецкий язык мемуары Эренбурга, в газете «Зольдатен цайтунг» из номера в номер печатали надерганные подборки цитат из статей Эренбурга военных лет, сопровождая их гигантскими заголовками «Величайший во всей истории мастер массовых убийств», «Самый кровавый подстрекатель, которого знала история» и т. п. [Фрезинский, 1995].

Некоторые студенты, как показывают их рефераты и доклады, с трудом представляют себе разницу между творчеством публициста и, как сейчас выражаются, технологией создания текста. Какая технология у Эренбурга? Он писал кровью сердца. Когда познакомишься с творчеством военных лет М. Шолохова, К. Симонова, Б. Горбатова и многих других публицистов, то отчетливо видишь, что их огненные строки выписаны именно по зову сердца. Недаром боец-поэт двадцатилетний Семен Гудзенко, невольно выражая общее кредо публицистов, писателей и поэтов боевых лет, писал 25 июня 1943 г. в Сталинграде [Гудзенко, 1961, с. 80]:

Можешь мертвым в сражении лечь,
но не смеешь
 ни строчки оставить себе,
ни удара сердца сберечь.

Предлагаемое учебное пособие должно восполнить существующий пробел в учебной литературе. Об истории журналистики периода Великой Отечественной войны, о публицистике тех лет написано мало и скудно. Я специально привожу всю возможную литературу по теме — и старую, идеологизированную, и новую, неполную. Без сомнения, история журналистики этой эпохи может служить навигационной картой для новых поколений, но эту карту надо всесторонне изучить.

ГЛАВА I

Накануне Великой Отечественной...

Исторический период Второй мировой войны для нашей страны вбирает в себя полутороговой канун войны — с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. — и — с 22 июня 1941 г. — Великую Отечественную войну. Советское руководство стремилось к тому, чтобы растянуть во времени этот канун войны и использовать его для повышения обороноспособности государства и для подготовки к так или иначе предстоящей схватке с фашизмом, антикоммунистическая направленность которого была хорошо известна.

31 марта 1935 г. в «Правде» была опубликована блестящая аналитическая статья М. Н. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии». В ее редактировании участвовал И. В. Сталин¹. В статье показано наращивание фашистским руководством военной мощи немецких вооруженных сил. Она показывает и то, что советское руководство осознавало исходящую от фашистской Германии угрозу СССР. В обобщающей части статьи «Антисоветские и реваншистские планы Гитлера» цитируются слова фюрера из его книги «Моя борьба»: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кла-

¹ См. публикацию рукописи статьи с редактурой Сталина [Из истории..., 1990, с. 161].

дем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания.

Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает этот путь» [Из истории..., 1990, с. 67].

Эта цитата используется «Правдой» вторично. Она приводилась 29 января в докладе В. М. Молотова на VII съезде Советов.

Со второй половины 1930-х годов разразился новый тяжелый мировой экономический кризис, вызвавший обострения в отношениях между странами. Уже в 1938 г. шедшая в разных регионах война втянула в свою орбиту более 500 млн. человек. Агрессивные фашистские государства Германия, Италия, империалистическая Япония встали на путь прямых захватов чужих территорий. Несмотря на это, развитие идеологии фашизма, противопоставлявшего себя коммунизму, получало определенную поддержку многих стран мира во главе с Великобританией, Францией и США. За словесной политической мишурой стояла основная мишень — СССР, считавшийся на Западе оплотом коммунизма и социализма. Что это такое, явно представлялось различными странами по-разному, но главным для всех скрепляющим было посягательство Советского Союза на основные устои демократии: свободу печати, предпринимательства, право на частную собственность, традиционную дифференциацию общества на богатых (элиту, аристократию, буржуазию) и бедных и др.

Канцлер Германии с 30 января 1933 г., а с августа 1934 г. и ее фюрер Гитлер был не только политической фигурой, он был и креатурой капитала, который с начала 1930-х годов постоянно финансировал фашистскую партию Германии. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат с 1 января 1931 г. ежегодно отчислял фашистам по 6 млн. марок. После прихода Гитлера к власти крупными капиталистами был учрежден «Фонд Адольфа Гитлера». С 1933 по 1944 г. только концерн «ИГ Фарбенин-

дустри» внес в него около 80 млн. марок. Деньги переводились на счета СС и других нацистских организаций. В этом принял участие и международный капитал. Так, английский «нефтяной король» Генри Детердинг подарил Гитлеру 10 млн. голландских гульденов (Новая и новейшая ист. 1976. № 5. С. 41), [Норден, 1959, с. 125].

В этот период сложилась такая международная ситуация, при которой Советскому Союзу пришлось делать выбор между лавирующими Великобританией и Францией — и Германией, наоборот, идущей как бы навстречу, заинтересованной в торговых отношениях с СССР. Великобритания и Франция на переговорах с СССР отказались взять на себя обязательство выступить против Гитлера в случае косвенной агрессии Германии против прибалтийских республик, т. е. организации в них государственных переворотов или проведения их правительствами прогитлеровской политики.

Между тем после сделки в Мюнхене, в результате которой перестало существовать чехословацкое государство, 15 марта 1939 г. оно было оккупировано Германией, которая явно усилила экспансионистские устремления в Прибалтике. Уже 16 марта литовскому посланнику в Берлине было выдвинуто требование: если Литва не хочет, чтобы ее взяли силой, она должна следовать за Германией. 22 марта правительство Литвы заключило с Германией договор, по которому у нее была отторгнута Клайпеда. Затем Германия использовала происходившие англо-франко-советские политические переговоры для давления на правительства Латвии и Эстонии, и 7 июня в Берлине были заключены договоры о ненападении между Германией и Латвией, между Германией и Эстонией. Фактически Гитлер добился того, что на протяжении всей западной границы Советского Союза он мог под разными предлогами разместить свои войска.

В этих условиях советское руководство 23 августа 1939 г. заключило пакт о ненападении между СССР и Германией. К нему прилагался секретный протокол, по которому СССР и Германия договорились о разделении сфер влияния в пограничной зоне. Для СССР это были бывшие российские территории — Прибалтика, а также Западная Украина и Западная Белоруссия, аннекси-

рованные Польшей по Рижскому мирному договору с Советами 18 марта 1921 г.²

Обезопасив себя со стороны СССР, 1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу, которая, по свидетельству М. Н. Тухачевского, имела в мирное время 30 дивизий. В считанные дни немецкая армия разделалась с польской. Выступая 6 октября в германском рейхстаге с полуторачасовой речью, Гитлер констатировал: «В течение двух недель прекратило существование государство с 36-ти миллионным населением и армией более чем в 50 дивизий» (Правда. 1939. 7 окт.).

17 сентября по распоряжению советского правительства войска Украинского и Белорусского фронтов перешли границу польского государства. 28 сентября Советский Союз заключил договор о дружбе и границах между СССР и Германией, и начался процесс советизации Прибалтики. СССР заключил договоры о взаимопомощи: с Эстонией 28 сентября, с Латвией 5 октября и с Литвой — 10 октября, причем в ее состав была передана ее столица Вильно.

Президент Эстонской республики К. Пятс в интервью газете «Уус Эсти» (1 октября 1939 г.) признавал, что «заключенный пакт не затрагивает наших суверенных прав. Наше государство остается самостоятельным, таким, каким было до сих пор». 8 октября 1939 г. латвийская газета «Ритс» замечала: «Заключение этого пакта (о взаимопомощи между СССР и Латвией) согласуется с нашими стремлениями поддержания мира». «Лиетувас айда» 16 октября 1939 г. писала: «Одним из устойчивых и положительных факторов в нашей иностранной политике все время были и есть наши дружеские отношения с Советским Союзом, которые во вступившем в силу договоре нашли свое высшее выражение... Одновременно он является путеводителем к безопасности обоих государств. Это — оборонная взаимная декларация, ни против кого не направленная, а потому — позитивный фактор мира в Восточной Европе» [см.: Борисов, Силласте, 1989].

² О польско-русской войне 1920–1921 гг. см.: Дююи, кн. 3, 1998, с. 946–948. — Об этой непопулярной войне советская история умалчивала.

Известный политик Уинстон Черчилль в октябре 1939 г. в беседе с советским полпредом в Лондоне И. М. Майским отметил несколько другую позитивную сторону заключенных актов: «С точки зрения правильно понятых интересов Англии тот факт, что весь Восток и Юго-Восток Европы находятся вне зоны войны, имеет не отрицательное, а положительное значение. Главным образом Англия не имеет оснований против действий СССР в Прибалтике... СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря». Черчилль выразил удовлетворение тем, что балтийские страны не включались в германскую государственную систему [Там же].

Начавшаяся мировая война и понимание того, что усиление фашистских государств, особенно Германии, угрожает и СССР, заставило советское руководство укреплять границы страны. С начала 1939 г. между Советским Союзом и Финляндией проходили дипломатические переговоры по обеспечению безопасности Ленинграда, поскольку советско-финляндская граница проходила всего в 32 км от города. Предложения по обмену территориями, с тем чтобы отодвинуть эту границу на несколько километров, Финляндия не приняла. В то же время в Финляндии шла подготовка к войне, укреплялись военные связи с Германией.

28 ноября СССР заявил о денонсации договора с Финляндией о ненападении. 30 ноября была начата война, длившаяся 105 дней, по 13 марта 1940 г. [см.: Тайны и уроки..., 2000].

Несмотря на противодействие Англии, США и Франции, правительство Финляндии обратилось к советскому правительству с предложением начать переговоры. 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был заключен мирный договор. По нему граница от Ленинграда передвигалась на линию Выборг — Сортавала — Карельский перешеек. Советское руководство попыталось извлечь уроки из тех просчетов, которые были допущены в ходе этой войны.

В июле 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве под давлением советского правительства была провозглашена советская власть, и они вошли в состав СССР. Обстановка в этих новых республиках перед вторжением немецко-фашистских войск в Советский Союз

была крайне сложной и противоречивой. Однако можно констатировать, что результаты внешней политики руководства СССР перед Великой Отечественной войной были многообещающими: страна вернула себе те земли, которые были потеряны в ходе Первой мировой, Гражданской и советско-польской войн:

- Прибалтику (Эстония, Латвия, Литва),
- Западную Белоруссию и часть Западной Украины,
- Карельский перешеек.

Важным для предстоящей войны было заключение мирного договора с Финляндией (1940 г.) и пакта о нейтралитете между СССР и Японией (14 апреля 1941 г.).

Советский Союз в этот период по сравнению с находившимся в кризисе Западом, наоборот, выходил из кризисной экономической ситуации, порожденной проведением сталинской коллективизации. Активно рос рабочий класс, составивший треть населения страны. К 1 апреля 1937 г. Второй пятилетний план был досрочно выполнен; в строй вступило 4500 новых предприятий, осваивалась новая техника. В третьей пятилетке промышленность стала в целом рентабельной, и по структуре промышленного производства СССР вышел на уровень развитых стран мира, по объему продукции он обогнал Великобританию, Германию, Францию, уступая только США (Правда. 1988. 28 окт.). Наблюдались сдвиги к лучшему в сельском хозяйстве. Животноводство по-прежнему было в кризисе, но рос сбор зерна.

Этому способствовал энтузиазм народа, развитие социалистического соревнования. В 1938–1940 гг. журналистика широко освещала ефремовское движение за высокие урожаи. Его инициатором был звеньевой М. Ефремов (Алтай). В 1940 г. число ефремовских звеньев в стране достигло 4500. Для пропаганды этого движения много сделали газеты «Колхозник Украины», «Курская правда», «Алтайская правда» (Барнаул), редакция которой как организатор и пропагандист этого движения стала участницей ВСНХ, где происходил обмен опытом.

Накануне войны шло обсуждение проблем третьего пятилетнего плана. Оно было открыто XVIII съездом ВКП(б) в марте 1939 г. План был направлен на продолжение политики индустриализа-

ции, подъем всех отраслей народного хозяйства, но особенно на развитие тяжелой и оборонной промышленности. В журналистике это нашло отражение не только в ее содержании, но и в реорганизации отраслевой печати. 7 сентября 1940 г. Совнарком СССР принял специальное постановление «О центральных отраслевых газетах» [О партийной и советской печати, 1954, с. 484–485].

В стране выходило 23 издания такого типа, и лишь 6 из них обслуживали промышленность. Многие отраслевые газеты не имели своего лица, дублировали общеполитические газеты, публикуя статьи общего характера; мало занимались конкретными производственными вопросами. Газеты «Индустрия», например, была органом 7 наркоматов, «Машиностроение» — 8. Совнарком потребовал от редакций центральных отраслевых газет решительно повернуться к обслуживанию соответствующих их профилю отраслей народного хозяйства.

С 1 октября в Москве начали издаваться 8 новых отраслевых газет наиболее важных для развития промышленности наркоматов: «Угольная промышленность», «Нефть», «Промышленность стройматериалов», «Бумажная промышленность» и др. Эти издания сразу же получили четко выраженный производственно-отраслевой характер. Газета «Индустрия» стала органом Наркомата черной металлургии и была переименована в «Черную металлургию», превратившуюся вскоре в одну из лучших отраслевых газет по разработке вопросов экономики и организации соревнования. К концу 1940 г. в Москве выходило 30 отраслевых газет. Их тираж колебался в пределах 40–80 тыс. экземпляров.

Одновременно 7 сентября Совнарком принял постановление «О ведомственных журналах и бюллетенях», направленное на сокращение разросшейся сети этих изданий и улучшение работы оставшихся [Там же, с. 486–487]. В условиях становления административно-командной системы число ведомственных изданий постоянно увеличивалось. Наркомзем имел 26 журналов, Наркомлегпром — 11; всего насчитывалось 159 производственно-технических журналов, кроме того, выходило множество ведомственных бюллетеней. На эту официальную, карманную печать тратилось немало средств.

Процесс бюрократизации советской журналистики выразился в сужении ее связей с массовой аудиторией. Это показало изучение состояния печати и ее кадров. В результате этого исследования 25 июля 1940 г. вышло в свет постановление ЦК ВКП(б) «О штатах областных, краевых и республиканских газет» [Там же, с. 482–483]. За три месяца до появления этого документа аппарат центральных отраслевых газет был сокращен наполовину, что дало положительный результат в их деятельности. Этот опыт был обобщен и учтен в постановлении. В нем отмечалось, что «аппараты газет недопустимо разбухли» — до 120–150 человек; число отделов от 10 до 21; работа журналистов проходила в стенах редакций, на местах они не имели связей, что соответственно привело к ослаблению связи газет с местными организациями, к отрыву их от местного актива, рабселькоров. Многие редакции под выступление актива отводили только 10–20 % газетной площади.

Ослабление связей печати с аудиторией в конце 1930-х годов выглядело следующим образом:

Газета	Процент выступлений в ней:	
	актива	рабсель- коров
«Волжская коммуна» (Куйбышев)	14,2	2,4
«Пролетарская правда» (Калинин)	17,3	2,2
«Коммунар» (Тула)	19,0	1,8
«Молот» (Ростов-на-Дону)	19,8	2,6

В постановлении подчеркивалось, что такая практика, тесно связанная с гонорарной политикой редакций, противоречит традициям советской журналистики. Между тем еще в 1939 г. ЦК Союза работников печати указывал, что не менее 60 % гонорарных фондов должно расходоваться на оплату публикаций вне редакционных авторов. Это указание повсеместно нарушалось: редакция «Звезды» (Пермь), получив в марте 1939 г. более тысячи писем, опубликовала 27; редакция «Бакинского рабочего» в 1939 г.

поместила в газете менее одной десятой поступивших в нее писем; редакция «Ленинградской правды» за 8 месяцев 1940 г. выплатила внештатным авторам менее одной третьей общей суммы гонорара.

ЦК потребовал от редакторов газет «коренным образом перестроить работу редакционного аппарата, поставив в первую очередь задачу привлечения к участию в газете широкого вне-редакционного актива, выращивания и воспитания новых кадров рабселькоров»; сократить непомерно разросшиеся штаты редакций, усилить корреспондентскую сеть на местах, печатать в газетах преимущественно выступления вне-редакционного актива, рабселькоров.

Эта же проблема получила отражение и в руководящих документах, посвященных массовой журналистике тех лет. В стране издавалось более 3500 районных газет, их разовый тираж с начала 1930-х годов вырос более чем в 10 раз. Однако и районки теряли связи с аудиторией, заполнялись статьями главным образом штатных сотрудников. В принятом 13 июля 1940 г. ЦК ВКП(б) постановлении «О районных газетах» [Там же, с. 479–481] подчеркивалось: «Районные газеты должны иметь ярко выраженное лицо, отражающее производственные особенности и экономику своего района. Они должны преимущественно заполняться статьями и корреспонденциями на местные темы». Именно этот документ полно и наиболее четко определял направление массовой работы районной прессы, то, что она для изданий этого типа имела особое значение. В этом отразилось стремление партии усилить управленческую роль местной печати, с тем чтобы она стала еще более «мощным рычагом руководства политической, хозяйственной и культурной жизнью района» и проведения политики центра.

«Районная газета, — напоминал ЦК, — должна в основном строиться на материалах рабочих и сельских корреспондентов, партийного и советского актива, а также писем трудящихся». Поэтому одной из основных задач ее журналистов было «привлечение авторского актива из среды передовых людей района», работа «по выращиванию и воспитанию» рабселькоров. Штаты

редакций были сокращены, система оплаты гонорара сотрудникам районов была ликвидирована.

В октябре 1940 г. было созвано первое всесоюзное совещание редакторов районных газет, где подводились итоги перестройки работы районной печати и шел обмен опытом. «Правда» 17 октября писала в отчете об этом форуме: «Надо весь этот опыт, о котором здесь говорили товарищи, распространить на все районные газеты нашего Союза».

В другом постановлении ЦК ВКП(б) от 21 января 1941 г. «О фабрично-заводских газетах» [Там же, с. 490–491] этот вопрос был поставлен кардинально — в соответствии с типом производственной многотиражки. В нем предлагалось делать газету руками актива предприятия. Платный аппарат редакций был сокращен: была оставлена лишь должность ответственного секретаря редакции. Редактор и редколлегия подбирались из работавших на общественных началах активистов и авторитетных людей предприятия. Проблемно-тематический комплекс, информационный диапазон многотиражек должен был целиком сосредоточиться на делах завода или фабрики.

По-настоящему массовым к этому времени становится радиовещание. Оно велось на 80 языках народов СССР. В 1939 г. его объем вырос до 180 часов. Объем только центрального вещания из Москвы увеличился за год на 10 тыс. часов. В радиовещании происходили существенные качественные изменения: все больше проявлялась его специфика. Его оперативная информация достигала самых отдаленных регионов. Много места на радио стала занимать музыка и музыкальные, литературно-драматические передачи. Активно велась просветительная работа, производственная пропаганда, борьба за грамотность, был открыт особый Институт заочного обучения. В 1938–1940 гг. ежемесячно только центральное вещание передавало 150–200 докладов, лекций и бесед.

В 1939 г. его «Последние известия», где был наибольший объем политических передач, имели 350–400 выпусков, обеспечивавших с учетом поясной разницы во времени информацией население Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

В течение суток по радио давалось 12 оригинальных выпусков «Последних известий» и 9 выпусков — обзоров газет. «В целях повышения оперативности „Известий“ были введены дополнительные выпуски — пятиминутки». Сеть корреспондентов этой редакции за год выросла в 2 раза до 70 человек, что дало возможность увеличить «географический размах» радиоинформации за счет отдаленных регионов (Челябинск, Хабаровск, Якутск, Владивосток, Чита и др.) [Из отчета редакции..., 1991, с. 69–70].

Возросло число передач оборонной тематики. Ей на радио посвящались беседы и лекции, репортажи из исторических мест, военно-исторических музеев. Ежедневно выходили красноармейские и краснофлотские известия. С 1939 г. в эфире стал звучать «Военно-исторический календарь» [см.: Очерки истории..., 1972, с. 222–228]. По приказу Всесоюзного комитета по радиовещанию (ВРК) при Совнаркоме от 23 апреля 1939 г. «в целях усиления оборонной тематики в Центральном вещании» была создана оборонная редакция; по приказу от 31 июля она была преобразована в военный отдел ВРК в составе трех редакций — красноармейских и краснофлотских известий, оборонной пропаганды и физкультурной [История советской радиожурналистики, 1991, с. 64, 68].

В условиях возраставшей военной угрозы руководство страны интенсивно развивало сеть военной журналистики. В конце 1930-х годов было возобновлено издание армейских газет и налажен выпуск:

- теоретического журнала для командного состава армии «Военная мысль» (с 1937 г.);
- центральной военной газеты, органа Наркомата ВМФ СССР «Красный флот» (с февраля 1938 г.);
- органа Наркомата обороны СССР «Военно-исторического журнала» (с сентября 1939 г.), сыгравшего важную роль в развитии военной науки, разработке вопросов военного искусства, военной истории, истории войн, международных отношений;
- органа Политуправления погранвойск НКВД журнала «Пограничник» (с 1939 г.).

Активизировалась работа государственного «Воениздата». Помимо выпускавшихся серий книг «Массовая военная библиотека», «Библиотека командира», «Военная библиотечка комсомольца» было налажено издание «Библиотечки красноармейца», состоявшей из книг военной, политической и художественной литературы. Была переиздана книга А. В. Суворова «Наука побеждать». Из печати вышли книги и брошюры: «Как беречь военную тайну», «Герои Хасана», «Нахимов» Е. В. Тарле, очерки о Суворове, Кутузове и др., брошюры о пехоте, авиации и т. п.

В 1939 г. ведущей военной газете страны «Красной звезде» исполнилось 15 лет. Эта дата была использована для проведения несколько необычного юбилея и привлечения внимания к военной журналистике. «Правда» 12 января посвятила ей программную передовицу «Боевая печать Красной Армии», где подчеркивалось: «Военная печать так же, как и вся Красная Армия, должны быть готовы в любую минуту переключиться на работу в боевой обстановке». В статье был продолжен разговор об укреплении связи прессы с аудиторией: важнейшая обязанность военных газет состояла в «обеспечении тесной связи с красноармейскими массами... В красноармейскую газету должны писать красноармейцы, газета должна писать о красноармейцах и для красноармейцев».

В 1940 г. сеть военной печати состояла из трех центральных газет — «Красная звезда», «Красный флот», «Боевая подготовка» (для младшего командного состава армии), 16 окружных и 11 армейских, 3 газет особых корпусов (в Латвии, Литве, Эстонии), 589 газет соединений и учебных заведений, кроме того, 11 военных журналов. С февраля 1939 г. был налажен выпуск тиражом 115 тыс. экземпляров журнала «Политучеба красноармейца». В армейских газетах работало 2049 политработника и командира. За 1939 г. «эти кадры пополнились 233 газетными работниками, мобилизованными ЦК ВКПб» [Из доклада Политического Управления..., 1990, с. 198].

Оборонная тематика на том этапе занимала видное место во всех типах газет: жизнь и боевая подготовка, учеба Красной Армии; деятельность военизированных обществ типа Осоавиахима, военно-физкультурная работа спортивных и физкультурных организаций; вопросы военной бдительности советских лю-

дей, патриотизма, боевой готовности; разоблачение политики агрессивных держав и др. Печать содержала рубрики «Оборона Советского Союза», призывы «Молодежь — на самолет», «Молодежь — на автомобиль» и т. п. В 1938 г. в печати была проведена целая пропагандистская кампания к 20-летию Красной Армии.

Оживлению военно-патриотической проблематики в прессе способствовало освещение боевых событий в районе озера Хасан. В печати появилась рубрика «Герои Хасана». «Правда» рассказала о боевом опыте красноармейской газеты «На защиту Родины», которая родилась в огне боев с японскими милитаристами. Другая военная газета «Героическая красноармейская» за большую патриотическую работу в войсках во время боевых действий на реке Халхин-Гол была награждена орденом Красной Звезды, были награждены ее журналисты — редактор Д. Ортенберг, очеркист В. Ставский, писатели В. Славин, Б. Лапин, фотокорреспондент В. Темин [Пельт, 1974, с. 80].

В конце 1939 г. началась война СССР с Финляндией. Журналистика Северо-Запада страны активно освещала развернувшиеся здесь в сложных условиях зимы боевые действия. Газета «На страже Родины» из номера в номер писала об опыте, накопленном в боях, о взаимовыручке бойцов, об особенностях боевых действий в условиях зимы и лесисто-болотистой местности. Газета пропагандировала подвиги советских воинов. Успеху газеты у читателей способствовал сильный литературный отдел, который возглавлял Н. Тихонов, где сотрудничали писатели В. Ставский, А. Твардовский, В. Саянов, Б. Агапов. Они коллективно вели сатирико-юмористический отдел «Прямой наводкой». Героем многих его подборок был смелый, сообразительный и веселый, неунывающий боец Василий Теркин. Этот образ получил большую популярность в армии. Он воспринимался как реально действующий воин. За заслуги в политическом воспитании частей Красной армии газета «На страже Родины» в апреле 1940 г. была награждена орденом Красного Знамени.

Опыт газет, выходивших в боевых условиях, помог в первые же дни Великой Отечественной войны оперативно развернуть сеть военных изданий и наладить их работу. Советские журналисты, писатели и публицисты накануне войны показали пример само-

отверженного труда. Смертью храбрых пали на финском фронте известные публицисты С. В. Диковский и М. А. Чумандрин. Родина высоко оценила деятельность публицистов, наградив орденами Красного Знамени Н. Тихонова и В. Ставского, Красной Звезды — А. Твардовского, Лебедева-Кумача, В. Саянова, Зельцера, большую группу журналистов медалями.

Но военно-оборонная тематика, разрабатывавшаяся журналистикой, имела на том этапе и довольно серьезные изъяны. Значение опыта прошлого, особенно Гражданской войны, и руководства И. В. Сталиным военными действиями в те годы в связи с мифологизацией истории страны преувеличивалось. Умалчивались поражения Красной Армии. Одним из поводов к политическим репрессиям было стремление Сталина искоренить память о том прошлом, когда он не играл в партии и руководстве действиями Красной Армии большой роли, допускал ошибки. Он убирал не только возможных для себя конкурентов на пути к полной власти, но и носителей этой памяти.

В ходе политических процессов, по подсчетам генерал-лейтенанта А. И. Тодорского, в 1937–1938 гг. были репрессированы и загублены 3 из 5 маршаллов страны (А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер), из 5 командармов 1-го ранга — 3, из 10 командармов 2-го ранга — все, из 57 комкоров — 50, из 186 комдивов — 154, из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов — все, из 28 корпусных комиссаров — 25, из 64 дивизионных комиссаров — 58, из 456 полковников — 401 (Огонек. 1987. № 26. С. 6). И только талантливость русского народа, его интеллектуальное богатство позволили восполнить потери армии, нанесенные сталинскими репрессиями.

К. Симонов писал в заметках литератора «Уроки истории и долг писателя»: «Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило армии... начать приходить в себя после этих страшных ударов» [Симонов, 1987, с. 44]. Писатель считал, что к началу войны этот процесс еще не завершился и армия оказалась в «трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины».

Некритичный подход к прошлому, его мифологизация способствовали популяризации искаженных идей, неправильных взглядов на характер предстоящей войны, переносу опыта Гражданской войны в новые условия, недооценке сил и возможностей потенциального противника. Распространялась точка зрения, что Красная Армия, получив интернациональную помощь — поддержку рабочих других стран, включая и враждебных, будет везде и всегда одерживать легкие победы и воевать на территории противника. Эти взгляды закреплялись в народе и армии некоторыми литературными произведениями, театральными постановками и главное — кинофильмами массового производства, такими как «Если завтра война», «Танкисты», «Морской пост», «Неустрасимые» и др., в которых действия врага примитивизировались, а вражеские военачальники оглуплялись.

В 1939 г. «Воениздатом» была выпущена в «Библиотеке командира» книга Н. Шпанова³ «Первый удар. Повесть о будущей войне», рекомендованная издателями читателю как «одна из попыток советской военной фантастики». В целом ряде мемуаров военачальников она вспоминалась недобрым словом, как произведение сеющее вредные иллюзии. Как замечает в названной статье К. Симонов, беда заключалась не столько в бездарности книги, сколько в том, что она была напечатана «полумиллионным тиражом и твердой рукой поддержана сверху» [Симонов, 1987, с. 44].

Вот цитата из речи героя книги майора Грозы по случаю установления нашими летчиками мировых рекордов скорости: «Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет вражеские границы... Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны. И первыми среди первых будут советские летчики! Слава создателю советской авиации — великому Сталину!» [Шпанов, 1939, с. 28].

³ Н. Н. Шпанов (1896–1961, псевд. К. Краспинк) — прозаик и журналист.

Собственно по этому сценарию и развиваются события в этой книге. Многие ее страницы воспринимаются сейчас как пародия на реальность. На советских летчиков мирное население противника смотрит с надеждой как на освободителей от фашизма. «Все в порядке, товарищ маршал, — докладывает после ответного удара по врагу командующий советскими ВВС. — Бомбометание было исключительно точным. Судя по перехваченным сообщениям противника, гражданское население не пострадало». Мало того, рабочие крупных городов восстали, а «Народный фронт взял руководство» [Там же, с. 105]. Фашисты быстро были сокрушены.

Автор прямо пишет о том, что в качестве противника выступает германский фашизм во главе с Гитлером: «Под давлением народных масс во Франции образовано правительство Народного фронта. Гитлер получил отпор» [Там же, с. 134]. На это Шпанов получил официальное разрешение. Его книга проходила цензуру в январе 1939 г. Отдел печати НКВД СССР предложил автору заменить все иностранные имена политических деятелей вымышленными: «Исключение, конечно, может быть сделано для Гитлера, Геббельса и других главарей фашистской Германии, равно как и для Муссолини» [Между молотом и наковальней, 2011, с. 828]. Этот факт — еще одно свидетельство того, кто тогда руководителям страны представлялся врагом № 1.

Уроки войны с Финляндией заставили Сталина пересмотреть устаревшие установки на ведение военных действий. При анализе итогов финской кампании на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 г. в выступлении Сталина подчеркивалось, что «культ традиции и опыта гражданской войны» помешал нашему командному составу «с ходу вести войну в Финляндии по-новому»: «...Конечно, опыт гражданской войны очень ценен, традиции гражданской войны тоже ценны, но они совершенно недостаточны». Необходимо было «сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны» [Тайны и уроки..., 2000, с. 510].

Однако накануне войны в январе 1941 г. в совершенно секретной докладной записке Главного Управления Красной Ар-

мии в ЦК ВКП(б) констатировалось: «Освободительные походы Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году и в Бессарабию и Прибалтику в 1940 году породило ряд неправильных толкований об интернациональных задачах Красной Армии, о силе наших вероятных противников. Глубоко укоренился вредный предрассудок, что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить Советскую власть» [О состоянии военной пропаганды... 1990, с. 191]. Таким образом, несмотря на боевые действия, в которых советская армия к началу войны участвовала, политическую работу, проведенную в ее соединениях, иллюзии интернационализма сохранялись.

Оценивая уже зимой 1944 г. в ходе критического обсуждения творчества А. П. Довженко усилия страны в подготовке к предстоящей схватке с фашизмом, Сталин заметил: «Уроки Отечественной войны, которая идет уже более двух с половиной лет, говорят о том, что из всех стран, не ставящих себе захватнических целей, наша страна, наш народ оказались наиболее подготовленными к войне против германского империализма, даже по сравнению с такими мощными государствами, как Англия и Соединенные Штаты Америки. Такова правда» [Кино на войне, 2005, с. 386–387].

К успехам советской дипломатии Сталин отнес то, что ей «удалось вовремя сорвать намечавшийся военный блок империалистических государств; нейтрализовать в нынешней войне Японию, Турцию, Болгарию, а такие государства, как Англия и Соединенные Штаты Америки, оказались не во враждебном нам лагере, как это могло случиться, а выступают ныне вместе с нами в военном союзе против германского империализма».

О том, что СССР усиленно готовился к войне с фашистской Германией, сообщали в 1940 г. президенту США Ф. Д. Рузвельту американская дипломатия и разведка. Это подтверждал в ходе длительных бесед с президентом и бывший посол в Советском Союзе Джозеф Дэвис [Davis, 1945, p. 141; Мальков, 1988, с. 207].

ГЛАВА II

Журналистика периода Великой Отечественной войны

§ 1. ВСТАВАЙ, СТРАНА, НА СМЕРТНЫЙ БОЙ...

В совершенно секретном меморандуме о задачах войны Германии против СССР, извлеченном из архива фашистского идеолога Розенберга, говорилось: «На Востоке Германия ведет войну за осуществление трех целей:

- войну за уничтожение большевизма,
- войну за уничтожение великорусской империи
- и, наконец, войну за приобретение колониальных территорий для целей колонизации и экономической эксплуатации...»¹ [Нюрнбергский процесс..., 1960, с. 441].

Первая из названных целей была рассчитана на капиталистическую демократию — западноевропейскую и американскую цивилизации.

30 марта 1941 г. Гитлер собрал в рейхканцелярии в Берлине около 250 высших офицеров всех родов войск и в программной речи, длившейся два с половиной часа, изложил цели и задачи в войне с СССР. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал слова фюрера в дневнике: «Наши задачи в от-

¹ Характеру войны, тому, как он маскировался и оправдывался фашизмом, посвящена содержательная монография Ю. Я. Орлова [Орлов, 1985].

ношении России вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений... Речь идет о борьбе на уничтожение... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость — это благо для будущего» [Там же, с. 240–241; Служебный дневник..., 1959, с. 82].

Позднее, в 1942 г., Гитлер уточнял: «Цель моей восточной политики в том, чтобы заселить эту территорию, по крайней мере, ста миллионами людей германской расы...» Гиммлер вторил фюреру: «Германский восток до Урала... должен стать питомником германской расы» [Мельников, 1991, с. 372, 376].

Характер предстоящей войны с первых дней битвы с фашизмом у советских людей не вызывал сомнения. Композитор Д. Шостакович заявил 5 июля 1941 г.: «Я вступил добровольцем в ряды Народного ополчения. До этих дней я знал лишь мирный труд. Нынче я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры, конец цивилизации однозначны. Победа фашизма нелепа и невозможна. Но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь». Фотокорреспондент Г. Коновалов оставил нам документальное подтверждение этих слов: фотопортрет Д. Шостаковича как бойца добровольной пожарной дружины [см.: Заковырина, 2005, с. 79].

Ольга Берггольц вспоминала о днях, предшествовавших войне: «Эти дни я провела в заключении. С участниками гражданской войны я готовилась психологически к войне с фашизмом, понимая ее неизбежность. Уже тогда мы знали, что нам придется находиться на передовой линии в борьбе с гитлеризмом» (Вопр. лит. 1965. № 5. С. 19).

22 июня с официальным правительственным заявлением о нападении Германии на Советский Союз по радио выступил заместитель Председателя Совета Народных комиссаров и нарком иностранных дел В. М. Молотов. Он подчеркнул: «Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию,

Грецию и другие народы...» В этом заявлении впервые прозвучали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» (Правда. 1941. 23 июня). Они станут лозунгом начавшейся войны. В тот же день Президиум Верховного Совета СССР издал указы «О мобилизации военнообязанных» и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения».

В первый же день войны Патриарший Местоблюститель Русской Православной Церкви митрополит Сергей написал послание к верующим по случаю начала войны с благословением «всех православных на защиту священных границ нашей Родины». В нем митрополит подчеркивал: «Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере» [Русская православная Церковь..., 1943, с. 3–4].

25 июня было принято секретное постановление ЦК ВКП(б) «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды» — органа, который бы руководил «всей военно-политической пропагандой и контрпропагандой среди войск и населения противника». В его задачи входило:

— «составление листовок, обращений и лозунгов к войскам и населению противника;

— организация радиопередач к войскам и населению противника в районе действующих армий» (Изв. ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204).

29 июня была обнародована Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. Она писалась руководителями страны коллективно, дважды и окончательно ее правил Сталин. В ней подчеркивалось: «...в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Директива содержала программу борьбы против фашистских захватчиков:

— «в беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу»;

— «организовать всестороннюю помощь действующей Армии»;

— «укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность»;

— «при вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, ни оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего»;

— «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде»; для руководства ею «создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке»;

— «немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, — невзирая на лица» (Там же. 1911. № 6. С. 217–220).

Уже 24 июня 1941 г. со страниц «Известий» и «Красной звезды», по радио прозвучали проникновенные строки стихотворения В. И. Лебедева-Кумача, вскоре ставшего гимном тех лет:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг вспоминал: «В сердце ударила строка „Священная война“, вынесенная поэтом в заголовок стихотворения. Да, священная война! — эти слова жили в мыслях и чувствах нашего сражающегося народа» [Бирюков, 1984]. Стихи превратились в патриотическую песню, были распространены в виде листовки в тысячах экземпляров.

И диалог власти с народом в период Великой Отечественной войны обрел новые интонации, восходившие к традициям Руси, когда в лихую годину с зовущим на битву с врагом Словом к народу обращались полководцы и иерархи Русской Православной Церкви.

«Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Эти слова И. В. Сталина, фактического руководителя государства, сказанные им по радио 3 июля 1941 г., облетели всю страну [Сталин, 1951, с. 9]. Вот какое впечатление выступление Сталина оставило на слушавших его. 3 июля И. Эрнбург послал в зарубежную прессу корреспонденцию под этой же датой: «Телефонный звонок разбудил меня в 4 часа утра: вызвала редакция — „слушайте радио“. Я догадался, кто будет говорить. Речь Сталина потрясла всех. Она была глубоко человеческой. Каждый почувствовал, что Сталин обращается именно к нему, с первой же фразы: „К вам обращаюсь я, друзья мои!“ Сталин сказал об опасности: нужны большие жертвы и большое мужество». «...Уже само начало выступления Сталина, — писал А. Кривицкий, военный корреспондент „Красной звезды“, — „Братья и сестры... к вам обращаюсь я, друзья мои“ — заставило вздрогнуть. Какой могучей силой обладало это коротенькое: „...друзья мои!“! Как оно вдруг сблизило людей, как его не хватало долгие, долгие годы!» [Кривицкий, 1964, с. 58].

Необычно звучащее обращение вождя, да еще в момент трагического положения, задавало интонацию в разговоре с народом, журналистики с массовой аудиторией на весь военный период. И в целом этот тон — в диапазоне откровенности, суровости и порой жесткости — и новый подход к диалогу с народом поддерживался руководством страной на протяжении всего военного времени.

«В ответ на бандитское нападение фашистской Германии на Советский Союз Советское правительство 22 июня провозгласило Отечественную войну, — писал в те дни, выступая от имени руководства страны, Председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин, — что уже предопределило ее народный ха-

раakter. Да иначе и быть не могло, ибо в этой войне дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение» [Калинин, 1941].

«Мы не рассчитываем на легкую победу, — говорилось в редакционной статье «Правды» от 24 июня 1941 г. — Мы знаем, что победа над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимися в нашу страну, будет трудна и потребует от нас немало жертв». «Правда» призывала встать на защиту Родины.

В «Известиях» 13 августа 1941 г. Н. Петров (псевдоним М. И. Калинина) в статье «Священная ненависть» подводил итоги «семи недель упорных боев с фашистской военной машиной, небывалых в истории народов по своим размерам и ожесточению, боев, которые с неослабевающей силой продолжаются». Автор подчеркивал, что в борьбе с фашистами необходимы «напряжение всех сил народа», «лютая ненависть к врагу; это — священная ненависть, которая овладевает сердцами всех нас», поскольку враг имеет «разбойничьи цели». «Священная ненависть к врагу, стремление к победе над ним, — завершает статью Калинин, — побуждает нас, зовет нас на все более действенную борьбу с врагом на фронте и в тылу врага, на высокопродуктивную работу в мастерской и в колхозе, в художественной студии и лаборатории ученого, не оставляя места для успокоенности и благодушия. В этом смысл Великой Отечественной войны» [Калинин, 1975, с. 20–22].

Как один из руководителей государства М. И. Калинин (1875–1946) в печати и по радио в своей публицистике взывал к патриотическому чувству советского народа. Только в 1941 г. он выступил со статьями в «Известиях» — «Патриотический долг населения прифронтовой полосы» (10 июля), «Священная ненависть» (13 августа), «Народный воин» (23 августа) и др.; в «Ленинградской правде» — «Письмо защитникам Ленинграда» (7 ноября); в «Волжской коммуне» — «Что значит быть патриотом в наши дни» (20 ноября). Многие его статьи были распространены в виде листовок.

Гитлеровский фашизм до нападения на Советский Союз процветал по европейскому континенту как победитель, как за-

воеватель: Франция, Польша, и более малые страны под его ударами пали в считанные дни. Победители в походах и на парадах горланили [Мержанов, 1964, с. 381]:

...Мы были в деле
Всего лишь три недели,
И кончилась сполна
Веселая война.

Ах, Франция, голубка,
Трещит и рвется юбка
Трехцветного сукна.
Веселая война!

Встретив сопротивление на русской территории, фашисты озверели: виселицы, расстрелы, издевательства над мирным населением, угон в рабство, лагеря смерти — врага не оставляли никакие моральные нормы. Немецкий историк и публицист Иоахим К. Фест констатирует, что вслед за наступающим фашистским войском «„айнзацгруппы“ устанавливали на захваченных территориях свой порядок террора, прочесывали города и села, сгоняли вместе евреев, партерботников, интеллигенцию и вообще всех, кто потенциально мог относиться к руководящим слоям общества, и уничтожали их» [Фест, 1993, с. 242–243]. Это был не бытовой бандитизм, а государственный, санкционированный самим Гитлером, канцлером Германии.

11 ноября в открытом «Письме защитникам Ленинграда» М. И. Калинин заявлял: «Фашисты, избалованные легкими победами и грабежами в странах Западной Европы, думали так же легко пройти и по стране социализма. Но Ленинград встал на пути их продвижения вперед... Борьба идет на фронте в две с лишним тысячи километров... Борьба жестокая, кровавая, непримиримая, ибо как может примириться свободный народ с готовящимся ему порабощением!». Калинин выражал уверенность в том, что «ленинградцы не только устоят перед врагом, но и заставят его с позором отступить от стен города».

Стоял вопрос о жизни и смерти советского человека и российской государственности. В этих условиях суворовская наука побеждать состояла в отстаивании каждой пяди родной земли, в мужестве и стойкости ее защитников, умении ими переносить все тяготы и превратности военной поры, в воспитании ненависти к врагу. Основную роль в выполнении этих задач сыграла ставшая важным боевым оружием в победе над врагом журналистика. Когда листаешь страницы газет и журналов 1940-х годов, чувствуешь это тяжелое дыхание Времени.

§ 2. УПРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКОЙ В ПЕРИОД ВОЙНЫ

Особые исторические условия потребовали значительной перестройки всего информационного процесса, проблемно-тематического комплекса журналистики, организации труда редакций и журналистов, всей системы средств массовой информации в целом, включая корректировку деятельности органов цензуры. К началу Второй мировой войны функции цензуры выполняли несколько структур:

- Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати,
- Главлит при Наркомпросе РСФСР,
- Центральная военная цензура при Наркомате обороны,
- Военная цензура при Наркомате Военно-Морского Флота,
- Главрепертком при Комитете по делам искусств,
- Кинорепертком при Комитете по делам кинематографии,
- Управление государственной съемки и картографии при СНК СССР.

По постановлению СНК СССР от 19 декабря 1940 г. на Главлит был «возложен государственный контроль над художественным радиовещанием», чем ранее занимался Комитет по делам искусств [Русская журналистика в документах, 2003, с. 340].

Накануне Великой Отечественной войны 2 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) постановил учредить должность Главного военного цен-

зора при СНК Союза ССР, утвердив при этом и «Положение» о нем [Там же].

Основную практическую работу выполняли цензоры Главлита.

Она включала в себя: «газет 7194 с количеством номеров 898 418, разовым тиражом 35 517 000 экземпляров (без печати РККА и ВМФ); журналов 1762, объемом 83 035 авторских листов, тиражом 268 590 тысяч экземпляров в год; книг 41 000, объемом 247 066 авторских листов, тиражом около 600 миллионов; все материалы ТАСС; 92 вещательных радиостанции, 1400 радиоузлов с собственным вещанием; иностранной литературы 2 357 803 бандероли; библиотек 70 000, из которых органы Главлита изымают политически вредную литературу; типографий 4681, в которых контролировался порядок производства и выпуска в свет произведений печати» [История советской политической цензуры, 1997, с. 318–319].

Приведенные цифры из дотошного отчета Главлита о работе в 1939 г. показывают всеохватность цензурой информационного процесса советского общества. В ведомстве в это время трудилось 203 человека руководящего состава; 4279 цензоров, из которых 2199 ими были в районах по совместительству; 545 человек обслуживающего персонала. По мнению руководителей цензуры, в 1939 г. ее аппарат был «значительно укреплен»; 73 % его состава имело высшее и среднее образование. Но большинство цензоров (88 %), как результат постоянных политических чисток, работали в ведомстве 1–2 года, причем 60 % — всего год. Это явно противоречит высказанному мнению.

К войне цензурное ведомство готовилось заранее. Основными его функциями стали:

- охрана государственной и военной тайн,
- «политико-идеологический контроль печати» [Там же, с. 319].

В июле 1939 г. был разработан «Перечень сведений, являющихся государственной и военной тайной на военное время», введенный в действие 17 сентября на Украине, в Белоруссии, Карелии и 11 областях, находившихся на военном положении. 13 декабря в связи с переходом на мирное положение он был отменен в боль-

шинстве мест, но, поскольку началась Вторая мировая война, он продолжал действовать в Карелии и Ленинградской, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Калининской областях.

По этому «Перечню» запрещалась публикация «каких бы то ни было данных о продвижении, дислокации, военных действиях Красной армии и флота, воздушного флота, данных о работе промышленности, транспорта, метеорологии и других областей народного хозяйства, связанных с обеспечением успешного действия Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота» [Там же, с. 320]. Однако опыт цензурного ведомства свидетельствует, что второй его фронт — политико-идеологический — был не менее важным и в условиях войны.

В отчетах Главлита к числу ошибок редакций отнесены: «разглашение военных и экономических тайн Советского Союза, искажение решений партии и правительства при их перепечатке или комментариях, неправильные формулировки, идущие вразрез внешней политике Советского правительства (договора с Германией, Латвией, Литвой и Эстонией), неправильные освещения отдельных фактов из истории народов СССР и советской действительности, вульгаризация и упрощенчество марксистско-ленинской теории, политически вредные формулировки в виде „опечаток“, искажения цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма и руководителей партии и правительства» [Там же, с. 321]. Итоги деятельности цензоров за 1939 г. Выглядят следующим образом [Там же]:

Характер цензуры
накануне Великой Отечественной войны
(число вычерков сведений,
не подлежащих оглашению в печати и на радио)

Тема	Число вычерков %
Об армии и флоте —	5 794,9
О военной промышленности и оборонному строительству —	2 249,3
Другие объекты оборонного значения —	10 537,16

Экономическая информация —	2 781,4
Искажения цитат классиков марксизма-ленинизма —	2 278,3
Политически неправильные формулировки —	11 722,18
Переносы, искажающие смысл текста, —	2 271,3
Опечатки —	18 025,28
Другие —	10 469,16
Всего —	66 126,100

Как видим, сведения о военной и государственной тайне составили треть вычерков, остальная работа цензоров была сосредоточена на улавливании политико-идеологических промахов. Характерен в этом смысле следующий комментарий из отчета: «В произведениях печати, особенно в газетах, много политических искажений, под видом, так называемых, „опечаток“. Приводятся примеры из практики районов:

«В массах трудящихся всего мира растет ненависть к хищному социалистическому (вместо „капиталистическому“) строю»;

«В то время как в Европе полыхает пожар войны, наша страна в результате осуществления политики партии продолжает подобные (вместо победные) шествия по сталинскому пути» [Там же, с. 323–324].

Кроме того, политико-идеологическая функция была основной в контроле иностранной литературы, поступавшей в страну из-за границы, а также в изъятии «политически вредной литературы», чему уделялось особенно много внимания. В 1938–1939 гг. по решению ЦК партии от 9 декабря 1937 г. Главлитом была проведена «значительная работа по очищению библиотек и книготорговой сети от литературы, засоренной изданиями разоблаченных врагов народа» (из отчета Главлита за 1939 г.). За два года цензурное ведомство издало 199 приказов на изъятие произведений 1860 авторов с 7809 названий книг; 4512 книг отдельных авторов, 2833 сборников и 1299 названий списано в макулатуру. Всего, таким образом, 16 453 названия. В стране из библиотек и книготорговой сети изъято по этим приказам 24 138 799 экземпляров» [Там же, с. 327].

В годы Великой Отечественной войны рутинная работа цензурного аппарата была столь же интенсивной². В ней участвовало 4585 цензоров. Они проверили и выпустили в свет «внутренней и иностранной литературы 2 233 862 печатных единиц, из которых 171 201 книга, 258 833 номера журналов, 1 575 456 номеров газет, 228 372 брошюры, каталога и тому подобных изданий, 140 293 авторского листа материалов радиовещания». Ими не были допущены в печать или к распространению 82 161 материал, сведений и данных, из которых по мотивам: сохранения государственных тайн — 36 212, политическим — 17 047, антисоветским — 28 902. В практике цензуры в этот период стали преобладать запреты сведений, нарушающих государственную тайну, включая военную, и проявлений антисоветизма в иностранной печати, которая продолжала в основном сохранять довоенный тон по отношению Советскому Союзу.

С улучшением положения на фронте у идеологических цензоров накопился такой литературный материал (произведения М. Зощенко, А. Довженко, Н. Асеева, И. Сельвинского и др.), который вызывал у них недовольство. С поста председателя правления ССП был снят А. Фадеев. 2 декабря 1943 г. Секретариат ЦК партии принял закрытое постановление «О контроле над литературно-художественными журналами» с критикой «Нового мира», «Знамени» и «Октября». Партийное вмешательство в литературный процесс с этого времени усилилась. Цензурное ведомство сразу же отреагировало на это. В 1943 г. при утверждении планов издательств, просмотре рукописей и версток к изданию не были допущены 432 «недоброкачественные и даже враждебные» книги, в числе которых, к примеру, была книга М. Шагинян «Уральский город», где якобы «клеветнически изображался советский Урал» [Бабиченко, 1995, с. 157].

И в военные годы основным типом цензуры по-прежнему была всеобъемлющая партийная цензура. Она охватывала и то, что было недоступно для цензурного аппарата. Важное значение для

² См.: Бабиченко, 1994, с. 143–144. — Автор в сноске цитирует важный архивный документ от 26 октября 1945 г.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 306. Л. 131.

начального периода Великой Отечественной войны имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По нему военный трибунал карал виновного в этом тюремным заключением «на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжелого наказания» [Русская журналистика в документах, 2003, с. 341]. Отслеживанием такого рода преступлений во многом занимался партийный аппарат.

На протяжении всей войны журналистика находилась под ослабленным вниманием со стороны руководящих партийных органов, выступавших одновременно в роли издателя и главного контролера-цензора журналистики. В первую очередь, решалась ее кадровая проблема — организация штата военных корреспондентов. 9 августа 1941 г. ЦК партии принял постановление, в котором подверг критике работу «специальных военных корреспондентов центральных газет и ТАСС», неправильную ее организацию. Главному политическому управлению Красной Армии предлагалось принять меры «к немедленному устранению указанных недостатков» [КПСС в резолюциях..., 1985, с. 232]. В итоге в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии было утверждено положение «О работе военных корреспондентов на фронте».

Право иметь постоянных корреспондентов на фронте предоставлялось Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, «Красной звезде», «Известиям», «Правде», «Красному Флоту», «Сталинскому соколу», «Комсомольской правде» и тем республиканским и областным газетам, на территории которых проходили военные действия. Ряды военных корреспондентов пополняли писатели, поэты и журналисты из гражданской прессы. В штате газет появилась должность «писатель». Около четверти всех членов Союза советских писателей было на фронте. У «Правды», имевшей к этому времени мировой авторитет, было около 40 военкоров.

Военными корреспондентами могли быть как партийные, так и беспартийные журналисты, «имеющие опыт журналистской

работы и обладающие необходимым для работы на фронте минимумом военных знаний». Они зачислялись в кадры Красной Армии. «Главной задачей военных корреспондентов, — подчеркивалось в документе, — является показ людей фронта и командиров Красной армии (Военно-морского флота), хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и хитрости в борьбе с врагом, их ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования» [О партийной и советской печати, 1954, с. 499].

Военный корреспондент должен был показывать боевой опыт бойцов, командиров и воинских частей, «содействие населения прифронтовой полосы боевым действиям армии»; обличать чинимые врагом зверства, грабежи и насилия над мирными населением оккупированных им районов и др. В число его обязанностей входило строжайшее соблюдение военной тайны и такое поведение на фронте, которое показывало «образец дисциплины, смелости и неутомимости в работе», готовность «в любую минуту к участию в бою, если этого потребует сложившаяся обстановка» [Там же, с. 500]. Деятельность корпуса военных корреспондентов должна получать «всемерное содействие» и помощь со стороны политического и военного руководства армии. Руководство им осуществлялось редакторами газет, Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитетом.

В июле 1942 г. при Главном политическом управлении Красной Армии был образован Совет военно-политической пропаганды, главной задачей которого было обобщение опыта партийно-политической работы в войсках и разработка мер по ее дальнейшему совершенствованию. В самом Главном политуправлении и в политуправлениях фронтов были созданы отделы для организации партийно-массовой работы среди населения оккупированных регионов и политического руководства партизанским движением [Юденков, 1971, с. 122–123].

При реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в армии в мае 1943 г. ЦК ВКП(б) поставил вопрос и об усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет в

«политическом, военной и культурном воспитании» личного состава армии и предложил сделать газеты «важнейшим центром политической работы» [КПСС о средствах массовой информации и пропаганды, 1979, с. 178–179]. Эта установка дважды повторяется в постановлении ЦК и в дальнейшем получит развитие в других его документах.

3 марта 1942 г. Управление пропаганды и агитации разослало по редакциям письмо «О работе районных газет» с довольно основательной, деловой критикой их деятельности. Вместе с письмом в редакции были отправлены 6 номеров газеты «Коммунист» Воскресенского района Московской области. Ее редакция на двух полосах малого формата делала «хорошую газету». При этом фактически редакции получили модель районки военного периода. Она состояла из образца — разосланной газеты и подробного комментария практики ее редакции и содержания газеты. Комментарий показывал не только позитивные, но и негативные стороны этой практики.

В письме «основная задача районных газет» определялась как воспитание «в трудящихся огненной ненависти к немецко-фашистским мерзавцам, посягающим на жизнь и свободу нашей Родины»; вдохновение нашего народа на Великую Отечественную, освободительную войну; мобилизация трудящихся на выполнение конкретных задач, стоящих перед районом в деле активной поддержки фронта; разъяснение трудящимся, что «в войне против фашистской Германии дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение» [О партийной и советской печати, 1954, с. 493, 495]. Управление уточняло проблемно-тематический комплекс районов, форму подачи информации, характер верстки и др.

В июле 1942 г. Управление разослало по редакциям письмо методического характера «О задачах районных, областных, краевых и республиканских газет в связи с уборкой урожая и заготовками сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.». В нем подробно и на конкретных позитивных и негативных примерах рассказывалось, как успешно и поэтапно провести сельскохозяйственные

кампании — уборку урожая и выполнение плана заготовок сельхозпродуктов. Это тогда являлось «одной из важнейших военнo-хозяйственных задач» печати и всех советских и партийных организаций, колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций «в деле скорейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков». Журналисты должны были разъяснять, что «успешное проведение уборки урожая в нынешнем году является одним из условий скорейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков» и что работать надо «не покладая рук от зари до зари» — в этом состоит священный долг каждого колхозника, рабочего МТС и совхоза [Там же, с. 501, 506].

Такой же методический, в основном критичный, характер имело распространенное по редакциям в марте 1943 г. большое письмо Управления «О недостатках газет в освещении работы промышленных предприятий», в котором отмечались промахи газет: поверхностный подход к освещению работы предприятий; отсутствие критических публикаций; то, что редакциями упускаются из виду важнейшие вопросы промышленности, к примеру, энергетики, и др. Письмо было разбито подзаголовками на параграфы: «Задачи газет в борьбе за увеличение добычи топлива», «Вопросы транспорта», «Укрепление порядка и дисциплины на предприятиях», «Производственное обучение и политическое воспитание новых рабочих», «Режим экономии...», «Вопросы материально-бытового обслуживания трудящихся». Эти подзаголовки концентрировали внимание редакций на особо выделенных проблемах, рожденных захватом врагом территорий страны. Так, в письме говорится: «Временная потеря нами южной металлургии обострила нашу нужду в металле. В связи с этим особая ответственность ложится на металлургов Урала и Сибири».

Наконец, Управление напоминало журналистам о необходимости при освещении работы предприятий строжайше соблюдать государственную тайну, «чтобы не разгласить сведения, имеющие секретный характер». За это «редакторы газет несут наравне с органами цензуры полную ответственность» [Там же, с. 516–522, 525].

В 1944 г. руководству страны стало ясно, что враг будет сломлен окончательно, Красная Армия освобождала все новые территории, население которых находилось в оккупационном режиме два-три года (часть Украины, Белоруссии, Северо-Запада РСФСР). Псков, например, был захвачен немецкими войсками 9 июля 1941 г., а освобожден советскими солдатами 23 июля 1944 г. Мощная фашистская агитационно-пропагандистская машина все это время пыталась воздействовать на советского человека, потому что стали известны случаи коллаборационизма — предательства интересов Родины и сотрудничества некоторой части населения в той или иной форме с оккупационными властями [Семиряга, 2000; Ковалев, 2004; Коллаборационизм..., 2014; Огороков, 2007].

Контролируя деятельность журналистики, правящая партия начинает проводить по отношению к ней по сравнению с довоенным подходом, ориентировавшим ее в первую очередь на производственную пропаганду, новую установку — на политическое просвещение аудитории и на идеологизацию проблемно-тематического комплекса печати. Это отчетливо прозвучало в постановлениях ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» и «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации».

В первом документе подчеркивалось, что «население Белорусской ССР в течение трех лет было лишено правдивой советской информации и испытывало воздействие лживой фашистской пропаганды», насаждавшей «частнособственнические, антиколхозные и антигосударственные настроения»; поэтому здесь могла вестись «подрывная деятельность вражеской агентуры» и распространяться ею лживые, провокационные слухи. В постановлении указывалось, что важнейшей задачей руководителей республики является «развертывание массово-политической работы среди населения, восстановление работы культурно-просветительных учреждений, организация идейно-политического воспитания партийных, советских, профсоюзных, комсомольских кадров и интеллигенции» [О партийной и советской печати, 1954, с. 530].

Поскольку в решении всех этих проблем большое место отводилось белорусской журналистике, документ содержал целую программу ее развития с упором на подготовку ее кадров:

— при Белорусском государственном университете создавался первый в стране факультет журналистики. Он был открыт 1 сентября 1944 г. [Кожушков, Яновский, 1990, с. 65];

— ЦК КП(б) Белоруссии предлагалось:

а) «подобрать политически подготовленных и способных к журналистской работе товарищей для работы в качестве редакторов и секретарей редакций газет»;

б) организовать при редакциях республиканских и областных газет месячную практику для подготовки и переподготовки редакторов и секретарей районных газет;

в) систематически заслушивать на разных уровнях отчеты редакторов газет и ответственных партработников;

г) повседневно наблюдать за содержанием газет, обобщать их положительный опыт и вскрывать недостатки в обзорах и письмах, рассылаемых в редакции, публиковать обзоры печати и т. д. [О партийной и советской печати, 1954, с. 531].

Во втором постановлении ЦК ВКП(б) критиковал руководителей Татарской парторганизации, допустивших в работе серьезные идеологические ошибки, неумело занимавшихся идейно-политическим воспитанием интеллигенции и массово-политической работой среди населения, что нашло отражение и в местной периодике. ЦК потребовал превратить газеты «на деле в важнейшие центры политической работы в массах» (основная формулировка новой установки). В связи с этим предлагалось восстановить отделы партийной жизни и отделы пропаганды в республиканских газетах, внести изменения в проблемно-тематический комплекс печати, обратив «особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета», историю социалистических преобразований в республике, «популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов — героев Отечественной войны» [Там же, с. 528–529].

§ 3. ПЕРЕСТРОЙКА ЖУРНАЛИСТИКИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД

Журналистика военных лет выступала не столько летописцем событий, сколько их полноправным участником, организатором борьбы с врагом. Все было поставлено на службу войны, на выполнение одной задачи — дать отпор врагу и достичь победы над ним.

24 июня 1941 г., на третий день войны, по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР было создано Советское информационное бюро, имевшее задачи:

«а) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио;

б) организацию контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды;

в) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного Командования» [Русская журналистика в документах, 2003, с. 341].

Уже 24 июня было передано сообщение от имени Советского информбюро. И затем ежедневно, а некоторое время и два раза в сутки (утром и вечером) передавались его сводки «От Советского информбюро». За годы войны было сделано 2500 таких сообщений, которые преследовали две основные задачи:

— дать правдивую, оперативную информацию с фронтов;

— разоблачить вымыслы, извращения фактов, откровенную ложь фашистской пропаганды. С этой же целью Совинформбюро устраивало конференции для иностранных и советских журналистов.

Сообщения Совинформбюро стали неотъемлемой и необходимой частью жизни народа. По ним с напряженным вниманием люди следили за ходом сражений. Командир Красной Армии Н. М. Катаев (Западный фронт) вспоминает: «В деревне Тимошовой мы встретили старушку Анну Зуеву... Эта старая колхозница попросила у нас газету, она сказала: „Могу теперь даже сутки не кушать, но не могу без последних известий Совинформбюро — в

них вся наша жизнь“» [Великая Отечественная война в письмах, 1980, с. 67].

Перестройка коснулась и центральной печати. Из 39 центральных газет было оставлено менее половины — 18. Перестали выходить газеты «Черная металлургия», «Животноводство», «Машиностроение», «Текстильная промышленность» и др. Сокращение не было механическим актом: функции закрытых изданий передавались оставшимся. Происходило как бы объединение газет. Так, «Социалистическое земледелие» возникло на базе «Совхозной газеты» и «Животноводства», «Литературная газета» была объединена с газетой «Советское искусство»: новое издание имело название «Литература и искусство» (редактор А. Фадеев) и т. д. Сокращалась сеть республиканской и местной прессы. Были закрыты все молодежные, комсомольские газеты, кроме «Комсомольской правды» и «Смены» (Ленинград). Была уменьшена сеть журналов, их содержание тоже перестраивалось на военный лад. Сократились тиражи, периодичность и объем изданий. Республиканские, краевые, областные газеты стали выходить 5 раз в неделю на двух полосах, районки — еженедельно на двух полосах малого формата. Перед редакциями была поставлена задача по экономии газетной площади, в связи с чем стала использоваться более плотная верстка текста.

В итоге проведенных мер по сокращению числа изданий к 1942 г. в стране осталось 4560 газет (для сравнения: в 1940 г. их было около 9000) с общим тиражом 18 млн. экземпляров (было 38 млн.) [Кузнецов, Попов, 1975, с. 4–5].

В этот исторический период естественно получает развитие сеть военной печати. Ею были охвачены все рода войск. Ее флагманом была ежедневная военная и общественно-политическая газета «Красная звезда», орган Наркомата обороны (с 1 января 1924 г.). С 11 декабря 1941 г. она выходила под лозунгом «Смерть немецким оккупантам!», с 24 мая 1945 г. — «За нашу Советскую Родину!». В ее редакции работали К. Симонов, А. Сурков, В. Гроссман, П. Павленко, Б. Лапин, сотрудничали в газете М. Шолохов, И. Эренбург, А. Толстой, Н. Тихонов, А. Платонов и др.

Публикации «Красной звезды» имели установочное значение в разработке и освещении важнейших вопросов тактики и стратегии военных действий, оперативного искусства, использования родов войск в ходе войны, в вооружении боевым опытом офицерских кадров, их политическом воспитании и идейной закалке.

Еще 6 февраля 1938 г. была создана ежедневная газета «Красный флот», орган Наркомата Военно-Морского Флота. В ней постоянно печатались писатели В. Вишневский, А. Новиков-Прибой, Л. Соболев, В. Ставский и др. Наркомат обороны стал издавать 3 раза в неделю газеты Военно-Воздушных Сил: с 7 сентября 1941 г. — «Сталинский сокол», с начала 1942 г. — «Красный сокол», газета дальней авиации.

Сеть военных газет дифференцировалась в соответствии со структурой воинских подразделений на фронтовые, корпусные, бригадные, армейские и дивизионные. Уже в 1942 г. издавалось 4 центральные, 13 фронтовых, 93 корпусные и армейские, 600 дивизионных и бригадных газет. Общий тираж этой прессы составлял более 3 млн. экземпляров. Фронтовые газеты имели четыре полосы малого формата, бригадные, армейские и дивизионные — две. 64 военные газеты выходили на языках народов СССР. На восьми языках издавалась газета 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец», на семи языках — газета 3-го Украинского фронта «Советский воин».

Сеть военных журналов включала в себя самый популярный массовый журнал «Красноармеец» с тиражом 250 000 экземпляров; журналы для родов войск: «Артиллерийский журнал», «Военно-инженерный журнал», «Журнал автобронетанковых войск», «Связь Красной Армии»; журналы: общественно-политический — «Война и рабочий класс», литературно-художественный — «Фронтовая иллюстрация», сатирические — «Фронтовой юмор» (Западный фронт), «Сквозняк» (Карельский фронт) и др.

На передних рубежах борьбы с фашистами перестройка журналистики происходила по-своему. Об этом свидетельствует опыт Ленинграда. По замыслу Гитлера (план Барбаросса) путь к сердцу России — Москве лежал через Ленинград, но тут врагу встретилось неодолимое препятствие: город был превращен в крепость,

каждый его житель от мала до велика стал бойцом. Страна получила возможность собрать силы и одновременно помочь ленинградцам. Казалось бы, в условиях блокады должны были остановиться печатные станки, умолкнуть радио. Однако, несмотря на все трудности, в городе и области продолжали выходить в значительном количестве газеты и журналы, издавались книги, радио в квартирах блокадников вообще не выключалось: оно как бы связывало их друг с другом и со всей страной.

Основным органом города и области была ежедневная газета «Ленинградская правда», имевшая тираж более 200 тыс. экземпляров, редактировалась она П. В. Золотухиным, Н. Д. Шумиловым — с 1942 г. С 10 декабря 1941 г. она выходила вместо четырех полос на двух. В условиях блокады выпуск газеты был приравнен к выпуску боеприпасов, выпечке хлеба: электроэнергией тогда могли пользоваться предприятия, работавшие на фронт, хлебозаводы и типография «Ленинградской правды».

«Сегодня электроэнергии выработано в 120 раз меньше, чем вырабатывалось до войны. Даже не вышла „Ленинградская правда“. Номер за 25 января был набран, сверстан, подготовлен к печати, но электроэнергии типография не получила», — читаем в дневнике журналиста А. В. Бурова, запись от 25 января 1942 г. (Ленингр. правда. 1978. 18 янв.). И это был единственный случай, после которого руководители города приняли меры к тому, чтобы такое не повторилось. Гарантией тому были мужество и самоотверженность, которые проявили люди, выпускавшие газеты: бригадир верстальщиков Гусько, полиграфисты Коротыгин, Китайцева, Соколов [Шапошников, 1978, с. 46].

«Пошел умирать», — такую записку оставил мастер-стереотипер Бартеньев своему сменщику. И действительно, еле добравшись до дому, Бартеньев надел заранее приготовленную чистую рубашу и лег помирать. Но к нему пришли его товарищи из типографии, такие же опухшие от голода и еле передвигающиеся. Они сказали, что его сменщик не пришел и не придет: «Стереотип отливать некому. Газета не выйдет». Мастер как мог поднялся. Ему помогли надеть ватник и дойти до работы. Бартеньев сделал отливку и, когда раздался шум ротационных машин, когда

газета пошла в жизнь, только тогда он ушел из жизни [Время, отлитое в строки, 1968, с. 238].

В 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал специальный Указ «О награждении орденами и медалями работников полиграфии и издательств города Ленинграда» (Ленингр. правда. 1944. 24 июня).

Ведущее место в «Ленправде», которая обслуживала и нужды фронта, распространялась в воинских частях, занял созданный новый, военный отдел, возглавлявшийся В. К. Грудининым. Корреспонденты отдела М. Ланской, М. Михалев, А. Рискин, О. Смирнова и др. вели военный репортаж, бывали в армии.

Как и во всей печати страны, в редакции появилась должность «писатель в газете». В «Ленправде» сотрудничали литераторы: Николай Тихонов опубликовал более 20 статей и очерков, Всеволод Вишневский — 12, Всеволод Азаров — 9, Виссарион Саянов — 8; печатались Ольга Берггольц, Александр Прокофьев, Вера Инбер, Вера Кетлинская, Евгений Федоров и др.

С 28 июля 1941 г. под редакторством В. К. Грудинина был налажен выпуск ежедневной двухполосной газеты «„Ленинградская правда“ на оборонной стройке» с тиражом до 40 тыс. экземпляров [С пером и автоматом, 1964, с. 78]. Временно издававшаяся газета сыграла важную роль в мобилизации ленинградцев на строительство оборонных сооружений вокруг города, в превращении его в крепость. Ближким по задачам и типу к этому изданию был орган Ленинградской армии народного ополчения «На защиту Ленинграда» (июнь — октябрь 1941 г., 79 номеров). Газета обслуживала 110-тысячное войско ополченцев. Кроме того, выходили газеты для заготовителей леса и торфа («„Ленинградская правда“ на лесозаготовках», «Торфяник» — с июля 1942 г.), строителей («„Ленинградская правда“ на стройке»). Для населения оккупированных районов и партизан выпускались специальные номера «Ленинградской правды»: за первые полтора года войны вышло 25 таких номеров тиражом свыше 600 тыс. экземпляров [Шапошникова³, 1978, с. 46].

³ Эта брошюра — единственная работа, дающая обзор периодики Ленинграда военного времени (за исключением фронтовой печати).

Старейшая молодежная газета страны «Смена» продолжала выходить и во время войны. Однако зимой 1942 г., когда городу не хватало электроэнергии, ее издание было приостановлено, но редакция стала выпускать «„Смену“ по радио» [Товарищ Смена, 1969, с. 250]. Почти месяц — с 9 января по 5 февраля — длился перерыв в печатании газеты [С пером и автоматом, 1964, с. 79]. Журналисты «Смены» первыми подхватили инициативу девушек Приморского района по созданию комсомольских бытовых отрядов, взявших на свое попечение детей и стариков, семьи фронтовиков, помогавших тем горожанам, которые не могли сами себя обслужить, заболевшим, ослабшим от голода. Первый такой отряд появился в середине февраля 1942 г. — в самое трудное время для ленинградцев. Освещение этого благородного, гуманного движения молодежи стало важнейшей темой газеты [см.: Петерман, 1964, с. 81–84].

«Смена» активно практиковала выездные редакции на лесопи и торфозаготовки (предприятия «Назия», «Ириновское»). Эти редакции выпустили 50 номеров газеты тиражом 1500 экземпляров. С сентября 1942 г. журналисты «Смены» стали готовить специальные номера для молодых партизан и молодежи оккупированных районов. Воскресный номер «Смены» за 6 сентября 1942 г. «поистине является номером-реликвией», — замечает историк А. П. Шапошникова. Весь его тираж на самолете был доставлен за линию фронта [Шапошникова, 1978, с. 62–63, 78].

С 31 января 1942 г. в Ленинграде 30-тысячным тиражом издавался оперативный бюллетень «Последние известия». Уже 25 июня появился первый выпуск «Окон ТАСС». За годы блокады выпущено около 200 «Окон», показывавших героизм тех дней на фронте и в тылу. Выходили тиражом в 10 тыс. экземпляров две фотогазеты «Балтийцы в боях за Родину», «Красноармейская газета». На фронте особой популярностью пользовались сатирические выпуски «Боевого карандаша», готовившиеся ленинградскими художниками. В их эмблеме карандаш справедливо был приравнен к штыку. Уже 23 июня 1941 г. художники создали рисунок для первого номера — «Фашизм — враг человечества», его тираж составил 3 тыс. Всего до снятия блокады появилось 103

номера «Боевого карандаша»; их тираж доходил до 15 тыс. экземпляров [Художники Ленинграда..., 1965, с. 69–79].

В 1942 г. было возобновлено издание 29 многотиражных газет на заводах и фабриках («Защита Отечества», «Кировец», «Ижорец», «Патриот», «Молот», «Боевой тыл» и др.) [900 героических дней, 1966, с. 348], журналов: литературно-художественных — «Звезда» и «Ленинград», политических — «Пропаганда и агитация», «Блокнот агитатора». С 1942 г. в блокированном городе выпускались однодневные газеты районов Ленинграда, имевшие тираж 800–1200 экземпляров. Обычно они были приурочены к определенным производственно-бытовым кампаниям (помощь фронту, подготовка города и жилья к зиме, заготовка топлива, поддержание чистоты на улицах и др.) [Победимов, 1961]:

— «Всё для фронта!» (14 апреля), Василеостровский район. Номер имел специально для него написанную статью В. Вишневского;

— «Навстречу зиме» (24 сентября), Красногвардейский район;

— «Навстречу военной зиме» (2 октября), Василеостровский район;

— «Встретим зиму во всеоружии», Ленинский район;

— «За чистоту», Фрунзенский район;

— «В поход за чистоту», Василеостровский, Куйбышевский и другие районы.

В борьбе с голодом по инициативе руководителей города его земельные площади стали использоваться под огороды — даже Марсово поле, скверы у Исаакиевского и Казанского соборов. При Ленсовете был создан земельный отдел, в районах издавались однодневные газеты, к примеру, «Красногвардейский овощевод» (15 мая 1943 г.). За лето и осень 1942 г. «Ленправда» опубликовала более 20 статей по вопросам овощеводства. За блокадный период вышло в свет более 60 брошюр, листовок, памяток по проблемам агропропаганды [С пером и автоматом, 1964, с. 352]. Позднее, в 1944 г., этот опыт выпуска однодневных газет был использован при восстановлении города.

В осажденном городе продолжалась издательская деятельность: регулярно печатались листовки, плакаты, боевые листки.

С начала войны по 1 января 1943 г. Лениздат выпустил 91 лозунг общим тиражом 1 млн. экземпляров, 18 плакатов тиражом более 700 тыс. и 35 листовок тиражом около 4 млн. экземпляров [900 героических дней, 1966, с. 320].

Лениздат работал, несмотря на блокадные условия. В январе — апреле 1942 г. из-за нехватки электроэнергии и специалистов вынуждены были остановиться все полиграфические предприятия, кроме типографии Володарского, где печаталась не только массовая агитационно-пропагандистская литература, но и продовольственные карточки. Типография была особо обстреливаемым объектом, находилась под постоянными бомбежками. Температура в цехах опускалась до минус 14 градусов. Вручную приводились в действие печатные машины. Но Лениздат жил и воевал. Уже в 1945 г. он выпустил 282 названия — в два раза больше, чем в 1940 г. [Баренбаум, Костылева, 1986, с. 320–321].

В системе ленинградской журналистики того времени особое место заняла сеть военной печати, охватывавшая все виды и рода войск. Выходили газеты трех фронтов тиражом от 5000 до 8000 экз.: Ленинградского — «На страже Родины» («Отанды Коргауда» — на казахском языке, «Ватанны Саклауда» — на татарском), Волховского — «Фронтная правда» (на русском, казахском и татарском языках), Карельского — «В бой за Родину», а также газета Балтийского флота — «Краснознаменный Балтийский флот»; 18 газет общевойсковых армий, имевших малый формат, две полосы и тираж 1000 экземпляров; 4 газеты воздушных армий с тиражом по 2000 экземпляров («Боевая тревога», «Бей врага», «Летчик Балтики» и «Защита Родины»); 2 газеты корпусов — «Атака» и «Патриот Родины», 19 газет стрелковых дивизий, газеты Ладужской военной флотилии — «За Родину», Военно-автомобильной дороги — «Фронтной дорожкой» [Сеин, 2005, с. 16–17, 162–164].

Флагманом этой печати была газета «На страже Родины» (редактор И. Я. Фомиченко — до 1942 г., затем М. И. Гордон). С 11 декабря 1941 г. газета стала выходить на двух полосах. Ее редакция помещалась в здании Главного штаба на Невском проспекте, а типография — в Петропавловской крепости. В январе 1942 г.

газета печаталась в типографии Володарского. Ее военные корреспонденты М. Стрешинский, С. Кара, И. Франтишев, А. Сапаров и др. ежедневно бывали на передовой фронта, писали репортажи и очерки «в блиндажах и окопах передового края, на батареях и аэродромах — под огнем». Почти не уходили с передовой фото-корреспонденты Н. Хандогин, И. Фетисов и др. В газете сотрудничали многие писатели и поэты: Н. Тихонов, А. Прокофьев, В. Саянов, А. Твардовский, Б. Лихарев, А. Решетов и др. [Гордон, Самойлов, 1964, с. 99–154].

Кроме фронтовых изданий, в войска поступали центральные военные газеты. Ленинградскому фронту доставлялись «Красная звезда» — 16 тыс. экземпляров, «Сталинский сокол» — 15 тыс. В итоге каждая рота получала 16 газет различного типа. В январе 1944 г. в Ленинградском регионе насчитывалось 116 военных газет разовым тиражом 316 400 экземпляров [Сеин, 2005, с. 17].

Фронтовая печать Ленинградского региона
(1944 г., январь)

Фронт, флот	Число газет	Общий тираж, экз.
Ленинградский	42	113 000
Волховский	50	160 000
Балтийский	23	43 400
Всего	116	316 400

Помимо военных журналистов во фронтовой печати активно сотрудничали писатели: были созданы специальные писательские группы при Ленинградском фронте (с 29 ноября 1941 г. ею руководил Н. С. Тихонов) и при Балтийском флоте (ее возглавлял Вс. Вишневский). И Тихонов, и Вишневский постоянно печатались в военных газетах. Только за 1941–1942 гг. Вишневский написал и издал семь брошюр о героях-балтийцах, пять пьес и сценариев, 300 очерков и статей. Литераторы вошли в редакционные коллективы армейских и дивизионных газет:

«Во славу Родины» (7-я армия) — Г. Фиш, В. Владимиров, Г. Холопов;

«Часовой Севера» (14-я армия) — Д. Гранин, Н. Заводчиков, Б. Кежун, Б. Костелянц;

«Знамя победы» (23-я армия) — А. Дымшиц, И. Колтунов, И. Авраменко;

«За Родину» (70-я стрелковая дивизия) — А. Розен;

«Вперед за Балтику» (72-я стрелковая дивизия) — Э. Грин и др. [Там же, с. 18–19].

Журналистика Ленинграда блокадной поры имела единое с фронтом информационное пространство, общую боевую задачу — отстоять город от врага. Она была связующим звеном армии и города, фактором моральной поддержки блокадников, воодушевленных примером героизма воинов, насмерть стоявших у стен Ленинграда, и самих воинов, на глазах которых развертывалась героическая эпопея стойкости и мужества ленинградцев.

В системе СМИ равноправное положение наряду с периодической печатью заняло радиовещание, обладающее возможностью нести оперативную информацию через границы и на большие расстояния. Несмотря на его динамичное развитие в довоенное время, в огромной по масштабам стране было немало территорий, им не охваченных. Так, в 29 районах Татарстана не было организовано радиовещания и в период войны [см.: О состоянии и мерах улучшения..., 1954, с. 527].

В деятельности радио в военное время произошли значительные изменения. Приказом ВРК при Совнаркоме от 25 июня 1941 г. были реорганизованы отделы Радиокомитета: отдел пропаганды и общественно-политических передач стал отделом политической агитации, были слиты музыкальный и литературный отделы; приказом от 29 июня была введена ежедневная передача военного отдела для бойцов, командиров и политработников армии и флота, отменена «передача выпусков «Красноармейских и Краснофлотских известий»; приказом от 24 июля был ликвидирован «в связи с сокращением объема работ» отдел детского радиовещания и организована в составе литературно-музыкального отдела группа детского вещания; приказом от 5 ноября при

редакции «Последних известий» была создана выездная редакция, готовившая передачу «Говорит фронт», ставшая органом политического управления Западного фронта и Всесоюзного радиокомитета [История советской радиожурналистики, 1991, с. 70–73].

Приказом ВРК от 24 августа была усилена и централизована цензура радиовещания: все радиопередачи стали визироваться лично председателем ВРК. Гражданам страны запрещалось использовать дома любые радиоприемники, кроме репродукторов проводного радиовещания. Радиоприемники, которых к началу войны у населения было более 1,3 млн., сдавались государству на хранение [Там же, с. 72; Радиожурналистика, 2000, с. 47].

Часть радиовещательных станций была перемещена из западных регионов страны в восточные. В связи с этим центральное вещание стало выпускать вместо трех программ одну и на коротких волнах. Передачи звучали в основном в живом исполнении, удельный вес звукозаписи был незначителен [Радиожурналистика, 2000, с. 45].

Радиовещание стало дифференцироваться на вещание, направленное на фронт и тыл, зарубежье и контрпропаганду. Появились специальные передачи для Красной Армии и Военно-Морского Флота, Московская радиостанция «Слушай фронт». Были созданы филиалы Всесоюзного радиовещания в Куйбышеве, Свердловске, Комсомольске-на-Амуре. С ноября 1942 г. началось вещание из Москвы на украинском и белорусском языках. В Саратове вела передачи на украинском языке радиостанция им. Т. Шевченко. Была построена и вошла в строй в 1943 г. новая радиостанция в Куйбышеве огромной мощности — в 1200 кВт, оборудование которой производилось в блокадном Ленинграде и доставлялось через линию фронта. Ее голос достигал отдаленных регионов, включая все оккупированные врагом территории страны.

Вещание по радио велось ежедневно более чем на 70 языках народов СССР и 28 иностранных языках [Кондакова, 1982, с. 57; Кононыхин, с. 11]. За один день на радио собиралось такое количество материала, что его можно было бы печатать в централь-

ной газете в течение трех недель. 22 июня 1941 г. прозвучал выпуск «Последних известий». Ежедневно в эфир передавалось 14 таких выпусков, 4 передачи «Писем с фронта и на фронт», передачи для воинов армии и флота [История Коммунистической партии..., 1970, с. 413]. Основное содержание «Последних известий» составляла текущая информация о ходе боевых действий. Эти передачи служили слушателям моральной поддержкой, питали веру в нашу победу.

Сами радисты это хорошо понимали. Легендарный диктор Всесоюзного радио народный артист СССР Ю. Б. Левитан очень точно передал в воспоминаниях эту особенность радиопередач военных лет: «Голос диктора не имеет права даже дрогнуть. И как ни горька была правда тех дней, он должен оставаться суровым и мужественным, должен вселять надежду, прибавлять силы, заставить забыть об усталости, даже о ранах, о боли, вселяя ненависть к врагу, звать на священную борьбу до последней капли крови» (Соц. индустрии. 1977. 7 мая).

В практике радио военной поры возникло немало новаций, обусловленных обстановкой. По радио выступали руководители государства. С 5 августа 1943 г. стали передаваться приказы Главнокомандующего, в которых отмечались победы советских войск. После чтения приказа звучал артиллерийский салют.

Огромное политическое и моральное значение имела прямая передача в эфир 7 ноября 1941 г. репортажа о параде с Красной площади. Враг стоял под Москвой в 25–40 км, его самолеты ежедневно совершали по несколько раз налеты на столицу страны. Весь мир услышал этот репортаж, вселявший надежду в конечную победу над фашизмом. В его комментариях подчеркивалось, как бы враг не старался захватить столицу СССР, советский народ не запугать, «наш парад, традиционный, ежегодный будет вечен на Красной площади Москвы» [Парад на Красной площади..., 1991, с. 237]. Позднее запись репортажа неоднократно передавалась по радио.

В самом начале войны на радио родилась одна из форм разоблачения идеологии фашизма — антифашистские митинги. 12 октября 1941 г. состоялся первый антифашистский митинг со-

ветских ученых. В ответ на его обращение «К ученым всего мира» на радио пришли телеграммы от ученых многих стран мира, выражавшие солидарность с советскими коллегами.

В годы войны, как никогда, окрепла связь радио с его многочисленной аудиторией. Это была переписка сблизившихся, породнившихся одной бедой людей. С самого начала войны, так же как и в печать, на радио стало приходить огромное число писем, в которых слушатели призывали громить врага, отстаивать каждую пядь родной земли; рассказывали фронтовикам о своей жизни, делах, судьбе семьи. На их базе уже 9 июля 1941 г. в эфир вышла передача «Письма на фронт», в августе прозвучала ответная передача «Письма с фронта».

Ежедневно Московское радио получало до тысячи писем. К концу 1942 г. по Ленинградскому радио прозвучало около 20 тыс. посланий слушателей. Приказом по ВРК от 25 марта 1942 г. на радио был организован отдел писем на фронт и с фронта. В его составе было 20 журналистов во главе с В. В. Каблучко (1904–1985), которая работала на должности начальника отдела до 1945 г. [История советской радиожурналистики, 1991, с. 73]. Отдел вел передачу «Письма на фронт и с фронта».

Писем поступало столько, что сначала по радио зачитывались длинные, в несколько страниц списки с перечнем фамилий и адресов приславших письма, называлось, к кому они были обращены. Объем работы отдела характеризуется следующими цифрами: к 1 сентября 1944 г. было получено более двух миллионов писем; с помощью радиопереписки более 20 тыс. фронтовиков разыскивали своих родных; 30 216 семей восстановили связь с родными. Отдел подготовил около 9 тыс. радиопередач, имевших большое моральное и политическое значение [Иванова, Кузнецов, 1985, с. 14].

Вообще организаторская функция радиовещания в годы войны проявилась своеобразно. Например, проводное вещание выполняло важные задачи по оповещению населения о налетах вражеской авиации и артобстрелах осажденных городов, о приближении военной опасности. Были радиофицированы бомбоубежища, лазареты, казармы и общежития.

Вторая мировая война, в отличие от Первой мировой, получила достаточно полное отражение в отличавшемся разнообразием изобразительном ряде информационного процесса: кинохронике, документальных и художественных фильмах, фотографии разных жанров, фоторепортаже, фотоальбомах, плакатах, «Окнах ТАСС», специальных фотовитринах, рисунках, карикатурах-разоблачениях и др. За четверть века, прошедших с Первой мировой войны, развитие технической базы изобразительного ряда шагнуло существенно вперед. Военный фотокорреспондент и кинореporter могли в любых условиях делать снимки или вести съемку.

Фотография была поставлена на военную службу. В каждой газете, в каждом журнале помещались снимки героев и эпизоды боев, военные пейзажи и бытовые сюжеты. Тематика фотолетописи тех лет достаточно широка: процесс мобилизации и отправка солдат на фронт, прощальные митинги, эвакуация промышленности и материальных ценностей, работа эвакуунков, создание народного ополчения, Всеобуча, рабочих отрядов, строительство оборонительных сооружений. Основное направление фотолетописи воплощалось в кадрах трудовой героики народа: как на заводах, фабриках и в деревнях выполнялся лозунг «Всё для фронта, всё для победы!», как женщины и старики, подростки заменяли на предприятиях отцов и сыновей, ушедших сражаться с врагом. Составной частью фотолетописи после освобождения Красной Армией захваченных врагом земель стал показ-разоблачение зверств фашистов.

Основная сила фотографии, кадров кинохроники и кинорепортажа — в их документальности, которая не только усиливает воздействие на современного им зрителя, но и делает их отображением исторического факта. Как писал поэт В. Шефнер [см.: Заковырина, 2005, с. 85]:

Ведь суть фотографии — это
На вечность помноженный миг.

Афористично сказал об этом К. Симонов: «Человек, который смотрит на жизнь через глазок фотоаппарата, всегда, в конеч-

ном счете, глядит через него в историю». И это накладывает на фотожурналиста особую ответственность. Сложно фотокорреспонденту приходилось быть летописцем войны первого периода. К. Симонов вспоминал характерный в этом смысле эпизод. Он был потрясен в 1941 г. видом колонны беженцев под Днепропетровском, но еще больше он был потрясен тем, что репортер Яков Халип стал снимать этих измученных людей, какого-то старика, впрягшегося в телегу, на которой сидели дети. Симонов пытался помешать снимать такое горе: ему казалось, что это безнравственно. Только через много лет писатель и поэт осознал то, что Халип выполнял свой профессиональный долг. У него при этом тоже сердце обливалось кровью, как и у Симонова. Но профессия писателя позволяет ему потом «мысленно восстановить эту картину и написать о ней». «Профессия фотокорреспондента требовала немедленного действия, требовала съемки этого горя в тот момент, когда оно происходило, как бы ни было тяжело снимать это горе» [Симонов, 1975, с. 123, 129; см.: Заковырина, 2005, с. 58–86].

На практике такие снимки оставались чаще в архивах. Действовала самоцензура, но и цензура их не пропускала. Однако и в этих условиях фотомастера создали многие визуальные шедевры: «Горе» Д. Бальтерменца, «Комбат» М. Альперта, «Смерть солдата» А. Гаранина, «Солдатский труд» И. Озерского, «Знамя Победы над рейхстагом» и «Поверженные фашистские знамена. На параде Победы» Е. Халдея и др.

Еще труднее было выполнять свои профессиональные обязанности кинооператорам.

«Первым, до начала атаки, он вбежал на насыпь и, нацелив аппарат, стал снимать. Бойцы, еще ожидавшие начала атаки внизу, у подножья насыпи, увидели силуэт кинооператора, который стоял высоко, один, на совершенно открытом месте, лицом к лицу с врагом и снимал. Он снял перебегающих через насыпь наших пулеметчиков, а также разрыв вражеского снаряда, осколком которого он и был смертельно ранен. Володя снял свою смерть. Он продолжал снимать, даже падая на землю. Камера запечатлела деревья, которые словно бы падали в кадре вместе с оператором, сраженным врагом» [О Сушинском, 2005, с. 847].

Владимир Александрович Сушинский (1912–1945) — легендарный кинооператор-документалист, один из тех журналистов, которые, как и бойцы, бесстрашно защищали Родину. За годы войны погибли 10 операторов, 12 было ранено, 13 пропало без вести, 40 получили правительственные награды, 30 присвоено звание лауреата Сталинской премии [Кино на войне, 2005, с. 166].

Одним из самых действенных, наглядно-изобразительных, эмоциональных информационных средств военного времени было кино. Уже накануне войны кинематографисты во главе с председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И. Г. Большаковым (1902–1980) хорошо понимали, что она не минует страну. Об этом свидетельствуют документы, утвержденные 30 октября 1940 г.: список фильмов, рекомендованных в военное время; инструкция по мобилизационной подготовке управлений при СНК союзных и автономных республик, краевых и областных исполкомов с планом организационных мероприятий; инструкция киномеханикам автозвукопередвижек и немых передвижек о порядке работы в период мобилизации и др.

Однако, по мнению начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии А. И. Запорожца, состояние производства патриотических, оборонных и военно-учебных фильмов на начало 1941 г. было неудовлетворительным. Его выводы основывались на прошедшей в печати в январе дискуссии. 2 января в газете «Кино» со статьей «Не отставать от жизни» выступил генерал-майор И. Галицкий, критиковавший «певцов легкой и победоносной войны», «лакировщиков действительности», показывающих на экране победы армии, достающиеся ей слишком легко. 5 января в «Правде» была помещена статья Б. Могилевского «Кино и военная пропаганда». В газете «Кино» 21 февраля редакция отвела дискуссии разворот и передовицу «Оборонный фильм», в которой подчеркивалось: «Война должна быть показана на экране правдивыми и суровыми красками».

Практическим результатом обсуждения проблем кино стало создание при Московском доме кино оборонной секции, а по приказу Главного управления по производству хроникально-документальных фильмов была организована особая операторская

группа, зачисленная в армию [Там же, с. 136]. Это позволило кинематографистам встретить нападение фашистов на страну во всеоружии, хотя, без сомнения, опыта военных съемок им не хватало и они его набирали в ходе боев. Большаков в воспоминаниях замечает, что «съемки не прекращались ни на один день» [Там же, с. 89]. При этом кинопроизводство совмещалось с выпуском военной продукции. По распоряжению СНК СССР от 30 июня 1941 г. предприятия кинопромышленности были перепрофилированы и стали производить для армии специальную радиоаппаратуру, телефугасы, детали зарядных станций, взрывные запалы для гранат, десантные лодки, особую пленку для разведывательных целей и др.

Через три дня после начала войны на Центральную студию кинохроники стали поступать материалы с фронтов. Через неделю на экранах страны в очередных номерах «Союзкиножурнала» демонстрировались кадры военных действий [см.: Познер, 2008, с. 35–54]. Через месяц на всех фронтах и флотилиях работало около сотни кинооператоров, а при политуправлениях фронтов были созданы группы кинооператоров. В 1943 г. 17 фронтовых групп были задействованы в самых горячих точках войны: в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя. 13 операторов снимали в тылу врага будни партизанской борьбы [см.: Кино на войне, 2005, с. 86–87, 90, 97, 166].

Деятельность кинематографистов развертывалась в нескольких направлениях. В первую очередь, был использован уже накопленный фонд картин патриотического звучания: на экранах страны демонстрировались исторические фильмы об Александре Невском, Минине и Пожарском, Суворове, Чапаеве, Щорсе и др. В начале войны стали активно производиться инструкторские фильмы, построенные на боевом опыте армии: по противовоздушной обороне — «Как бороться с зажигательными бомбами», «Как обеспечить маскировку жилого дома», «Что мы должны делать по сигналу „Воздушная тревога“» и др.; о простейших видах оружия — «Винтовка образца 1891/1930 гг.», «Умей владеть ручным пулеметом», «Самозарядная винтовка» и др.; по искусству

борьбы с вражескими танками и авиацией — «Уничтожай танки врага», «Как распознать вражеский самолет», «Борьба с воздушными десантами врага» и др.

Кинооператоры стали осваивать воздушные съемки. Первыми эту новацию апробировали в боевых условиях Н. Вихарев и Р. Кармен. 6 августа 1941 г. в «Правде» Вихарев в корреспонденции «С киноаппаратом на бомбардировщике» рассказал об опыте киносъемки бомбардирования вражеских мототехнических частей. Работа кинематографистов проходила в боевых условиях, когда невозможно было охватить полную картину сражения, выделить отличившихся в них. Некоторые операторы облегчали себе задачу, не рискуя при съемке. Оператор Западного фронта Гроцкий был откомандирован с фронта за то, что с 1 мая по декабрь 1942 г. не дал ни одного боевого сюжета, из 28 отснятых им сюжетов лишь два были включены в «Союзкиножурнал» [Там же, с. 201].

Часть операторов пытались доснять незафиксированное в конкретной обстановке, снять кадры, организованные в тылу. Это вызывало у руководителей документального кино осуждение. 8 ноября 1942 г. в директиве Главкинохроники операторам инсценировки запрещались. Они предупреждались о том, что они должны снимать «подлинный боевой кинорепортаж». Если же они станут «увлекаться так называемым организованным материалом», то «будут решительно отстраняться от работы во фронтовых группах» [Там же, с. 193].

2 декабря 1943 г. Главкинохроника распространила директивное письмо «О съемках кинолетописи», содержавшее основное кредо кинематографистов: «Война — не только победы, не только наступление. Война это жертвы, отдельные поражения, отходы, потери». Всё это кинодокументалисты должны были отразить в кинолетописи. Но они должны учитывать и то, что они создают документальную историческую летопись. Они должны снимать и то, что не может войти в номера киножурнала по тем или иным причинам, так как такие съемки часто представляют собой исключительную ценность для истории. В документе приводились в пример кинодоку-

менталисты Ленинграда, отснявшие «ряд исключительно сильных моментов голода, разрушений». Этот материал не был опубликован, это задел для будущего. В директиве подчеркивалось, что снимать нужно, «руководствуясь не только задачами текущего дня» [Там же, с. 748].

Профессиональные операторы сами хорошо осознавали это. За годы войны кинематографисты создали огромную, документальную, разножанровую фронтовую кинолетопись. За 1941–1944 гг. было выпущено 400 номеров «Союзкиножурнала», который был заменен журналом «Новости дня» — до конца войны вышло 65 его номеров. К этому надо добавить 124 фронтовых киновыпуска, документальные фильмы о масштабных, решающих ход войны сражениях («Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Оборона Ленинграда», «Сталинград» и др.); 12 боевых киносборников, 35 полнометражных фильмов, пользовавшихся большим успехом у зрителей: «Непобедимые», «Лицо фашизма», «Она защищает Родину», «Жди меня», «Героическая оборона Ленинграда», «Котовский», «Оборона Царицына», «Как закалялась сталь» и др.

Основной цензор кинопродукции И. Сталин особое внимание уделял художественным фильмам. В начале 1944 г. он выступил на заседании ЦК партии при обсуждении киноповести А. П. Довженко «Украина в огне», на котором автора обвинили в том, что он сделал этот фильм с позиций «узкого, ограниченного украинского национализма» [Там же, с. 391]. 8 февраля 1944 г. секретарь ЦК ВКП(б) разослал письмо по основным руководящим газетам, литературным журналам, издательствам, в котором предлагалось «не публиковать произведения Довженко без особого на то разрешения Агитпропа ЦК ВКП(б)». Это решение 23 февраля было продублировано Уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальником Главлита Н. Садчиковым [«Литературный фронт», 1994, с. 107, 108].

После этого прецедента постановлением СНК СССР при Комитете по делам кинематографии был образован Художественный совет, имевший задачу «всестороннего повышения

качества художественных картин и обеспечение выпуска на экраны полноценных в художественном отношении и высокоидейных по содержанию кинофильмов» [Кино на войне, 2005, с. 431].

Сложившаяся международная обстановка способствовала росту авторитета советского кино за рубежом. Иностранцы проявляли повышенный интерес к документальным фильмам. Картина «Разгром немецких войск под Москвой» в США была признана лучшей за 1942 г. и ей была присуждена Первая премия Американской киноакадемии. Однако показанная советскими кинодокументалистами правда была такой, что вызвала за рубежом сомнения в ее достоверности и подвергалась цензуре. К примеру, фильм «Битва за Советскую Украину» раскрывал такие чудовищные преступления оккупантов, которые американским цензорам казались ужасами, от которых надо ограждать граждан США. Тем не менее экспорт советских фильмов за годы войны существенно вырос. График на рис. 1 составлен по справке, подготовленной 11 октября 1944 г. [Там же, с. 657].

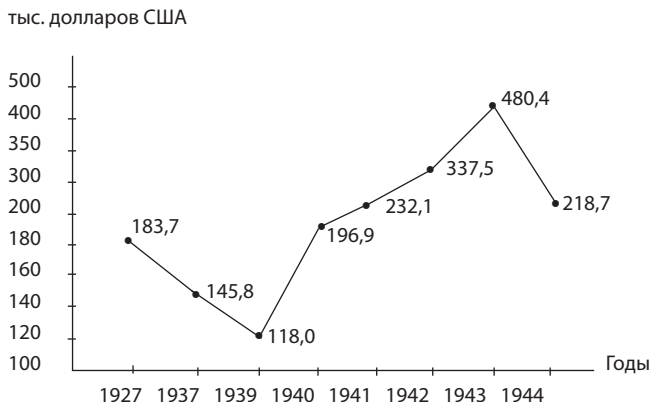

Рис. 1. Динамика экспорта советских кинофильмов в 1930–1940-х годах.

В годы Великой Отечественной войны советское кино проявило все свои специфические качества. Оно с успехом выступило как полноценная массовая коммуникация, синтезировавшая в себе изобразительный движущийся ряд, информацию, публицистику и подлинное массовое искусство. Правда, показанная светским экраном без ухищрений и прикрас, была такова, что для зрителя, не окунувшегося в атмосферу реальной войны с фашизмом, она казалась чудовищной. Кинематограф раскрыл лучшие черты советского человека, его готовность до последнего защищать Родину, его мужество и смелость в боях с врагом. Советские военачальники хорошо понимали действенность киноинформации и киноискусства в укреплении морального духа армии [см.: Познер, 2008, с. 50–51; Тайны и уроки..., 2000].

§ 4. СИСТЕМА КОНТРПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Оккупация огромных территорий СССР и Европы сопровождалась фашистской системой устрашения и террора, особенно на Востоке Европы, и системой психологической обработки населения. За время оккупации погибло около 10 млн. мирных жителей, около 5 млн. в качестве рабов были угнаны в фашистскую Германию и другие страны [Сборник сообщений..., 1946; Документы об оккупационной политике..., 1963; Кондакова, 1982, с. 24–25].

Пропагандистская машина гитлеровской Германии к моменту нападения на Советский Союз имела богатый опыт по воздействию на массовую аудиторию. На захваченных территориях создавались отделы пропаганды при имперских и генеральных комиссариатах Германии. Еще до начала военных действий, по признанию Геббельса, было подготовлено для Красной Армии около 50 млн. листовок, которые предполагалось разбросать авиацией [Откровения и познания, 1996, с. 290]. Уже к ноябрю 1941 г. только на Украину было завезено около 2 млн. листовок и плакатов. К середине 1942 г. оккупанты издавали здесь 189 газет на украинском и 6 на немецком языках общим тиражом около 956 тыс. экземпляров [Кондакова, 1982, с. 30]. На территории

Белоруссии, Литвы и Польши Германия издавала 27 газет, 14 журналов, 4 сборника директивных материалов, 3 ежегодника и 2 информационных бюллетеня на белорусском языке. По неполным данным на оккупированных землях Советского Союза выходило 400 фашистских периодических изданий [Жумарь, 1996, с. 8–9; Слука, 2011, с. 224–225]. Потоком распространялась антисоветская литература.

Активно использовалось радиовещание. На Украину вещало 16 фашистских радиостанций на украинском языке, включая берлинскую «Висла — Варшава» и «Центральную радиостанцию Украины» [Коваль, 1977, с. 203]. Уже в июне 1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого — троцкистская, второго — сепаратистская и третьего — националистически русская. Все три — резко против сталинского режима» [Откровения и признания, 1996, с. 290]. В этом высказывании главного пропагандиста Германии зафиксирован дифференцированный подход в идеологической обработке населения, который и осуществлялся против народов СССР.

Основной опорой фашистской пропаганды стал национализм. С этой целью идеологи Германии организовывали национальные властные структуры и национальные партии, национальные воинские подразделения: Русская трудовая народная партия, имевшая 17 филиалов на оккупированной немцами территории; Народная социалистическая партия России («Витязь»); Украинская рада, Северо-Кавказский комитет и Комитет освобождения народов России, Кабардинский национальный комитет, Рутения (Латвия), Грузинский комитет. Объявился «президент» Туркестана Каюм-Хан. 30 июля 1941 г. украинские националисты во Львове провозгласили «самостийну Украину». Планировалось создание под протекторатом рейха татарского государства «Идель (Волга) — Урал» и т. д. [см.: Кондакова, 1982, с. 28–30, 93–97]. Сторонники этих структур использовались как в военных целях, создавались особые отряды, так и для пропаганды, при этом издавалась специальная литература и периодика.

Цели фашизма по искоренению коммунизма и большевизма, а под видом этого порабощение народов СССР, захват противником огромных территорий, мощная идеологическая обработка его населения, организация особой системы пропаганды на советские войска — всё это потребовало от советских руководителей мобилизации контпропаганды [Юденков, 1971; Ивлев, Юденков, 1988; Волковский, 2003]. В первую очередь были приняты меры для боевого отпора врагу в оккупированных им регионах. ЦК партии принимает постановления 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» и 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения». Одновременно вводятся коррективы и в структуру контпропаганды. В Управлении пропаганды и агитации ЦК было создано 5 новых отделов: пропагандистских групп, радиовещания и радиоинформации, кинематографии, художественной литературы, искусств [История Коммунистической партии..., 1970, с. 405]. В составе Главного политического управления армии были организованы два пропагандистских отделения:

- по Германии и ее союзникам,
- по работе среди населения оккупированных немцами стран (Польша, Чехословакия и др.).

Усилиями пропагандистов отделений в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. была подготовлена и отпечатана трехмиллионным тиражом первая листовка войны. В ней повторялись слова Заявления советского правительства: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Эти слова станут лейтмотивом пропаганды в военные годы.

С 18 августа ГлавПУ издавало большими тиражами для оккупированных районов листовку-бюллетень «Вести с Советской Родины» на русском, украинском и белорусском языках. Фашистская администрация, сообщая в Берлин о регулярном сбрасывании с самолетов этого бюллетеня, отмечало: «Советы в последнее время используют психологически активные и действенные средства пропаганды по сравнению с начальным периодом войны. Особое внимание обращает на себя регулярно сбрасываемая с самолетов газета-листочек Главного политического управления Красной Ар-

мии под названием „Вести с Советской Родины“... Планомерность советской пропаганды и ее техническое превосходство над немецкой оставляет у населения большое впечатление» [Партия во главе..., 1976, с. 112]. С августа 1941 г. до весны 1944 г. Воениздат выпустил около 700 таких бюллетеней общим тиражом почти 526 млн. экземпляров (Военно-ист. журн. 1971. № 3. С. 18).

В контрпропагандистских целях советская журналистика активно использовала переписку немецких солдат и их жен как свидетельство падения морального духа в стане врага. Уже в январе 1942 г. 75 % писем из Германии на Восточный фронт и 60 % от немецких солдат домой носили пессимистический характер, были исполнены тоски и стенаний [Глинкин, 1971, с. 106].

Созданное при Совнаркоме Совинформбюро было включено и в систему «контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды». Оно сыграло существенную роль в разоблачении фашистской лжи. В ходе всей войны его сводки были важнейшим контрпропагандистским материалом. Они переписывались и распространялись, несмотря на опасность для жизни, подпольщиками и партизанами. Они печатались в подпольных, партизанских газетах и листовках, передавались по радио. Так, в Калининской области за 1942 г. было распространено более 300 тыс. листовок с сообщениями Соинформбюро. На Украину в 1943 г. только за январь было заброшено свыше 300 тыс. таких листовок [Ивлев, Юденков, 1988, с. 32].

О том, как проходила эта работа, свидетельствуют воспоминания В. А. Дунаева, комиссара первой Калининской партизанской бригады: «Ежедневно к 7 часам утра комиссары отрядов приезжают послушать по радио сводку Совинформбюро, передовую „Правды“. Этот материал в основном служит содержанием для агитационно-массовой работы. В отряде сводки размножаются и передаются политрукам, агитаторам для проведения читок, бесед в подразделениях отрядов и среди населения» [Смирнов, 1976, с. 93].

Уже в первые месяцы войны была развернута сеть подпольных руководящих структур разных уровней: один облпартцентр,

16 обкомов партии, 6 окружкомов, более 240 райпартцентров, горкомов, сельских райкомов. К 1943 г. она включала в себя 41 областной и окружной подпольный партком, 29 межрайкомов и межукомов, 422 подпольных районных, уездных, городских и волостных партийных органа [История Коммунистической партии..., 1970, с. 680–693].

19 августа 1941 г. Главное политическое управление армии направило военным советам и начальникам фронтов директиву «О работе среди населения оккупированных областей и партийно-политическом руководстве партизанским движением». По ней создавались в политуправлениях фронтов отделы, в политотделах армий — отделения, которые должны были организовывать политическую работу среди населения и партизан. В сентябре 1942 г. их функции перешли к штабам партизанского движения, которыми руководил Центральный штаб, образованный 30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования. Его начальником был назначен секретарь ЦК КПБ Белоруссии П. К. Пономаренко [Там же, с. 482–483]. Политуправление Центрального штаба руководило политической работой в партизанских отрядах, снабжало их материально-техническими средствами (портативными типографиями, радиоприемниками, бумагой, красками и пр.), направляло к ним наборщиков, печатников, журналистов, пропагандистов; забрасывало в тыл врага пропагандистские материалы.

Более целенаправленной пропагандистская деятельность среди населения оккупированных территорий и вражеских войск становится с созданием при начальнике Главного политуправления армии по решению Политбюро ЦК партии в июне 1942 г. Совета военно-политической пропаганды. Перед ним были поставлены задачи:

- руководить систематическим ведением пропаганды среди войск противника и населения захваченных им регионов;
- определять ее содержание, методы и формы;
- осуществлять руководство соответствующими отделами Главного политуправления;
- обобщать практику контрпропагандистской работы;

— определять пути и средства повышения ее эффективности [Ивлев, Юденков, 1988, с. 31].

В состав Совета вошли А. С. Щербаков (председатель), А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский и др. Важную роль в его работе в 1942–1944 г. играл член ЦК партии Д. З. Мануильский (1883–1959), видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, историк и литературовед. В 1943 г. была издана его книга «Гитлеровская тюрьма народов».

16 сентября 1942 г. после изучения состояния контрпропаганды Совет на своем заседании рассмотрел вопрос «О работе среди населения оккупированных районов СССР» и констатировал, что вся работа сводилась к распространению выпускавшегося Главным политическим управлением армии бюллетеня «Вести с Советской Родины» и к подготовке листовок. При этом не учитывались «особенности отдельных областей», в которых они распространялись; пропагандой охватывалась незначительная часть населения, в основном там, где были партизаны [Там же, с. 31–32]. Совет принимает меры к улучшению контрпропагандистской деятельности.

На Большой земле было налажено издание разнообразной агитационной, контрпропагандистской литературы, доставлявшейся на оккупированную фашистами территорию. Особый отряд печати тех лет составляли газеты для ее населения, готовившиеся в Москве. По приказу Наркомата обороны СССР от 30 июля 1941 г. политические управления Западного, Северо-Западного, Юго-Западного, Южного фронтов выпускали газеты на национальных языках «За Советскую Белоруссию» (тираж 200 тыс. экземпляров), «За Советскую Украину» (300 тыс.), «За Советскую Молдавию» (50 тыс.), «За Советскую Латвию» (30 тыс.), с 1942 г. — «За свободную Беларусь» (Калининский фронт) [см.: Волковский, 2003, с. 396–399].

В условиях подполья стала возрождаться национальная печать захваченных врагом регионов. В Белоруссии в годы войны она была фактически восстановлена. Здесь выходили газеты: 2 республиканские, 9 областных, 3 областные комсомольские, 141 районная. Их разовый тираж составлял 175 тыс. экземпляров [Слука, 2011, с. 209]. На Украине распространялись газеты:

	Число номеров	Общий тираж (тыс. экз.)
«За Радянську Україну»	111	23 000
«Советская Украина»	185	435
«Коммунист»	155	1 340

Всего в военное время в тылу противника на Украине было распространено около 400 млн. экземпляров газет, листовок, обращений, воззваний, плакатов и другой печатной продукции [Советская Украина..., 1980, с. 226].

С 1942 г. был налажен выпуск газет для всех национальных регионов: «Тiesa» («Правда», Литва), «Циня» («Борьба») и «Пар Падомью Латвию» («За Советскую Латвию»), «Молдова Социалистэ», «Ленинское знамя» и «Тотуус» («Правда», Карело-Финская ССР) и др.

В военную пору родилась новая печать, характер которой был обусловлен особыми условиями борьбы с фашистскими захватчиками на оккупированных им территориях, — партизанская и подпольная. Во второй половине августа в Москве на совещании руководителей подполья и партизанского движения рассматривался вопрос и о состоянии печатной пропаганды в тылу врага. П. К. Пономаренко прислал Сталину некоторые газеты, включая «Звезду», издававшуюся в оккупированном Минске, и «Партизанскую правду», отпечатанную на «березовой коре» (бересте).

«Если партизаны и подпольщики, — сказал Сталин, — вспоминает Пономаренко, — не имея бумаги, додумались до использования вместо нее березовой коры, значит, они понимают значение своевременной и правдивой информации населения. Надо дать им бумагу и портативные машины». Сталин отметил недостатки пропаганды и рекомендовал больше печатать сообщений о действиях армии, не столько «ругать фашистов», сколько их разоблачать [Партия во главе..., 1976, с. 212–213].

Материалы совещания нашли отражение в программном документе — в приказе наркома обороны «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г., в котором перед его руководителями ставилась цель — наряду с боевыми действиями, развернуть среди населения постоянную политическую работу:

- информируя его о самоотверженной борьбе с врагом Красной Армии и всего советского народа,
- разъясняя справедливый характер войны,
- разоблачая лживую вражескую пропаганду, вселяя веру в нашу победу.

В выполнении этих задач опорой для партизан и подпольщиков стала печать. Всего за годы войны на оккупированной территории выходило около 400 подпольных и партизанских газет, в Белоруссии — свыше 170, на Украине — около 60 названий [Юденков, 1971, с. 311–314; Загорулько, Юденков, 1974, с. 206]. В Крыму, Смоленской, Ленинградской и Московской областях за время оккупации обкомы партии организовали печатание и распространение среди партизан и населения около 32 млн. экземпляров листовок, газет, брошюр и журналов: в Крыму — более 4 млн., в Смоленской области — 16, в Московской — более 2 млн., в Ленинградской — более 10 млн. [Макаров, 1976, с. 213]. В целом, специально для населения оккупированных мест издавались газеты [Ивлев, Юденков, 1988, с. 336–340]:

- центральные — 2,
- республиканские — 8,
- областные — 7,
- районные — 28.

Кроме того, 19 республиканских, краевых и областных газет имели специальные выпуски.

На оккупированных врагом территориях Северо-Запада выходило 53 газеты, небольшая часть из них издавалась в самом Ленинграде и доставлялась на места [см.: Партизанские и подпольные газеты..., 1976]. Сначала, в августе — сентябре 1941 г., это были партизанские рукописные газеты и листовки, даже написанные карандашом, призывавшие к отпору врагу. Но уже в сентябре 1941 г. в Гдовском, Полновском и Залучском районах вышли первые печатные районные газеты — «Гдовский колхозник», «Колхозная трибуна» и «Новый путь»; в ноябре в Поддорском районе — газета «Большевистское знамя», а с февраля 1942 г. был налажен выпуск газеты 2-й партизанской бригады «Народный мститель» [Абрамов, 1946, с. 5–6].

Выпуск и распространение такой печати в зоне оккупации был сопряжен с угрозой жизни. Редактор тихвинской газеты «Социалистическая стройка» Е. Нечин вспоминает: «Мученической смертью погиб председатель Заручевского сельсовета тов. Морозов, выполняя задание по доставке газеты советскому населению в тылу врага... Фашистские палачи долго пытали, мучили его, а потом застрелили» [Газеты Ленинградской области..., 1944, с. 30]. Погибли распространители газет и листовок колхозница Прохорова, комсомолка Воробьева [Шапошникова, 1978, с. 75]. Но враг не смог запугать советских патриотов. И у этой печати было много добровольных помощников.

На площадь Демянска фашисты согнали все местное население, перед которым выступил офицер. Он заявил: «Русские полностью разбиты. Ленинград пал. Москва пала. Всякое сопротивление бесполезно». Не успел офицер закончить речь, как к его ногам упал очередной номер местной газеты «Трактор», где эта ложь разоблачалась. И хотя немецкая администрация грозила в распоряжениях: «Каждый, у кого будет найдена газета „Трактор“, будет расстрелян», — районка по-прежнему выходила и распространялась [Газеты Ленинградской области..., 1944, с. 40].

Пик роста партизанской и подпольной печати приходится на период обеспечения победного движения Красной Армии — 1943 г. Это видно на графике (рис. 2) [Партизанские и подпольные газеты..., 1976, с. 15].

тыс. экз.

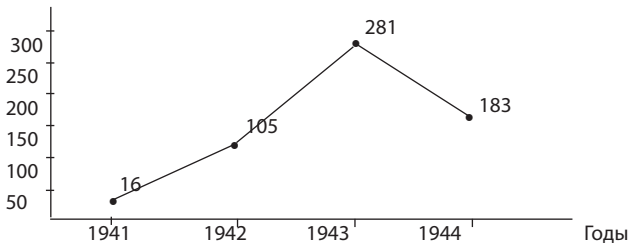

Рис. 2. Динамика развития партизанской и подпольной печати в годы Великой Отечественной войны (число изданий).

Основным средством регулярного оперативного информирования оккупированного населения о положении на фронтах фактически были листовки, которые можно было издавать на разной типографской базе и быстрее распространять, а читателю удобнее было прятать их от врага, передавать другому и хранить. В листовках разъяснялся характер войны, содержался призыв к борьбе с врагом, разоблачалась его лживая пропаганда. Вот типичные названия листовок: «Последние известия. Наступление Красной Армии», «Помогайте партизанам!», «Товарищ, не верь фашистской брехне! Борись с оккупантами!», «Партизаны, крепче удары по врагу» (статья «Правды» от 13 августа 1942 г., распространенная в партизанских отрядах Брянских лесов в трех тысячах экземпляров [Ивлев, Юденков, 1988, с. 168]). За годы войны общее число листовок составило 3 млрд. экземпляров. В среднем на каждого человека, оказавшегося в оккупации, приходилось по 70–80 листовок [Волковский, 2003, с. 395].

Одним из наиболее убедительных средств разоблачения геббельсовской пропаганды о разгроме СССР оказались листовки-письма воинов Красной Армии, тружеников тыла партизанам и населению захваченных врагом территорий. К примеру, Руднянский райком комсомола Смоленской области распространил среди населения более трех тысяч писем от воинов Красной Армии. Секретарь подпольного райкома комсомола З. А. Меркина вспоминала: «Они лучше всякой пропаганды способствовали разоблачению усиленно распространяемой геббельсовской брехни о том, что Красная Армия уничтожена, что с партизанами покончено» [Герои подполья, 1970, с. 29].

В подготовке листовок их авторы проявили настоящее творчество. Типология листовок поразительно разнообразна: листовка-диалог, листовка-стихотворение, листовка вопросов-ответов, листовка-пропуск, листовка-информация, листовка-письмо, листовка-памфлет, листовка-цитата, листовка-объяснение, листовка-обращение командования и др. [см.: Волковский, 2003, с. 405–418]. В листовкой литературе учитывалась психология немецких, итальянских, испанских солдат. Особый успех выпал на долю типа «сентиментальной»

листовки. Так, была выпущена листовка-рисунок, где на фоне заснеженного поля с замерзшими трупами немецких солдат крупным планом был изображен плачущий ребенок — слезы градом катились по его щекам. Под рисунком стояло всего три слова «Fater ist tod!» («Папа убит!»). «Действие этой листовки превзошло все ожидания, — вспоминал работник контрпропаганды М. И. Бурцев. — Не было пленного, который не упомянул бы о ней» [Бурцев, 1981, с. 102–103].

В контрпропаганде тех лет было найдено и самое лаконичное средство борьбы с клеветой врага. В типографиях изготавливались штампы, применявшиеся для оттисков на фашистских приказах, объявлениях и распоряжениях: «Явная немецкая ложь», «Вступайте в партизанские отряды», «Прячьтесь, не давайте хлеба немцам», «Смерть предателям Советской Родины», «Смерть Гитлеру», «Красная Армия успешно развивает наступление, помогайте ей громить врага» и др. Фашистам приходилось их срывать вместе со своими документами.

На оккупированных территориях не меньшую роль, чем печатать, играло радио, которое там иногда вообще было единственным источником информации о Родине и военных сражениях. Этому способствовали такие качества радио, как доступность для восприятия каждым, возможность проникнуть почти в любую местность. «Событием исключительной важности являлось для нас „открытие“ радио, — замечает командир партизанского отряда В. Андреев. — Вряд ли сам Попов, когда он в результате многолетних трудов однажды передал в эфир свои радиосигналы, был так взволнован своим открытием, как мы, когда раздобыли маленький ящик — радиоприемник «Колхозник». Этот приемник мы с боем захватили у полицеев» [Андреев, 1959, с. 204].

Полковой комиссар Богданов, вышедший в 1941 г. из тыла врага, вспоминал: «Наконец, достал радиоприемник у одного из жителей д. Волково Руднянского района. Трудно себе даже представить, что после двухмесячного скитания по лесам и болотам, будучи оторванными от Красной Армии, от Родины, не зная обстановки, мы услышали голос диктора... станцию Коминтерна, музыку из великого города Ленина и родную столицу Москву...

Собирали население и рассказывали правду о Родине» [см.: Ивлев, Юденков, 1988, с. 67].

В конце 1941 — начале 1942 г. руководителями страны были организованы регулярные радиопередачи для населения оккупированных территорий, партизан и подпольщиков. С 23 ноября 1941 г. по решению ГКО приступил к работе в Саратове Украинский радиокомитет, располагавший двумя радиостанциями — коротковолновой имени Т. Г. Шевченко и длинноволновой «Радянська Україна» (Москва). С 1 мая 1943 г. к ним добавилась радиостанция «Дніпро» (г. Калач), специализировавшаяся на передачах материала для подпольных газет, пропагандистов и агитаторов, работавших в тылу врага. С 1 января 1942 г. начали вести передачи в эфир белорусская радиостанция «Советская Белоруссия» и радиостанция Совнаркома Белоруссии, транслировавшая передачи для партизан. Было налажено радиовещание для населения прибалтийских республик, Крыма, Молдавии [см.: Партийное подполье, 1983, с. 268–269; Бычков, 1965, с. 353; Гитлеровская оккупация в Литве, 1966; Лееда, Пуста, 1966, с. 46; Шамко, 1959, с. 269, и др.].

В то же время Центром было организовано снабжение подполья и партизан радиоаппаратурой, радиостанциями типа «Север» и «Север-бис». В июле 1942 г., например, в оккупированных районах Ленинградской области было 70 радиостанций, а в августе — уже 90. В марте 1943 г. у партизан и подполья на захваченных врагом землях имелось 256 радиостанций, в июле — 858, в сентябре — 970. В партизанских соединениях под командованием С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова действовали даже радиоузлы [Петров, 1973, с. 224; Великая Отечественная война, 1970, с. 346; Григорович, Денисенко, Немятый, 1976, с. 110].

§ 5. Слово за колючей проволокой

Муса Джалиль, поэт и боец, замученный в застенках гестаповских палачей, писал: «Мы сквозь огонь и воду шли за правдой». Эту строку вслед за ним могли повторить подпольщики, встав-

шие на борьбу с фашизмом в гитлеровских лагерях смерти, организация которых фашистами началась в 1933 г. К началу мировой войны фашисты уже накопили в этом большой опыт: были созданы концентрационные лагеря Дахау (под Мюнхеном), Бухенвальд (под Веймаром), Заксенхаузен (возле Берлина), Маутхаузен (в Австрии) и др. Через них к 1939 г. прошло около 200 тыс. заключенных [Энциклопедия Третьего Рейха, 1966, с. 263].

После начала Второй мировой войны система лагерей смерти получает развитие, выходит на оккупированные немцами территории. Польша была превращена нацистами в плацдарм оборудованных газовыми камерами лагерей смерти, бывших центрами осуществления геноцида, последовательного уничтожения целых народов — Аушвиц, Биркенау, Трешлинка, Майданек, Освенцим. Когда летом 1944 г. был освобожден от фашистов Люблин, то мир узнал о чудовищных преступлениях, совершенных в лагере смерти Майданеке. Сообщение об этом было встречено на Западе с недоверием.

Лондонская радиостанция Би-Би-Си отказалась передать репортаж своих корреспондентов в Москве о Майданеке. Американская газета «Нью Геральд Трибьюн» даже написала: «Быть может, нам следовало бы подождать дальнейших подтверждений тех страшных известий, которые дошли до нас из Люблина. Даже в свете всего, что мы уже знали о маниакальной жестокости нацистов, этот рассказ кажется невероятным». Однако вскоре фактов становилось все больше, фашистам не удавалось замести следы своих преступлений. Например, на кожевенном заводе при Овенциме, где погибло не менее 4 млн. человек, было обнаружено 7 тонн волос с голов 140 тыс. женщин [Яковлев, 1985, с. 50–51].

Сквозь огонь и воду, через ад гитлеровского порядка несли подпольщики этих лагерей свободное слово, человеческую гордость и честь. За это их уничтожали всеми возможными способами: не только сажали за колючую проволоку, но и сжигали живьем в крематориях. Однако и в этих нечеловеческих условиях свободное слово жило и боролось. В листовках, подпольных, лагерных, рукописных газетах и журналах, распространявшихся в

самой Германии и на оккупированных ею территориях, в лагерях смерти оно звало к борьбе с фашизмом, к единству всех наций против этого общего врага человечества.

Это была особая печать — подпольная и лагерная, проникнутая духом непримиримости, мужества, стойкости, бесстрашия, интернационализма. Отрывочны сведения о ней, но и по имеющимся фактам можно судить о ее большом значении в поддержании морального духа оторванных от Родины людей, живших в условиях дезинформации фашистского пропагандистского аппарата. «Нельзя не учесть и тот моральный груз, который несли мы, находясь в полном неведении относительно обстановки на фронтах, — пишет узник Маутхаузена А. М. Михеенков. — Сколько душевного напряжения нужно было испытать, сколько таить в себе веры в силу и победу нашего строя, чтобы не пасть духом, устоять против многословной и хвастливой геббельсовской пропаганды?» [Михеенков, 1963, с. 7]. Лагеря смерти аккуратно снабжались антисоветской литературой, подметными газетенками «Клич», «Новое время» и др.

«Самое страшное, — вспоминает другой узник И. Герасименко, — стремились убить в нас людей, вытравить мысль о свободе. Это у них называлось „полоскать мозги“. И полоскали. С утра до вечера... Каждый день газетки по лагерю разбрасывали. А в них опять то же: сопротивление бессмысленно» [Василенко, 1965].

Почти во всех лагерях смерти (Дахау, Заксенхаузене, Освенциме и др.) выпускались самодеятельные листовки, газеты, даже журналы, иногда распространялись с трудом дошедшие сюда с Родины советские издания. Условия, в которых готовилась лагерная печать, наложили на нее неизгладимый отпечаток. Листовки-крохи, написанные рукой несгибаемого генерала Г. И. Тхора, поздравившего узников лагеря Офлаг в 1942 г. с праздником Октябрьской революции (История СССР. 1959. № 5. С. 44–45). Листовки-воззвания, отпечатанные на гектографе, обращенные ко всем военнопленным, находившимся в Германии, от Комитета Братского содружества военнопленных (БСВ). Листовки с советскими песнями. Листовки-карикатуры, например, в лагере Равенсбрюк ходила такая листовка: на перилах моста сидит огром-

ный черный ворон в фуражке эсэсовца, а под мостом — потоки человеческой крови. Название лагеря буквально обозначает «Вороний мост» [Они победили смерть, 1961, с. 15–16, 20].

Подпольным журналистам приходилось много думать о внешнем виде и размере изданий. Газета советского подполья в Бухенвальде «Правда пленных» («орган советской Совести и непродажной Чести») выходила на сшитых листах школьной тетради по 4–6 страниц, имела девизом «Находясь в плену, помни о Родине», под ее заголовком стоял лозунг «Трудящиеся СССР, на борьбу соединяйтесь!».

Одна из советских групп БСВ, действовавшая на юге Германии, выпускала журнал «Борьба продолжается». Ее редактировал политрук В. Шахов. Первый номер тоже имел формат ученической тетради, но подпольщики решили уменьшить его размер, чтобы удобнее было его прятать, передавать и хранить [Хренков, 1964].

Тираж изданий зависел от возможностей подпольщиков. Тиражи печатных листовок БСВ доходили до нескольких тысяч. Так, Зепп Хаан в книге «Безмолвная схватка» рассказывает, что немецким антифашистам удавалось печатать листовки в количестве 4–8 тыс. [Хаан, 1963, с. 92, 155]. Названные газета и журнал изготавливались в двух экземплярах. Всего появилось 26 номеров «Правды пленных» [Бухенвальд, 1962, с. 474, 489–490]. Писатель С. Злобин выпустил в лагере военнопленных под Минском в июне 1942 г. в трех экземплярах один номер «Пленной правды» («орган Советской совести»). (Сов. печать. 1958. № 5. С. 43). Газета вышла в трудные для Родины дни, когда пал Севастополь. «В нашем сознании, — писал Злобин, — в наших умах неугасимо теплится искра нашей единственной правды, объединяющей наши сердца, сердца родных братьев и сестер, детей одной матери — Родины. Эта наша правда заключается в сознании того, что наша страна победит, выбросит вон всех насильников и бандитов и станет снова свободной. Мы знаем... какие бы успехи ни имел временно наш враг, — конечная победа за нами!» И в лагерных условиях надо оставаться «гражданином СССР»: «Это высокое

звание не может отнять у меня никто... Отнять это звание можно, лишь вырвав сердце из груди»⁴.

В лагере Калафат был выпущен в марте 1944 г. рукописный журнал «За колючей проволокой» (редактор И. Денисов, сотрудники Г. Лежава и Е. Шикин) — тоже в одном экземпляре. На его обложке был нарисован Кремль с пятиконечной звездой и лагерный «пейзаж»: несколько рядов колючей проволоки, вышка часового и вышагивающий охранник. Журнал имел лозунг «Смерть немецким оккупантам!» и открывался эпитафией: «Мы за колючей проволокой, но мысли наши и чувства там, где восходит солнце, на родной земле». Ту же мысль содержала статья «Слово к печальному товарищу»: «Тебе еще улыбнется счастье поцеловать родную землю, которую и ты смочил своей кровью. Крепись, товарищ!» [Хренков, 1964]. Короткие заметки напоминали о битвах под Ленинградом, Севастополем, Одессой, у стен которых когда-то сражались пленники лагеря, и это вселяло в них надежду на победу над фашистами.

Подпольщики хорошо понимали опасность, сопряженную с выпуском газет и листовок. «Правду пленных» заключенные писали ночью и в таком помещении, куда меньше всего могли нагрянуть эсэсовцы, — в складе для одежды больных. Выставлялось охранение. Во главе редакции стоял Михаил Левшенков, член Военно-политического центра лагеря Бухенвальд. В редакцию входили С. Богданов, Ю. Сапунов, Е. Яльцев. Из украденных в мастерских частей был собран радиоприемник, и Левшенков приносил в барак сводки Совинформбюро. По ним Богданов составлял военные обзоры. В газете было три отдела — «Фронтовые известия», «Лагерные новости» и «Вести с Родины» [Пестерев, 1988]. Один из подпольных журналистов вспоминает: «Редактор требовал от нас строжайшей конспирации. Пока мы, сидя в маленькой комнатенке, работали над газетой, поблизости прохаживались наши дозорные. Записи радиосообщений сжига-

⁴ Лесс. Ал. «Лишь тот достоин жизни и свободы...» // Сов. печать. 1958. № 5. С. 43. — Эта газета — экспонат Минского музея Великой Отечественной войны. Ее первая страница воспроизведена в «Литературной России» (1966. № 44, 28 окт. С. 16).

лись в печке. Окончив работу, тщательно мыли руки, чернильное пятнышко на указательном пальце могло стать роковой уликой» [Война за колючей проволокой, 1960, с. 25, 48–50].

Но и в таких трудных условиях подпольные журналисты смогли сделать немало. В первую очередь, они информировали о положении на фронте, об успехах Красной Армии, разоблачали фашистскую ложь, искажавшую военные сводки в газетах и листовках. Они показывали, что час расплаты настает. Первый номер журнала «Борьба продолжается» рассказал о разгроме фашистов под Сталинградом. На фото, вырезанном из советской листовки, был представлен фельдмаршал Паулюс с поднятыми руками. Статья призывала к борьбе, диверсиям и саботажу в глубинах тыла врага [Сильнее смерти, 1963, с. 21–25].

Не только военные сводки, любая весточка с Родины вызывала живейший интерес читателей и находила место в лагерной печати. В отделе «Правды пленных» «Вести с Родины», к примеру, была помещена заметка о выступлении в Москве с новой программой оркестра Л. Утесова.

Печать лагерей смерти, поддерживая морально дух заключенных, одновременно решала и сугубо практические задачи. В отделе «Лагерные новости» той же газеты сообщалось о прибытии в лагерь новых партий заключенных, помещались предупреждения об осведомителях гестапо, назывались имена предателей. Через газету помогали тем, кого фашисты наказывали. Как-то одну из рабочих команд лишили пайка. Каждый, прочитавший об этом, старался помочь, чем мог, товарищам. В отделе велась статистика зверств палачей, сколько человек было отправлено в крематорий.

Одна из боевых задач подпольных изданий — сплочение заключенных всех наций в борьбе с фашизмом. В воззвании Лейпцигского интернационального антифашистского комитета (1943 г.) говорилось: «Нас здесь не единицы, а миллионы. Сила в наших руках. Нам нужны только дружба и единство». К этому же звали листовки, газеты и журналы лагерей смерти и воззвания БСВ. В лагерях выходила печать на разных языках. В Бухенвальде была своя газета у чехов, в Освенциме — у поляков. «Эхо

Освенцима» распространялось, по некоторым свидетельствам, даже среди жителей Кракова [Бухенвальд, 1962, с. 529–530]. На одном из производств Бухенвальда газета «издавалась» попеременно — то на чешском, то на испанском языках (История СССР. 1959. № 5. С. 44–45).

Подпольщик А. Лебедев замечает: «Спрос на книги и газеты в лагере (Освенцим) колоссальный. Политический отдел СД хитро пользуется жадой печатного слова среди заключенных и как бы исподволь забрасывает в лагерь антисоветскую литературу. Весь наш подпольный актив охотится за этой мерзостью, отбирает ее у заключенных и тут же уничтожает». В этом также была одна из функций подполья лагерей. При этом активисты проводили беседы с заключенными, объясняли обстановку на фронте, доставали настоящую литературу, встреча с которой в тех условиях была праздником, хотя и сопряженным с риском для жизни. Вот как читалась в Освенциме «Война и мир» Л. Н. Толстого: книгу разделили на 10 частей и читали сразу по 20 человек. Чтобы прочесть русскую книгу, на очередь записалось и 18 поляков, 3 француза [Война за колючей проволокой, 1960, с. 48–50].

Фашистам не удалось сломить волю советского человека, во многих лагерях произошли восстания. В апреле 1945 г. в клятве, данной в дни победы, бухенвальдцы заявили: «Мы, представители всех национальностей, проводили жестокую, беспощадную, обильную жертвами борьбу» (Ист. архив. 195. № 4. С. 99). Этой борьбе и служило Слово лагерной печати.

ГЛАВА III

Боевое слово публициста (проблемно-тематический комплекс журналистики)

§ 1. СЛАВНЫЕ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ РОССИИ

Опорой веры в победу над захватившим почти всю Европу врагом для журналистов становятся исторические, патриотические традиции России; суворовская наука побеждать; чувство национальной гордости, сопутствовавшее всегда борьбе русского народа с иноземным вторжением; сплочение народов страны в борьбе за независимость и свободу. Успешное развитие патриотического движения в стране, патриотической проблематики в печати и на радио в годы войны во многом определяли два существенных фактора.

Во-первых, уже в середине 1930-х годов в руководстве страны наметилась тенденция более реального отношения к прошлому страны, к ее истории, дореволюционным военным традициям [Дубровский, 2005]. После постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [Собрание законов и распоряжений..., 1995, № 47, ст. 391] произошли значительные изменения в системе образования: советский период стали вписывать в общее развитие российской государственности, были изданы труды историков В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, С. Ф. Платонова и др. В печати тех лет

шло обсуждение проблем истории, наследия прошлого и нового отношения к нему: «За боевую перестройку исторического фронта» Н. М. Покровского, «Учитель истории и повышение его квалификации» И. Клабуновского (Борьба классов. 1932. № 2–3. С. 12; 1933. № 5. С. 60–66); «За подлинную историю — против схоластики и абстракции»; «Без учета исторической обстановки фактов и лиц» А. З. Иоанисиани (За коммунист. просвещение. 1934. 24 апр.); «Учебник истории в самосознательной работе учащихся средней школы» Я. Гриневича (История в средней школе. 1934. № 1. С. 11–20) и др.

Газета «Правда» в передовой статье «Знать и любить историю своей Родины» (1936. 7 марта) подчеркивала: «По героическим образцам прошлого и современности эти (советские. — Г. Ж.) поколения должны создать непреклонных революционеров-коммунистов, борцов и строителей». В журналистике стали чаще вспоминаться имена героических личностей русской истории — Александра Невского, Петра Великого, Ивана Сусанина, героические события — Полтавская битва, Бородинское сражение; осуждалось неуважительное отношение к прошлому России, в связи с этим подверглись критике М. А. Булгаков, Демьян Бедный, Н. И. Бухарин и др. [см.: Булгакова, 1990, с. 120–121; Дубровский, 2005, с. 155–156; Об одной гнилой концепции, 1936; Леонтьев, 1936: О пьесе «Богатыри»..., 1936]; был издан сборник «Против фальсификации народного прошлого» (М.; Л., 1937).

Во-вторых, развитию патриотического движения в стране, становлению патриотической проблематики журналистики способствовало деятельное участие в защите Отечества Русской Православной Церкви и других конфессий. Послание Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) от 22 июня 1941 г. послужило началом патриотической деятельности РПЦ в военное время в широких масштабах. Ее иерархи и священники призывали к защите Родины, благословляли паству на помощь воинам и партизанам в их борьбе с фашистскими захватчиками. Митрополит Сергей писал в своем послании: «Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. —

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий народный подвиг» [Аруева, 2010, с. 25].

За годы войны митрополит Сергей обращался с патриотическими посланиями к верующим 24 раза. Многие из них были изданы в виде листовок и распространялись, особенно среди населения оккупированных врагом регионов. 14 октября 1941 г. он призвал «пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам». В ответ на этот призыв только московские церкви за год войны передали Красной Армии более 3 млн. рублей. 30 декабря 1942 г. митрополит призвал духовенство и паству к пожертвованиям на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского. В начале 1944 г. такая колонна из 40 танков была передана Церковью Красной Армии. На средства, собранные Церковью, были построены самолеты эскадрильи имени Александра Невского. Церковь создала Фонд помощи детям и семьям воинов, сражавшихся на фронте [Кашеваров, 2010, с. 11–16; Куредов, 1981, с. 98].

4 сентября 1943 г. по инициативе председателя Совнаркома Сталина состоялся прием в Кремле митрополитов Сергия, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича), положивший начало нормализации отношений власти и РПЦ, восстановлению соборного единства Церкви и Патриаршества. 8 сентября состоялся Собор епископов РПЦ, на котором митрополит Сергей был избран патриархом Московским и всея Руси. На Соборе было принято Обращение к христианам всего мира с призывом объединить усилия в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. 12 сентября был возобновлен выпуск «Журнала Московской Патриархии», где печатались и патриотические статьи. 14 сентября Сталин подписал постановление об организации Совета по делам РПЦ.

С этого времени верховные патриархи поддерживали контакты с руководителем государства. За 10 последующих лет в Советском Союзе было открыто 22 тыс. приходов, стали действовать

центр русской духовности Троице-Сергиева лавра и Духовная академия, началось восстановление издательской деятельности Московской патриархии [Сталин и Церковь, 2012, с. 6–7].

Участие Церкви в защите Отечества сыграло важную роль в поднятии морального духа общества и армии, в мобилизации всех сил страны на отпор захватчикам.

В первый же день войны ЦК ВКП(б) провел совещание с обсуждением издания военной литературы, включая литературу о героическом прошлом русского народа [Бурдей, 1991, с. 148–149]. 22 июня в основной военной газете страны «Красная звезда» была напечатана статья В. Вишневского «Уроки истории», где известный писатель напоминал, что ключи от Берлина находятся в одном из музеев нашей страны, и писал о том, что фашисты «забыли уроки истории, уроки войн». Он призывал: «Покажем, что мы достойные потомки тех, кто умел биться за родину честно, нещадно, до конца, до победы!...»

В периодике появляются рубрики: «Наши великие предки», «Слава русского оружия», «Из героического прошлого русского народа», «Из боевого прошлого русского народа» и др.; в передачах по радио все чаще звучат слова «Родина», «Русь», «Отечество», «Россия»; передаются радиоочерки, издаются книги, демонстрируются кинофильмы об Александре Невском, Минине и Пожарском, Суворове, Кутузове, славных полководцах страны, побеждавших тех, кто посягнул на ее независимость; вспоминаются подвиги народных героев. «Карманная книжка, брошюра с очерками о выдающихся русских полководцах, умещавшаяся в полевой сумке политрука, была самым массовым жанром исторических работ тех лет», — пришел к выводу историк А. М. Дубровский [Дубровский, 1992, с. 119].

Журналы «Красноармеец» и «Краснофлотец» рассказали о героях Крымской войны 1852 — 1856 гг.: о матросах Петре Кошке, Трофиме Александрове, о гренадерах Леонтии Куренном и Семёне Новикове, о пластуне Чумаченко и др. В начале марта 1942 г. на Псковщине вышла партизанская газета «Коммуна», имевшая крохотные странички, набранные мелким, убогористым шрифтом. В ней появилась небольшая заметка «Как Иван Сусанин»:

«Фашистам, вдоволь наиздевавшимся над крестьянами деревни Мухарево, понадобилось в Гнилице. Проводником они взяли Семенова Михаила. Он поступил с немцами так, как в далекие времена Иван Сусанин: завел вражескую колонну в лес, великолепно зная дорогу, всю ночь плутал, а под утро привел гитлеровцев опять же к Мухареву. Погибая от руки ненавистных оккупантов, Семенов бросил им в лицо: „А вы думали — русский человек вам, гадам, помогать будет?“» Этот подвиг в те годы повторили 6 героев [см.: Виноградов. 1974; Сорокин, 1964].

Во время войны были изданы книги, брошюры, «Письма русского офицера» Ф. И. Глинки, «Дневники партизанских действий» Дениса Давыдова (дважды — в 1941 и 1942 гг.), очерки М. Нечкиной «Исторические традиции русского военного героизма», В. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства», «Культура Киевской Руси», Е. Тарле «Отечественная война 1812 г. и разгром Наполеона», Н. К. Пиксанова «Русская художественная литература о всенародной борьбе с Наполеоном». Большой популярностью у читателей пользовались научно-популярные, научные и публицистические произведения, показывавшие опыт Отечественной войны 1812 г.: «Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.» Л. Бычкова, «Отечественная война 1812 г. в русской литературе» С. Машинского, «Художественная патриотическая литература 1812–1815 гг.» Н. Ильинского, «Денис Давыдов, партизан 1812 г.» М. Рыжова, «Надежда Дурова» Я. Рыкачева и др. В выходивших статьях и книгах вспоминались исторические предупреждения Фридриха Великого, Мольтке, Бисмарка о бесперспективности войны с Россией.

В июне 1941 г. в газете «На страже Родины» были опубликованы три статьи: «Как русские войска взяли Берлин», «Крах Наполеона», «Ледовое побоище», в июле — шесть публикаций ученых и писателей о доблести русских воинов, их мужестве и стойкости. В июле — августе в нескольких номерах газеты появилась статья «Вражеские полчища никогда не были и не будут в Ленинграде», подписанная учеными: акад. Н. С. Державиным, проф. О. Л. Вайнштейном, С. И. Ковалевым, С. Н. Валком и др. В августе 18, 22 и 28-го в газете со статьями выступили чл.-кор. АН СССР Н. К. Пиксанов —

«Ленинград — любовь и гордость народа», писатель Н. С. Тихонов — «Строго хранить боевые революционные традиции», «Петербургское ополчение 1812 г.» [подр. см. : Сеин, 2005, с. 40).

«Русская армия разгромила Наполеона, неоднократно наносила поражения войскам Вильгельма в период мировой войны, который тоже считался „непобедимым“. Такой же конец ждет и гитлеровцев», — подчеркивал проф. А. И. Молока, рецензируя 1 августа в газете «На страже Родины» вышедший тогда в Ленинграде и подготовленный к печати историком Е. В. Тарле сборник документов «Отечественная война 1812 г.».

Только в ноябре — декабре 1941 г. в «Ленинградской правде» были помещены статьи проф. В. Мавродина об Александре Невском, комиссара А. Абрамова о Дмитрие Донском, проф. М. Мартынова о Минине и Пожарском, писателя Л. Раковского о Кутузове и др. Во многих произведениях газеты проводилась важная мысль о том, что традиции отцов восприняты молодым поколением: очерки и статьи В. Вишневского «Морские охотники», В. Азарова «Балтийская слава», Н. Тихонова «Боевые традиции великого города», «Кировцы на боевом посту» и др. (Ленингр. правда. 1941. 11, 27 июля. 22, 30 авг.).

В передовой статье «Боевые традиции советских воинов» 17 сентября 1942 г. «Правда» рассматривала исторические традиции как «боевое, могучее оружие, выкованное и отточенное в прошлом для великих битв настоящего и будущего».

§ 2. БОЕВАЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

Для начала войны характерным было внимание журналистов к боевому событию, чаще боевому эпизоду; преобладала описательная, событийная информация, при этом нередко использовалась рубрика «Эпизоды недавних боев» («Прямой наводкой», «Рейд отважных», «33 дня», «В боевом плавании», «Сквозь леса и болота», «Штурм пожарки» и др. (Ленингр. правда. 1941. 27, 29 авг., 11 ноября; 1942. 31 июля; 1944. 30, 31 марта). Информационный диапазон, отражавший в это время боевые действия на

фронте, был, естественно, уже, беднее по сравнению с последующими периодами войны. Во многом это связано с тем, что большинству журналистов не хватало опыта по освоению сложного военного пласта жизни. Но вскоре ряды военных корреспондентов пополнили писатели и поэты. Около четверти членов Союза советских писателей было на фронте. В штате газет появилась должность «писатель». Призыв в журналистику писателей, тех публицистов (К. Симонов, В. Вишневский, В. Саянов и др.), которые уже понюхали пороху ранее, на Карельском перешейке, на Дальнем Востоке, усилил публицистический пласт журналистики, в ней стали чаще появляться аналитические произведения, исследующие боевое событие. Таков очерк В. Саянова «Как была взята станция Б.» (Там же. 1911. 5 окт.). В его основе — один эпизод из жизни «части тов. Буховца». Октябрь 1941 г. для оборонявшейся страны был не из легких месяцев, поэтому сообщение о том, что та или другая станция освобождена от захватчиков, само по себе имело большое моральное значение. Кроме того, автору важно было остановить внимание читателя на взятии станции Б. как на примере наступательных действий.

Саянов подробно анализирует успешную боевую операцию, комментирует ее, как бы обучая наступательному бою. Авторская мысль пронизывает все произведение, о чем бы Саянов ни писал: об артподготовке, танках, пехоте, при описании боя, сражающегося солдата... Вот один из его комментариев: «Бой — лучшая проверка качеств бойца. В эти грозные, напряженные минуты рождаются и закаляются герои, выявляются мерзкие душонки и трусы. Но в этом бою не было трусов». Люди в событийном очерке выступают обычно как масса. Так же и у Саянова.

Трагедийный жизненный контекст, можно сказать, способствовал появлению таких произведений о событиях, в которых автор обращался к человеческим переживаниям, психологии поведения в бою. Чаще всего журналист через определенный эпизод и поведение в нем героя очерка или корреспонденции, репортажа раскрывал его поступок. В этом ему помогал сам сложный жизненный материал, полный конфликтности, когда человек действовал на грани жизни и смерти, рискуя собой. При этом его

борьба за жизнь связывалась с чувством долга перед Родиной, народом, обществом. Такой конфликт характерен для очерков и корреспонденций журналиста Михаила Жестева: «Сила земли», «Он становится солдатом», «Сила жизни», «Незримый рубеж» и др. (Там же. 1941. 27 авг., 12 ноября; 1942. 4 февр., 14 авг.)

Герой небольшого очерка «Сила жизни» действует в крайне сложных условиях — его самолет подбит: «Бензином пары наполняли кабину, окутывали летчика, — он дышал не воздухом, а одурманивающей смесью. Но под ним была территория врага. Он не хотел, чтобы врагу достался его труп, даже обломки самолета он не хотел отдавать врагу». Автор очерка умело рисует переход героя из одного психологического состояния в другое. Самолет Потапова перевалил через линию фронта. «Одно это сознание словно придало ему свежие силы, он поднял голову, и по лицу прошла слабая улыбка. Мысль, что он погибнет здесь, на своей стороне, наполнила его необыкновенным счастьем. У него было ощущение, что он избежал какого-то большого позора. И тогда возникло желание жить». «Он боролся со смертью, не хотел ей сдаваться, упрямо сопротивлялся».

Заметим, о чем идет речь: о необыкновенном счастье, страхе перед большим позором, желании жить, борьбе со смертью. Кажется, конфликт разрешен: надо только найти силы, чтобы встать и выброситься из самолета, дернуть за кольцо парашюта. На самом деле конфликт все еще развивается — возникает чувство долга: Потапов не может бросить самолет. «Две жизни — человека и машины — тесно переплелись. Одна не хотела обрекать на смерть другую». Летчик боролся и за свою жизнь, и за жизнь самолета. Очерк заканчивается победой героя: «Земля! Вот она. Он коснулся ее. Своя земля! Потапов сидел без сознания. Но воля к жизни, неисчерпаемая сила жизни торжествовала победу».

В публицистике военных лет факты, несущие конфликт, составляют основу очеркового образа, а конфликтность и есть та «психология факта», то их «внутреннее содержание», о которых пишет теоретик Е. Журбина [Журбина, 1957, с. 38] и которые делают эти очерки проблемными. В очерке С. Езерского «Петр Антонов уходит в партизанский отряд», опубликованном в трех

номерах «Ленправды», 20, 21 и 23 октября 1942 г., поднималась одна из самых острых проблем военных лет: последние крестьяне, которые все-таки не смогли покинуть землю, оторваться от нее, сменить плуг на меч, встают на путь борьбы с врагом. Уход Антонова в партизанский отряд автор очерка рассматривает как существенное событие.

Характер Петра Антонова воссоздан автором в развитии. Журналист вспоминает историю вступления Петра в колхоз. «Есть люди, — рассуждает Езерский, — которых ни в чем не убедишь словами. Самые сильные доводы на них не действуют. Они не упрямы; не ограничены. Они только до всего хотят дойти сами, они верят тому, что испытают на собственном опыте». Так и Антонов, только убедившись, что в колхозе стало жить лучше, вступает в артель. Но вот пришли немцы. Многие крестьяне ушли в партизаны. Петр остался дома: «Не могу я уйти от родной земли. Земля не пускает». Председатель колхоза, зная характер Антонова, отвечает на это: «Ладно. Испытай на себе. На вот, возьми, — и он неожиданно снял с плеча карабин, — как раскусишь немцев, хлебнешь лиха, будет чем горе лечить».

Сравнивая поведение Антонова при вступлении в колхоз и перед приходом в село немцев, читатель может заметить, что Антонов в чем-то уже другой. Журналист оттеняет это лишь одним фактом: «Петр повертел карабин, но почему-то не бросил его...» Но он все же еще тот Антонов, полный сомнений: «Неужто немцы такие? Может, и ему уйти? Но тотчас же сердце схватывала боль при мысли, что надо бросить дом, бродить по чужим местам, оставить все нажитое, годами скопленное, перестать быть хозяином. С приходом немцев в село вся жизнь пошла кувырком: откровенный грабеж, оскорбление человеческого достоинства, издевательства, унижение русского духа. На постое у Антонова остановился фельдфебель, который видел в русском не свободного человека, а батрака, вообще не человека, а быдло.

Мужики еще идут убирать этой осенью хлеб, о котором так заболела душа у Антонова, но хлеб этот немцы хотят отправить в Германию. И когда шорник Шматов поджигает хлебное поле, все только радуются. И для Петра мир поворачивается какой-то но-

вой стороной: «Петр всегда считал себя выше Шматова, так как никогда не пил, не знал за собой проступков перед миром. Но сейчас перед ним стоял как будто другой, никогда не виданный прежде, смелый, в смертный час свой не побоявшийся сказать правду, не испугавшийся пыток и казни — гордый человек».

За зиму в понимании Антоновым того, что он выбрал не тот путь, крестьянин делает новый шаг вперед: «Он теперь ждал не конца войны, а прихода Красной Армии, освобождения от немецких поборов, грабежей и краж, от пыток и казней, от страданий». Когда староста села сообщил заведомую ложь о том, что Ленинград захвачен немцами, а Россия погибла, все уже в Петре Антонове «вздрагивало от возмущения». «Он вспомнил, как говорил перед войной докладчик, и повторил: „Россия, брат, не Франция, ее не возьмешь нахрапом“. И эта чужая фраза теперь казалась ему собственной, потому что он сам дошел до нее, почувствовал и поверил...» Такой прием — повторение фразы докладчика — вносит достоверность в те слова, которые произносит уже крестьянин.

Антонов «созрел» для борьбы с врагом. И после неудачной весны, когда немцы оторвали его от земли и угнали сына в Германию, он уходит в партизаны: «Простая душа мужика — незлобивая, обычно полная несложных забот и будничных тревог, — теперь горела неиспытанной злостью и гордостью. Той гордостью, что поразила его и в Василии Шматове и что жила теперь в нем. Это была гордость русского человека, который не захотел поддаться немцу». Проблема получает закономерное завершение.

Столь подробный разговор об этом произведении С. Езерского в современных условиях вполне естествен. Сейчас активно исследуется тема коллаборационизма — предательства интересов Родины и сотрудничества в той или иной форме с оккупационными властями в военные годы [см.: Семиряга. 2000; Ковалев, 2004; Коллаборационизм..., 2014; Окорочков, 2007]. Люди, оказавшиеся в тех условиях, должны были жить, кормиться, кормить детей, трудиться. Не все могли и должны были уйти в партизаны. Толщина слоя коллаборационизма во многом определялась возможностью получить правдивую информацию о положении на фронте и в стране, наличием боевых действий партизан, что

тогда укрепляло веру в победу над врагом, помогало более слабому духом, сомневающемуся в необходимости менять плуг на винтовку.

Появление в печати очерка Езерского показывает, что журналисты не обходили стороной сложную проблематику, противоречия суровых будней, когда перед каждым человеком могла возникнуть, как у крестьянина Антонова, проблема выбора. Публицист тонко моделирует возможное поведение человека на конкретной документальной фактографии.

Журналисты не умалчивали о жизненных противоречиях, вызванных войной, о том, что у обывателей были колебания и сомнения: зачем жертвы, не напрасны ли они? 25 сентября 1941 г., когда враг стоял у порога города, «Ленправда» напечатала проблемный очерк М. Жестева «Старые знакомые». Его персонажи Анна Долгих и Мария Корнева отражают две психологии, возможные в условиях осажденного Ленинграда: стойкого защитника и сомневающегося человека, охваченного паникой, боящегося за семью. Проблема журналистом решается на сопоставлении двух настроений давно знакомых друг с другом женщин.

В дом Корневой, когда она была на работе, попала бомба. Долгих нашла детей Марии и приютила их. На какие же раздумья толкает женщин произошедшее событие? Журналист передает внутренний монолог более пострадавшей Корневой: «Не дом — счастье ее бомбила черная птица. Ведь оно в родном городе, родной улице, родной семье. Нет — это не горе разрывает ее сердце. Ненависть!» Автор умело выделяет нужное ему слово — коротко и хлестко: «Ненависть!»

Мысли Долгих идут в ином направлении. Она колеблется: может быть, лучше сдать город: «Сегодня бомба упала на дом Корневой, завтра — на ее дом. Страшила неизвестность». Жестев эмоционально и с напряжением ведет повествование: «Корнева отшатнулась. Может, она ослышалась? Может, не так поняла? О чем Анна говорит? Отдать город, чтобы спасти свою шкуру!». Ненависть к врагу, посягнувшему на ее Родное, у Марии бесспорна: «На зверей, как зверь, пойду». Долгих не так ожесточена, она мягче по натуре и слабее духом:

«Анна Яковлевна смущенно забормотала:

— Детишки — их жалко...

— Твоя жалость хуже смерти. Ты не жалея, а сходи в бомбоубежище, погляди, крепки ли опоры, обшарь дом, поищи подвалы, нет подвалов — щели выройте. Вот какая должна быть жалость. А войдет враг — круши его. Себя не спасешь — других спасешь... Немец свои силы подсчитывает: сколько у него танков, орудий, солдат. А еще учитывает, много ли таких, как ты, Анна».

В этом эпизоде — кульминация очерка. Слова Марии — обобщающие слова — обращены не только к Долгих, а ко всем колеблющимся, сомневающимся в страшные дни блокады, когда город становился крепостью.

В конце произведения обе женщины вместе гасят зажигалки: Корнева «ободряюще крикнула своей старой знакомой, как бы прощая ей ее минутную слабость: „Не сдадимся, Анна, не сдадимся! И не умрем! Победим, слышишь, Анна, победим!“». Автор никак не комментирует факты, да и этого не надо. Его позиция и так ясна.

Уже с самого начала ход войны способствовал включению в ее летопись особых публицистических циклов, представлявших собой боевую очеловеченную хронику. В них нашли отражения события таких героических эпопей, как Сталинградская и Ленинградская, разгром немцев под Москвой, Курское сражение, сражение за Берлин. Разные по военной стратегии, они близки друг другу по проявлению патриотизма советских людей, их мужественному сопротивлению врагу, героике духа, стойкости. Совокупность публикаций, радиопередач и фронтовой кинохроники такого цикла, действий и творчества его журналистов имела свои особенности, давала полное представление о боевой, духовной и событийной жизни обороняющейся советской крепости.

Это хорошо иллюстрирует судьба газеты «Сталинградская правда», журналистский коллектив которой действовал на передней линии огня, где стирались грани между бойцом и журналистом или печатником. 20 июля 1942 г. редактор «Сталинградки» А. Г. Филиппов был вызван в местный обком партии, где

секретарь обкома А. С. Чуянов сообщил ему о телефонном звонке Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, приказавшего вернуть в Сталинград отправленный его заместителем штаб военного округа в Астрахань и заявившего о том, что город врагу сдан не будет [Муксинов, 1968, с. 5]. Перед Красной Армией и жителями Сталинграда, его газетой встал задача превратить город в непреступную крепость. Сталинград стал передним краем войны, а его основная газета превратилась фактически в военную газету.

В ней был создан фронтовой отдел, военными корреспондентами стали Н. Ульянов, О. Курин, И. Доманов. Они работали в таких условиях, когда приходилось действовать и пером и автоматом. Информацию из Центра получали с помощью радиоприемника, так как телеграфный провод потребовался командованию. Половину помещения редакция уступила коллективу фронтовой газеты «Красная Армия». Это соседство с редакцией военной газеты помогло журналистам «Сталинградки» быстрее освоить особенности работы военного корреспондента¹.

У «Сталинградской правды» — уникальная боевая история. Газета не раз погибала, но воскресала снова. 23 августа 1942 г. фашистская армия пыталась массированным ударом захватить город, немецкие танки появились на его улицах. Одна волна вражеской бомбежки и артобстрела сменялась другой, разрывы бомб перекрывались взрывами снарядов. Помещение редакции, типография и ее оборудование — всё было разрушено. Погиб талантливый фельетонист «Сталинградки» С. С. Свеннов. 25 августа редакция смогла выпустить в типографии тракторного завода только листовку с обращением горкома обороны к горожанам и воинам:

«Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью...

Бойцы Красной Армии! Защитники Сталинграда!

Мы сделаем для вас все, чтобы отстоять город.

Ни шагу назад!» [см.: Там же, с. 20].

¹ О «Сталинградской правде» военной поры см. в книге Р. З. Муксинова [Муксинов, 1968].

В той же полуразрушенной маленькой заводской типографии, фактически на передовой — отсюда изготовленные и отремонтированные танки уходили в бой, — снова среди грохота взрывов, огня и дыма вышла «Сталинградская правда». Она стала небольшим листком, заполненным горячей, оперативно-событийной информацией. Тракторный завод был постоянно под обстрелом врага. Газету здесь выпускать становилось все труднее. При очередном налете фашистской авиации и артобстреле 4 сентября стены типографии рухнули. Но 5 сентября «Сталинградка» снова пришла к читателю: журналисты ее напечатали в маломощной типографии общества глухонемых вручную: не было электричества.

11 сентября и эта типография оказалась на линии фронта: наборщики соседствовали с бронебойщиками. При новом артобстреле вражеский снаряд разбил типографию. Горком обороны решил переместить редакцию за Волгу. «Сталинградка» продолжала рассказывать читателям о подвигах защитников города, о трудовых героических делах заводских коллективов, продолжавших выдавать продукцию фронту. Наконец, 15 января 1943 г. «Сталинградская правда» вернулась в город.

В самое тяжелое для Сталинграда время рабочие далекого Чикаго, восхищаясь мужеством, стойкостью и упорством его защитников, прислали телеграмму рабочим тракторного завода: «Вы удерживаете сейчас осажденную крепость человечества» [Там же, с. 70]. Лучше нельзя оценить подвиг сталинградцев, вклад в который сделали и журналисты.

Анализируя боевой репортаж такой газеты, надо учитывать контекст времени, когда он создавался. Его авторы были вписаны в ряды бойцов переднего края, строки их репортажа сливались с залпами орудий, что добавляло им силы. По современным меркам их репортаж следовало бы отнести к информации, но когда рассматриваешь, кем, как и в каких условиях он создавался, какой эффект он нес, то понимаешь, что как совокупный текст он выполнял функцию публицистики. Его творили патриоты-журналисты под огнем врага, и их слову верили больше, чем многим пространным, описательным полотнам.

Сталинградская эпопея была всесторонне отражена в печати. В «Красной звезде» были напечатаны статьи «Герои Сталинграда», «Стойко защищать каждую улицу Сталинграда», «Стойко защищать Сталинград с воздуха», «Значение боев за Сталинград»; «Город-герой» А. С. Чуянова, в которой первый секретарь обкома партии откровенно заявил: «Дальше отступать некуда. Отступить дальше — значит... загубить Родину». Настроение защитников журналист В. Коротеев выразил такими словами: «Одни говорят: „Забудем о жизни и смерти — будем думать об одном: как отбить врага“. Другие говорят: „Умрем, а Сталинград не сдадим“. Третьи говорят: „Выстояли под Москвой, выстоим и под Сталинградом“» [Солдаты слова, 1976, с. 219]. В центральной печати Сталинградской битве посвящались полосы, подборки, аналитические статьи, обзоры откликов иностранной прессы: «Великое сражение под Сталинградом», «Классический разгром немецких войск под Сталинградом», «Иностранная печать о боевых успехах Красной Армии», «Отклики за рубежом о наступлении Красной Армии в районе Сталинграда», «Победоносное наступление советского народа» и др. (Правда. 1943. 31 янв., 3, 4, 5 февр.; 1944. 10 марта, и др.).

Среди произведений о великой битве особое место занимает художественно-публицистический репортаж В. С. Гроссмана (1905–1964), спецкора «Красной звезды», воевавшего на Белорусском и Украинском фронтах, находившегося в Сталинграде с первого до последнего дня уличных боев, а затем дошедшего до Берлина. Уже в 1942 г. вышла в свет его документальная повесть «Народ бессмертен», печатавшаяся в «Красной звезде». В ее названии отразился оптимизм автора, верившего в победу над врагом в самое трудное время для страны.

Аналитические очерки и статьи Гроссмана «Направление главного удара», «Сталинградское войско», «Военный Совет», «Душа красноармейца», «Волга — Сталинград», «Сталинградская битва» и др. всесторонне показали военную жизнь оборонявших Сталинград. В ее панораме, нарисованной талантливым пером, находят место военные и трудовой люд, военачальники и рядовые, женщины, выполняющие военную работу, и молодежь, рву-

щаяся в бой, старики и старухи, по-своему участвующие в обороне города. Это — тот бессмертный народ, который победить нельзя. Публицист обобщает: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?» Эти слова навечно выбиты на мемориале Мамаева кургана.

Уже в 1943 г. В. Перцов заметил «взаимное сцепление» и «цельность» сталинградских очерков В. Гроссмана: «Мы воспринимаем как единый замысел проникающее их страстное желание художника подойти поближе к тем людям, которые решали судьбу великой битвы за Сталинград, заглянуть в их душу в самые тяжелые дни, показать им самим и всему миру сказочное ее богатство. И в самом деле „солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи!“». «Художественные документы борьбы за Сталинград» — очерки В. Гроссмана — раскрывали «в сущности один образ», «коренной русский тип, выработанный веками народного труда и борьбы» (Октябрь. 1943. № 6–7. С. 189–190).

Гроссман умело показывает единство и единение сталинградцев, ставших боевой семьей. Недаром в одном из наиболее известных очерков «Направление главного удара» после гибели командира полка Михалева солдаты горько говорили между собой: «Убило нашего отца». А вот эпизод возвращения в часть после тяжелого ранения санитарки Зои Калтановой: «Здравствуйте, дорогая девочка моя, — тихо сказал Гуртьев и быстро с протянутыми руками пошел навстречу худой стриженной девушке». «Так лишь отец может встречать свою родную дочь», — комментирует автор. Полковник Гуртьев, командир дивизии, основу которой составляли сибиряки, в сложнейших условиях Сталинградской битвы поставил военное дело так, что ничто не мешает бойцу бить врага. Один из красноармейцев говорит комдиву: «Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеб — девятьсот граммов, и горячую пищу непременно два раза в день приносят, да не кушается». У воинов основная забота — разбить врага — заслоняет всё.

В другом очерке «Сталинградское войско» капитан Ильгачкин заявляет: «Я здесь с сентября. И теперь я ни о чем не думаю, только о кургане. Утром встану — и до ночи. А когда сплю, во сне его

вижу. — Он возбужденно стучит кулаком по столу и говорит: — Возьму курган, возьму! План разработали так, что ни одной ошибки в нем быть не может». У такой боевой семьи, спаенной одной целью, слаженно действует и боевой механизм.

Дивизия генерала Родимцева тоже была единым целым. «Я убежден, — замечает в очерке «Сталинградская битва» Гроссман, — что именно это чувство своего „дивизионного“ патриотизма, любовь, привычка, связывающая командиров, некое единство военного стиля, единство характера дивизии и ее командира в большой степени помогли разьединенным подразделениям, отделенным от тылов Волгой, действовать не вразброд, а как стройное целое, — установить связь, взаимодействие и, в конце концов, блестяще решив общую боевую задачу, создать непрерывную линию фронта трех полков и образцово наладить снабжение боеприпасами и продовольствием. Этот дух общности был как бы подосновой боевого умения, мужества и упорства командиров и бойцов дивизии».

Понимание солдатами того, что они все вместе делают великое общее дело — защищают Родину, рождает чувство надежности боевых товарищей, боевого братства, превращает боевой коллектив в единую семью.

Особенности ленинградского публицистического цикла определялись длительностью обороны города. Одной из центральных его тем стала тема снайперского движения. Героями журналистики стали бойцы, умело и беспощадно бьющие врага. «...Если ты за целую неделю не убил ни одного немца, — говорил М. И. Калинин, выступая перед агитаторами Западного фронта, частей ПВО и московского гарнизона 22 июля 1942 г., — значит ты плохо выполняешь свой долг перед Родиной, значит ты слабо борешься за нашу победу» [Калинин, 1967, с. 530–531].

27 июля 1942 г. газета «За Советскую Родину» вышла с передовой «Непрерывно истребляй немцев». Весь номер пронизывало это требование: лозунг «За честь жены, за жизнь детей, за счастье Родины своей, за наши нивы и луга — убей захватчика-врага!», стихи, яркий плакат художников Кукрыниксы «Спаси!» с текстом поэта С. Кирсанова, боевые статьи, рассказ «Дома», стихотвор-

ный фельетон, фотопортреты передовиков-истребителей. Фронтная газета ведет постоянный отсчет потерям врага: «4 снайпера убили 381 немца»; «Противник без боя потерял две роты»; за 10 дней бойцы одной части истребили 253 немца, уничтожили 5 минометов, 12 пулеметных точек, противотанковую пушку; взвод лейтенанта Миронова за 49 дней убил 177 немцев.

Газета «Красная звезда», пропагандируя этот опыт, 4 февраля 1942 г. обобщает: «„Убил ли ты сегодня немца?“ — такую заставку боец встречает в каждом номере газеты. Этот вопрос в упор. Со страниц газеты он перешел в землянки, блиндажи. Он появился на плакатах в траншеях переднего края. Газета зовет к действию...»

«В частях Ленинградского фронта снайперское движение стало подлинно массовым, — писала 22 мая 1943 г. в обзоре военных газет «Красная звезда». — В снайперские засады ежедневно выходят десятки и сотни метких стрелков. Известный далеко за пределами нашей страны ленинградский снайпер Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев истребил до батальона немцев и обучил десятки бойцов искусству меткого выстрела. Снайперы Михаил Миронов, Николай Рогулин, Павел Бедаш, Александр Карицын уничтожили более чем по 200 немецких солдат и офицеров каждый. На боевом счету сержанта Федора Дьяченко 350 гитлеровцев, уничтоженных как днем, так и ночью при свете ракет. В этом обзоре «Красная звезда» подробно рассказала об опыте фронтовых газет «На страже Родины» и «Фронтная правда».

По всем воинским частям развернулось страшное по современным понятиям «соревнование», кто больше застрелит фашистов, собьет самолетов и танков. «Слово „истребитель“, — замечал в январе 1942 г. ленинградский журналист М. Михалев, — стало в армии почетным. Оно звучит так же гордо, как „стахановец“ на заводе. Истребитель — значит передовой человек» (Ленинградская правда. 1942. 27 янв.).

Мирные люди разных профессий, молодежь, женщины по зову сердца освоили эту убойную профессию: конюх с Днепра Григорий Симанчук, девушка-истребитель Зоя Мицкевич, студент Ле-

нинградского горного института снайпер Владимир Пчелинцев, бывший ученик ремесленного училища Феодосий Смолячков и др. (Там же. 15, 17, 20 февр., 1, 22 марта, 5 июля). Их соревнование выявило мастеров своего дела, о которых повседневно писала печать, говорило радио. Судьба многих героев закончилась трагически. И лишь страницы газет сохранили их облик.

Вот как рисует портрет своего героя в очерке² поэт Александр Прокофьев: «Небольшого роста, плотный, плечистый, светлоглазый, общий любимец части, гроза фашистов — Феодосий Артемьевич Смолячков» (Там же. 17 февр.). Это скромный, неразговорчивый и бесхитростный парень, но смекалистый и наблюдательный боец. Он и на слете снайперов «верен своей натуре — крайне немногословен». Прокофьев в феврале 1942 г. был уверен: «Воспитанник Ленинграда стал народным героем. Его имя останется в памяти народной, в песнях и сказаниях, как имя богатыря, беспощадного мстителя за народ».

Поэт оказался прав. Имя Феодосия Смоляčkова носит одна из улиц Ленинграда. Судьба бойца, отличившегося в этом страшном по современным меркам соревновании и погибшего, в конце концов, говорит о том, что в нем не было конкретных победителей, но именно эти бесстрашные герои ковали нашу общую Победу над врагом. Подшивки газет военных лет наполнены портретами и образами простых, но героических людей, показом их неординарных поступков в ходе боев, их душевных переживаний, преодолений, борьбы. Теперь это — мемориальные страницы о тех предках, память о которых сохранилась в таком открытом виде лишь в летописной галерее журналистики, и ценность ее не оспорима. Человек этот был показан в лучших произведениях публицистов всесторонне, психологически точно, образно и реалистично.

К 1943 г. освещение событийной летописи войны предстает в печати в более сложном освещении, насыщается публицистической мыслью, становится настоящим исследованием. Переломный период войны был отражен в блестящих произведениях К. Симонова, В. Гроссмана, Б. Горбатова, Б. Поле-

² Очерк выписан несколько упрощенно и плакатно.

вого и др. В новых условиях информационная составляющая событийной летописи изменяется: на первый план выходит описание наступательного движения наших войск. Заголовки статей, репортажей и очерков коротки и значительны: «Новгород наш!», «Кингисепп наш!». Журналисты воссоздают беспрерывность этого движения: «...Сейчас герой тот, кто умеет быстро шагать, быстро ползти по снегу, заходить немцу во фланг и в тыл, настигать врага, уничтожать его». — Так учит бойцов военный журналист В. Карп в очерке «Движение» (Там же. 1944. 10 марта).

Стремительное наступление застает врага врасплох: он не успевает замечать следы своих преступлений. В газетах публикуются разоблачительные статьи, документы и материалы, фотографии, раскрывающие злодеяния оккупантов; журналистская летопись событий насыщается воспоминаниями о действиях партизан и подпольщиков, показом военных событий в Европе: «На берегах Чудского озера» и «Немцы в Демянске» С. Езерского, «Во имя Родины» М. Михалева и А. Рискина, «Это было на Псковщине» В. Карпа, «Знакомые места» Дм. Острова, «Судьба деревни Большево» Д. Славентатора, «Беглец из Майданека», «Бухарестский день», «Душа Белграда» М. Ланского и др. (Там же. 1943. 30, 31 марта; 1944. 15 февр., 20 апр., 19, 20, 29 июля; 1945. 21 февр., 11, 22 марта).

Журналисты отмечают изменения в психологии войны и ее участников. А. Рискин в статье «Фронт уходит на юго-запад» (Там же. 1944. 22 февр.) замечает, что наступление по-своему сближает и роднит воинов: «В наступлении каждый солдат еще сильнее ощутил родство со своим полком, скрепленное кровью битв и походов. В боевой истории части есть крупинка сделанного тобой. Это твоя история, твоя жизнь. А отстать от товарищей, распрощаться с ними — значит потерять нечто очень близкое и дорогое». Следствие этого настроения в армии верно подмечено журналистом: «Наступление рождает в душе нашего солдата необыкновенное чувство. Оно словно повышает живучесть человека». Автор раскрывает, с другой стороны, «психологический надлом» в стане врага и обобщает:

«Теперь немцы, оставшиеся еще в живых, читают цифры на своих столбах в обратном направлении.

Наступит день, и кончится их обратный километраж».

Журналистика проследила до конца — до победы — и поставила читателю этот «обратный километраж». Ею написана документальная история войны.

§ 3. НАУКА НЕНАВИСТИ

Мирный советский человек, хотя и его готовили к отпору предполагаемого противника, психологически не был готов к столь кровавой бойне, предложенной врагом. Ему пришлось пройти страшную «науку ненависти», ставшую доминантой публицистики первых лет войны. Она особенно отчетливо отразилась в творчестве И. Эренбурга, Л. Леонова, М. Ланского и др. В иной интонации, но о том же звучало радиослово О. Берггольц в блокированном Ленинграде [Берггольц, 1962, с. 86]:

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист, —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

5 декабря 1941 г.

Науку ненависти публицистам приходилось преподносить советскому человеку — человеку труда, интернационалисту, изучавшему со школьной скамьи Гёте, Шиллера, Гейне. Писатель Степан Злобин, побывавший в трех фашистских концлагерях, выпустил в одном из них 10 июля 1942 г. рукописную подпольную газету «Пленная правда» и поставил к ней эпиграфом слова великого немца Иоганна Гёте:

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой».

Напомним, что именно Гёте принадлежат слова такого осуждения завоевательных устремлений (из драматической поэмы И. В. Гёте по случаю победы Наполеона «Пробуждение Эпименида» (пер. В. Фишера) [цит. по: Вильмонт, 1969, с. 9]:

Будь проклят тот, кого, как вал,
Гордыня буйства одолеет,
Кто, немцем будучи, затеет,
Что корсиканец затевал!

К сожалению, соотечественники Гёте не вняли совету поэта и философа: не следовать по стопам Наполеона.

Суворовская наука побеждать обрела в суровые годы Великой Отечественной войны новые качества. Она необходимо включила в себя науку ненависти. Наиболее точно об этом сказал герой рассказа М. Шолохова «Наука ненависти» (22 июня 1942 г.) — этого пронзительного, психологического шедевра — лейтенант Герасимов, прошедший все круги фашистского ада за первый же год войны: «...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить... И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков» [Шолохов, 1942]³.

Для журналистики военных лет преподавание науки ненависти — типичное явление на протяжении первых лет. Певцом ненависти, если можно так выразиться, был писатель и публицист Илья Эренбург [см.: Рубашкин, 1965]. За военный период он создал около 1500 публицистических произведений: статей, памфлетов, очерков, корреспонденций — целый арсенал, заряженный ненавистью к фашизму. В нем немало статей, разо-

³ Вряд ли можно согласиться с трактовкой смысла этого рассказа Л. Киселевой, утверждавшей: «В рассказах же Шолохова перед нами раскрываются две „науки ненависти“... Две „науки ненависти“ — у двух разных лагерей, двух идеологий». Перевод художественного слова в политическое явно излишне прямолинеен [Киселева, 1985, с. 150].

блачающих зверства, злодеяния, издевательство оккупантов над мирными советскими гражданами: «Оправдание ненависти», «Хуже зверей», «О ненависти», «Ненависть и презрение», «Любовь и ненависть» и др. Уже заголовки статей показывают стремление публициста анатомировать смысл ненависти, раскрыть ее истоки и грани. Иногда Эренбургу хватало краткого комментария к слишком говорящему за него документу. Вот одно из таких произведений, напечатанное 30 ноября 1943 г. в основной военной газете «Красная звезда», — «Николай Владимирович — 1 года»:

«Как нас обобрали немцы! Они отняли у нас не только близких, хаты, вещи. Сложной была жизнь. Были мечты, радости, люди, много книг. Теперь все во мне неизменно возвращается к одному: к немцу. Я его вижу — светлоглазого и бесчеловечного. Он идет и убивает, поет и убивает, хохочет и убивает. Среди бумаг старосты деревни Вязовой, недавно освобожденной от немцев, найден следующий документ:

1. Музалевская Наталья Ивановна 43 лет.
2. Музалевская Наталья Николаевна 18 лет.
3. Музалевская Диана Николаевна 16 лет.
4. Музалевский Лев Николаевич 13 лет.
5. Музалевская Валентина Николаевна 9 лет
6. Музалевская Тамара Николаевна 5 лет.
7. Музалевская Римма Николаевна 3 лет.
8. Давыдов Владимир Ильич 35 лет.
9. Давыдов Анатолий Владимирович 8 лет.
10. Давыдов Виктор Владимирович 5 лет.
11. Давыдов Николай Владимирович 1 года.
12. Прядочкина Мария Петровна 60 лет.

19 сентября 1942 года. Староста
Музалев.

Разве можно это забыть? Разве можно жить, зная, что по земле ходят люди, которые расстреляли Давыдова Николая Владимировича одного года, младенца, крохотного Колю, расстреляли и приказали занести в список? Об этом трудно говорить, но забыть это нельзя. Нам еще далеко идти. Но мы ж дойдем. Мы их найдем. Мы их найдем под кроватями, в вегетарианских столовых, на краю света. Мы вспомним годовалого Колю Давыдова. Мы многое вспомним».

Хорошо знавший природу фашизма еще с довоенных времен Илья Эренбург открыл и вел свой нюрнбергский процесс над его преступлениями с самого начала войны: «Земля Пирятина» — рассказ о 1600 убитых евреях; «Ямсковичи» — показ фашистских истязаний и убийств; «Плач невольниц» — плач о девушках, угнанных в фашистское рабство...

В статье «О ненависти», появившейся в «Красной звезде» 5 мая 1942 г., Эренбург раскрывает географию фашизма, имевшего общие истоки, корни и черты: «черная безвыходная злоба», из которой «они сделали религию»; «все завоевания цивилизации они обратили на уничтожение»; они «не люди», «убийцы, палачи, нравственные уроды, жестокие изуверы». «Идея мести не может удовлетворить нашего возмущенного разума, — делает вывод публицист. — Мы говорим не о злобе — о ненависти, не о мести — о справедливости. Это не оттенки слов, это — другие чувства. Ненависть, как и любовь, присуща только чистым и горячим сердцам. Мы ненавидим фашизм, потому что любим людей, детей, землю, деревья, лошадей, смех, книги, тепло дружеской руки, потому что любим жизнь. Чем сильнее в нас любовь к жизни, тем крепче наша ненависть».

Статья заканчивается героическим эпизодом о 8 защитниках «небольшой высоты» на Северо-Западном фронте. Они истребили свыше 300 фашистов, погибли, но отстояли пядь родной земли — «этим они спасли жизнь многих честных людей». «В последние минуты, как золото зари, великая неистребимая любовь воодушевляла восьмерых героев, и, как кровь заката, священная ненависть ложилась на их одухотворенные боем лица. Кто сильно любит, тот сильно ненавидит. Красное знамя полков и дивизий, иди на поле боя — в тебе кровь жертвенной любви, в тебе наш гнев и наша ненависть, в тебе наша клятва. Россия будет жить, фашисты жить не будут!»

В большинстве произведений Эренбурга проходит это противопоставление защитников и врага. «Оправдание ненависти» (название статьи) он видит в том, что советские люди отстаивают свой дом, а фашисты хотят превратить их в своих рабов. Однако публицист главной задачей видит именно разоблачение

врага. Он создает и целую портретную галерею ненавистных фашистских главарей, и ненавистный обобщенный образ Фрица. И здесь его пером двигала ненависть к ним.

В статье «Дыхание ребенка» Эренбург признается: «...моя мысль неизменно возвращается к тому рослому или плюгавому, пучеглазому, тупому, бездушному, который прошел тысячи верст только за тем, чтобы в русской деревеньке растоптать ребенка. Если бы не хватило у меня ненависти, я бы презирал себя» [Эренбург, 1942. С. 121–122]. Недаром уже в 1943 г. одна из английских газет писала о его книге «Россия на войне», вышедшей на английском языке в США и Англии, как об «образце военной журналистики, написанной самыми яркими красками»; о том, что «Эренбург сумел приравнять русское перо русскому мечу» [Рубашкин, 1965, с. 267].

6 июля 1941 г. публицист познакомил читателей через «Правду» в памфлете «Кто они?» с главарями фашизма. «В Германии акционерное общество называется „Общество с ограниченной ответственностью“. Людоеды образовали свой трест:

„Третий рейх — иронизирует Эренбург, — Общество с неограниченной безответственностью». Перед глазами читателей проходят сатирические портреты представителей этого треста людоедов: Гитлера, Геринга, Розенберга, Гиммлера и др. Вот, к примеру, Геббельс, занимающийся якобы народным просвещением. Он руководствуется кредо: «Когда при мне заговаривают об интеллекте, мне хочется выхватить револьвер»; «Меня тошнит от печатного станка» и т. д.

Памфлет заканчивается саркастическим обобщением: «Говоря о Гитлере и о гитлеровцах, будущий историк должен заглянуть в учебник зоологии, — это звери. В их руках покоренный или обманутый ими немецкий народ. В их руках немецкая техника — самолеты и танки. С ними незачем спорить, их надо уничтожать, как свору бешеных волков. Они вышли из своего леса, кинулись на наши города. Волков надо истреблять. Их не спасут ни танки, ни сейфы в Рио-де-Жанейро...» Это произведение вошло в книгу Эренбурга «Война» (1942 г.) под более точным названием «Бешеные волки» [памфлет см.: Кузнецов, 2002, с. 369–378].

Особенно ярким и запоминающимся оказался вышедший из-под пера публициста собирательный образ фрица. Он складывался из множества типичных, подмеченных Эренбургом черт немецких фашистов, с помощью скрупулезного анализа огромного числа фактов и документов, отражающих поведение, психологию этих новых разновидностей зверей, нарисован яркими сатирическими средствами, точными, найденными деталями и штрихами мастера. «Я прочитывал ежедневно немецкие газеты, военные приказы, дневники и письма немецких солдат, — вспоминал И. Эренбург, — мне нужно было показать духовное убожество фашистов, показать точно, документально... Кажется, одним из первых пустил в ход прозвище „фриц“» [Эренбург, 1966, с. 34].

В каждом выпуске книги «Война» фрицу посвящен большой раздел: 1-й выпуск 1942 г. — «Немец», 2-й выпуск 1942 г. — «Немцы». 3-й выпуск 1943 г. — «В фашистском зверинце». Но и другие отделы вносят многие дополнения к общему портрету. Рецензируя эти, только что вышедшие книги, наполненные яркой газетно-журнальной публицистикой, И. Эвентов в 1945 г. замечал: «Эренбург не повествует равнодушно, он обличает, клеймит. Поэтому он немногословен. Поэтому вместо развернутых образов клички, маски. Но в скупых словах его — много жгучей ненависти, испепеляющей страсти... Читая „Войну“, мы слышим иронию, сарказм и патетику прежнего Эренбурга. Лексические и образные контрасты, искусная игра деталями, многие другие приемы помогают Эренбургу язвить и смеяться. Обличительным целям часто служит самое построение речи — внешне — сдержанной, скупой, но полной внутреннего, эмоционального напряжения: „Убийца. Растлитель. Поджигатель. Разбойник. Он ответит за пепел Белграда, за детей Варшавы, за французских заложников, за „душегубки“, за 22 июня, за Киев, за „зону пустыни“, за миллионы и миллионы жизней. Не сонеты ждут его — перекладина и петля“» [Эвентов, 1945, с. 146].

В создании образа фрица публицист опирался на народный, солдатский фольклор, быстро освоивший это прозвище-маску, которое Эренбург, исследуя разные грани образа, часто выносил в

заголовок статей и памфлетов: «Фриц-философ», «Фриц-биолог», «Фриц-литератор», «Фриц в Шмоленгсе», «Фриц-Нарцисс», «Осение фрицы» и т. д. Сатирический незадачливый образ фашиста из страны Фрицландии, осмеянный и освистанный публицистом, срывал с него маску завоевателя и победителя Европы и снимал с бойцов напряжение и чувство возможного страха перед таким врагом.

В иронически нарисованной Эренбургом Фрицландии не всё так гладко, как живописует геббельсовская пропаганда. Апофеозом сатиры в связи с этим стал памфлет «Клик-клак», в центре которого образ звука-преследования, рефрен жизненных потерь фашизма [Эренбург, 1942]. Напряжение внутренних сил Германии достигло предела. Об этом сигнализирует житейская ситуация: не хватает кожи, и немки-патриотки вынуждены носить башмаки на деревянной подошве, при ходьбе издающие звук «клик-клак». Образ подсказан публицисту письмом, пересланным ему в числе других бойцами действующей армии.

«Когда натянуты нервы, — пишет немка мужу на фронт, — стук «клик-клака» просто невыносим — кажется, кто-то отсчитывает погибших». Фашистская армия еще наступает, а счет убитых растет: клик-клак, клик-клак... Погоню германской армии за победой Эренбург представляет как собачьи гонки в мирном Берлине за механическим зайцем, которого свора не может догнать. «Не так ли гонятся немцы за победой?» — вопрошает публицист, создающий одновременно образ сизифова труда: «И стучат, стучат деревянные подошвы женщин: ведут счет дням, ведут счет убитым, ведут счет горю». В контраст этому немецкие дикторы кричат о победах: А когда они замолкают, стучат деревянные подошвы: клик-клак. Вот твоя победа, Германия, — кости и черепа, голод и ненависть мира!»

Эренбург в разработке темы ненависти был и не был исключением. По накалу его публицистики и мастерству, оригинальности его произведения явно выпадают из ряда обыденной практики. Но в то же время для журналистики военных лет преподавание науки ненависти — типичное явление на протяжении первых лет. Современному читателю такой публицистики может пока-

заться, что автор излишне нагнетает факты, рисует субъективную картину. Однако ненависть к фашистским оккупантам имела прочные объективные основания. В блокадном Ленинграде в 1943 г. вышла книга «Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области», подготовленная М. Н. Никитиным и П. И. Вагиным (редактор И. А. Осипова, корректор Е. Х. Исаева, техред В. Е. Григорьев, 15 тыс. экз.). Книга содержит акты, документы, свидетельства о замученных, забитых, изуродованных и повешенных людях. Она иллюстрирована документальными фотографиями: виселица на улице города Луга (с повешенным на ней человеком), повешенные немцами жители города Порхов (снимок немецкого солдата), рабочие, повешенные гитлеровцами в районном центре Молвотицы (снимок немецкого солдата) и др. К книге приложены два красноречивых списка:

— список из 231 села и деревни, сожженных и разрушенных немецко-фашистскими варварами на временно оккупированной территории Ленинградской области;

— список из 481 фамилии советских граждан, расстрелянных, повешенных и замученных немецко-фашистскими палачами в ее оккупированных районах.

Геноцид не только евреев, но и славянских народов — это реальность того жестокого времени, выраженная не только в убийствах и зверствах, но и в создании гетто, концлагерей, где идеологи фашизма решали программу превращения человека в раба; проводили на живых людях любые эксперименты.

Практическая школа ненависти заставила мирного человека учиться воевать. Одной ненавистью невозможно было одолеть завоевателя Европы, наглого оккупанта — необходимы были воинская выучка, боевое мастерство, первоклассное вооружение. При широко развернутом фронте, на котором происходили сражения, при не соизмеримых с Западом расстояниях, при понесенных армией на начальном этапе войны потерях не хватало кадровых военных, профессионалов. Журналистика становится школой боевого опыта. Публицисты показывали в своих произ-

ведениях образцы мужества воинов, стойкости, умелого ведения боя, смелости и отваги защитников Родины, в статьях и очерках учили науке побеждать.

Такой своеобразный методический характер журналистики военных лет был одной из ее особенностей, вытекавшей из потребностей войны, необходимости обучения тому, как бороться с танками, бросать гранату, подстреливать врага и т. п. Писатель Евгений Федоров в очерке «Владимир Пчелинцев» (Ленингр. правда. 1942. 20 февр.) даже цитирует большие инструктивно-го характера фрагменты из статьи этого снайпера. Журналист Г. Мейлицев в корреспонденции «Саперных дел мастер» (Там же. 18 янв.) рассказывает, как из колхозного бригадира В. Соловьева, который «пришел в армию, умея только бороновать, жать, косить», получился отличный сапер. Такая сюжетная канва дает возможность Мейлицеву учить солдат тому, как устанавливать мины. Учится герой корреспонденции — учится вслед за ним и ее читатель. Автор описывает все подробно, в деталях: «Вырыв неглубокую ямку, он не спеша заряжал мину — закладывал тол, вставлял взрыватель и маскировал это место землей или листьями. Соловьева учили быть всегда внимательным: мины очень чувствительны и капризны. Ставя их, он запоминал место, а для верности, чтобы не нарваться, отмечал его условным знаком — ставил вешки».

Военные корреспонденты гордились, когда им удавалось практически раскрыть необходимый для ведения боев опыт. В записной книжке Петра Лидова есть такие слова: «Летчики говорят, что изучили мою корреспонденцию о полете, как учебное пособие. Приятно узнать об этом». Константин Симонов замечает в дневнике: «Впоследствии я изложил все эти соображения в небольшой — военного типа — статье, которая в сокращенном виде была напечатана в „Красной звезде“ без подписи». Речь идет о сдваивании минометов, чтобы создать преимущество в минометном огне [Дорофеев, 1962. С. 9; Симонов, 1945, с. 82].

Война — не естественное бытие для человека. И журналистика обучала военному мастерству чаще не через инструкцию, а через

моделирование поведения человека на войне, в экстремальной ситуации, ставшей повседневностью, как действовать в обороне, разведке, в наступлении. Этому свидетельствует освещение в печати движения снайперов.

Да и сами публицисты тех лет приравнивали перо к штыку, их статьи воины сравнивали с боевым оружием. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза П. И. Батов в книге «В походах и боях» проводит параллель между двумя снайперами Максимом Пассара, уничтожившим 380 гитлеровцев, и Ильей Эренбургом: «Немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в адрес Максима Пассара. Я знаю еще только одного человека, тоже снайпера нашей страны, на которого тогда фашистские пропагандисты с такой же ненавистью обрушивали свою злобу — это Илья Эренбург» [Батов, 1962, с. 30].

Поток ненависти к немецко-фашистским захватчикам — характерная особенность публицистики военных лет. При вступлении советских войск в Германию перед руководством страны встала задача не допустить разжигания ненависти к ее населению, дифференцировать настроение и поведение бойцов, с тем чтобы оградить население от бытового насилия. С этой целью Сталин избрал в качестве мишени одного из наиболее ярких публицистов, а именно Илью Эренбурга, не считаясь ни с нормами морали, ни с заслугами Эренбурга в борьбе с врагом.

В «Правде» 14 апреля 1945 г. появляется написанная специально для этого статья Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». В ней публицист обвинялся в пропаганде огульной ненависти к немецкому народу. «Жизни немцев, которые будут лояльно относиться к союзным войскам, — подчеркивалось в статье, — не угрожает опасность». Статья «Правды» была немедленно прокомментирована в мировой журналистике. При этом акцент комментариев был сосредоточен на том, что в этой статье уточняется позиция Советского Союза в отношении Германии. То есть политическая цель Сталиным была достигнута, а какими средствами — для вождя, как обычно, было не столь уж важно [см.: Фрезинский, 1995].

§ 4. ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Журналисты, писатели и художники, как и весь народ, встали на защиту Отечества, испытывали творческий подъем и в новых условиях стремились к откровенному и душевному слову. Тем более, что им пришлось обратиться ко всем качествам человека, не так, как до войны, когда журналисты занимались политической и производственной пропагандой, носившей нередко искусственный характер и ставшей достаточно заезженной пластинкой советской печати. Конечно, в первую очередь речь шла о мобилизации всех материальных ресурсов на ведение военных действий, о производстве передового и мощного оружия, о модернизации Вооруженных сил. Главным лозунгом страны становится лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!» Это предопределило важнейшие направления деятельности журналистики.

«У каждого станка куется победа!», «Работать, не покладая рук, не щадя своих сил, не считаясь со временем!», «Дадим нашей героической Красной Армии всё, что ей необходимо!», «Работать вдвое, втрое производительнее», «Жестокая экономия, работа без потерь — условие победы над врагом» — под такими заголовками-лозунгами на страницах печати постоянно публиковались статьи и корреспонденции, репортажи и информационные подборки, очерки, рассказывающие о героическом труде советских людей на предприятиях и в учреждениях города, больницах и госпиталях, на оборонной стройке.

Во многих произведениях журналистов говорилось о том, как воссоздавались потери в квалифицированных кадрах. Женщины, подростки и даже дети заменяли мужчин, ушедших на фронт, обучаясь на ходу специальностям даже высокой квалификации. В очерке Н. Лебедева «Родной брат Красной Армии» обходчик путей С. Кузнецов просится на фронт и говорит: «А за участок не беспокойтесь — на пост встанут жена и четверо детей» (Ленингр. правда. 1971. 5 июля). В очерке Л. Никольского «На крыше» прослеживается судьба паренька из-за Нарвской заставы Б. Андреева, который постепенно становится высококвалифицированным

кровельщиком, выполняющим трудовую норму на 250–270 %. В очерке хорошо показана неразрывная связь героя и его родного города: Нарвская застава так и стоит перед глазами читателя (Там же. 1943. 1 апр.).

В печати немало произведений и о тех, кто помогал встать на ноги таким парням, как Андреев. В центре этих статей и очерков — фигура старого мастера, из тех, кого уже не призывали на фронт: «Мастер» А. Моисеева, «Место в строю» и «Становление» С. Езерского, «Месь» Н. Лебедева и др. (Там же. 1941. 18 окт.; 25 ноября; 1943. 19 февр.). Очерк С. Езерского, помещенный в «Ленправде» 17 ноября 1942 г. под рубрикой «Рассказы о ленинградских рабочих», так и назывался «Мастер». Медник Хоменко проработал на производстве полвека. Характер мастера автор выписал в развитии, в движении. Ему трудно жить: от семьи нет писем, болят ноги, курить нечего («Курили всякую дрянь — ромашку, хмель, мох, — и от этого голова кружилась еще больше, еще резче чувствовалась слабость»). Хоменко собирался эвакуироваться. Но он все-таки не смог оставить родной завод, где позарез нужны были медники. Он обучает этой профессии молодежь и работает вместе с ребятами: «С четырьмя подростками он выполняет работу, какую прежде делали 14 опытных рабочих». Но и этих парней у него забирают, дают новых. Хоменко снова учит их, и снова они успевают выполнять задания.

Самонадеянному, возвращенному идеологической машиной фашизма немецкому захватчику и отмобилизованной, механизированной, моторизованной, оваянной тогда славой в боях на плацдармах Европы и Африки вражеской армии противостоял трудящийся советский человек, воспитывавшийся в духе гуманизма и интернационализма, и менее опытная, менее механизированная, не до конца укомплектованная кадрами специалистов, техникой и вооружением советская армия.

Основой нашей победы стал именно наш Человек. Ядром советского общества была Россия, русский народ. Недаром И. В. Сталин в выступлениях периода Великой Отечественной сделал на этом акцент. Как ни пытались в разные времена покорить русский народ, он находил в себе силы отбросить посягателей на его свободу, Отечество, жизнь.

На страницах печати военных лет образ советского человека раскрыт многогранно и реалистично, в контексте суровых фронтовых и блокадных буден. Писательница Вера Кетлинская, наблюдая практику публицистов военных лет и сама сотрудничая в печати, замечала в очерке «Дочь Ленинграда» (1943): «Характерные черты народа и класса редко находят свое совершенное воплощение в одном человеке. Как бы рассыпанные в массе различных людей неравномерно, они лишь в сочетании создают обобщенный народный характер. Но бывают такие сочетания в одном человеке» (Там же. 23 окт.). Рассуждение Кетлинской примечательно тем, что раскрывает два пути обобщения публицистического, художественного образа. В одном случае итогом является собирательный образ, как в произведениях самой Кетлинской, Н. Тихонова — о ленинградцах, В. Гроссмана и К. Симонова — о защитниках Сталинграда, В. Вишневского — о балтийцах; в другом — портрет конкретного человека, образ типичного героя. Он получил воплощение в обобщенном образе «русский характер», созданном в творчестве К. Симонова, В. Гроссмана, А. Толстого, Н. Тихонова и др.

Патриотизм, стойкость, мужество, бесстрашие, воинское мастерство и смекалка — вот черты, раскрытые журналистами и присущие этому образу. Русский характер ярко проявил себя в героических поступках Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло, Лизы Чайкиной, молодых краснодонцев и др. 27 января 1942 г. «Правда» напечатала очерк Петра Лидова «Таня», получивший большой резонанс на фронте и в тылу. Военный корреспондент газеты, находясь в действующей армии под Можайском, услышал рассказ о казни юной партизанки в селе Петрищеве. Он сразу же направился туда и три дня собирал там факты, свидетельства, беседовал с очевидцами трагического события, вместе с ними заново переживая его. Никто не знал настоящего имени партизанки, поэтому и после появления очерка в газете Лидов продолжил поиск. Его итогом стала статья «Кто была Таня». В ней журналист называет имя героини — Зоя Космодемьянская. Он нашел людей, знавших ее (около ста человек, с большинством из них он побеседовал, с некоторыми

потом, до своей гибели, вел переписку), обнаружил записную книжку, письма Зои, побывал в школе, где она училась, в библиотеке, где она читала книги. Для всего собранного и собственных заметок, записей завел особое досье-папку «Дело о Тане (Зое Космодемьянской)».

Лидов признавался в дневнике: «Ни одна из моих статей не досталась мне такой дорогой ценой. Я вместе с Зоей вновь прошел ее последний путь от избы Василия Кулика до места казни. Какая это короткая, но трудная дорога...» В это же время журналист писал жене: «Я верю, что мне удастся допросить подполковника Рюдера. Как знать, может быть, мне посчастливится и расстрелять его»⁴.

Судьба распорядилась иначе. В начале октября 1943 г. возле села Потапово Смоленской области у одного из убитых палачей Зои были найдены фотоснимки всех моментов казни партизанки: ухмыляющиеся бандиты ведут ее к виселице; вот палач готовится к казни; вот снимок Зои — во весь рост, с неггибаемой и непокрытой головой, мужественным лицом. Кажется, сжав кулаки, девушка бросает в лицо врага слова проклятий, слова, в которых выражается ее непоколебимая вера в победу Родины. 10 октября 1943 г. редакция «Красноармейской правды» опубликовала фотообвинение, поставив над ним «шапку» «Проклятье и смерть гитлеровским палачам! Убийство Зои Космодемьянской». Военные корреспонденты нашли ее мать, которая обратилась к воинам через газету с письмом:

«Дорогой товарищ боец, убивший немецкого офицера и взявший эти снимки. Я благодарю тебя от материнского сердца. Ты отомстил за мою дочь. Не удалось долго хвастаться немцу тем, как он расправлялся с партизанами. Бей же немцев еще сильнее, уничтожай еще больше фашистских извергов!

Дорогие сыны! Пусть горят ваши сердца лютой ненавистью к врагу, который надругается над нашим народом и зверски расправляется со стариками, женщинами и детьми» [Советская военная печать, 1960, с. 231].

⁴ Документы разысканы В. Дорофеевым [Дорофеев, 1962, с. 18–19].

24 октября в «Правде» были опубликованы статья А. Довженко «Смотрите люди» и фотоочерк «Пять немецких фотографий» с комментариями П. Лидова. Фотодокументы получили широкую известность. Так, армейская газета «Боевое знамя» 12 ноября 1943 г. выпустила целую полосу «Гвардеец! Беспощадно истребляй убийц Зои Космодемьянской!». По радио прозвучал очерк «Таня». Вышла в свет брошюра П. Лидова «Таня (Герой Советского Союза Зоя Анатольевна Космодемьянская)».

Сила таких произведений заключается в их документализме. Сам журналист отмечал в своем досье «Дело о Тане» именно такой характер очерков: «Я считаю, что триумф „Тани“ — это триумф русской девушки Зои Космодемьянской, моя же роль — это скромная роль репортера, протоколиста событий, который по рассказам очевидцев добросовестно и пунктуально записал все, что связано с подвигом и гибелью нашей героини. Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста, незапасшегося достаточным количеством добротных фактов» [см.: Кудреватых, 1966, с. 392].

Документ — свидетельство того, что произошло с таким же человеком, как и читатель или радиослушатель. Он как бы открывает возможность моделирования поведения человека в похожих условиях. При столкновении с подобными же обстоятельствами человек может поступить так же, как и герой, о котором он узнал от журналиста. 10 марта 1944 г. «Ленправда» рассказала о том, как три солдата в одном бою закрыли телом амбразуру трех дотов. Комиссия по увековечению памяти погибших воинов, исследуя архивы и фронтовую печать, обнаружила к 1964 г., что 174 воина, как и Александр Матросов, закрыли телом амбразуру дота; 74 летных экипажа повторили подвиг Николая Гастелло [Сорокин, 1964].

Массовый героизм получил отражение при освещении обороны Москвы, Ленинграда, Севастополя, Сталинградской битвы, сражения на Курской дуге и др. в публицистических циклах очерков и статей, созданных, как правило, участником этих эпопей

и представляющих собой боевой дневник военного корреспондента: А. Поляков «В тылу врага», «Белые мамонты (От Урала до Старой Руссы)»; Н. Тихонов «Ленинград принимает бой», «Черты советского человека»; В. Гроссман «Сталинград»; К. Симонов «Дни и ночи» и др. Публицистические циклы воссоздавали панораму героики Великой Отечественной. Через нее вырисовывался собирательный образ воина, защитника с русским характером, героического ленинградца, севастопольца, сталинградца и др.

Богатейший в этом отношении материал дает творчество одного из ведущих публицистов тех лет Н. Тихонова. В газетах «Красная звезда», «Ленинградская правда», «На страже Родины» постоянно печатались его статьи и очерки. «В годы войны Николай Тихонов написал до тысячи статей, очерков, стихов, военных листовок, — замечает литературовед И. Л. Гринберг. — Это был каждодневный, настойчивый труд...» [Гринберг, 1958, с. 276, 278]. Исходная позиция публициста выражена им такими словами из статьи «Люди города-фронта» (июнь 1942 г.): «Русский человек в годину испытаний всегда находил в себе огромную силу духа, которая позволяла ему подниматься над всем мелочным, будничным, семейным и посвятить всего себя высокой цели защиты Отечества» [Тихонов, 1943, с. 63].

В статье начального периода войны «Черты советского человека» писатель подводит итоги пяти недель «небывалой битвы» «с пещерным, механизированным человеком фашизма» (Ленингр. правда, 1941. 30 июля). Его практике характерны обзоры — статьи и очерки. В них образ советского человека раскрыт во всех его проявлениях: в труде, в бою, в холодной квартире, на горящей крыше, на оборонной стройке... Они выходили в печать каждый год: «Слово о ленинградцах» (7 ноября 1941 г.), «Люди города Ленина», (22 июня 1942 г.), «Сорок третий ленинградский» (1 января 1943 г.), в котором Тихонов с оптимизмом писал: «Ленинград затемнен, но весь он полон подземного скрытого света; весь он пронизан той энергией, которая горячит кровь и требует дел великих и славных. Пружина этой энергии сжата, она не развернулась, но, когда она ударит, отпущенная на свободу, — ее смертельный свист разобьет кольцо, сковывающее Ле-

нинград, на мелкие куски». В январе 1943 г. вражеское кольцо было разорвано.

Лениздат выпустил в свет в том же году публицистические книги Н. Тихонова «Ленинградский год» и «Ленинград принимает бой». Рецензируя первую книгу на страницах «Ленправды», писательница Вера Инбер отмечала: «Мы видим целую галерею портретов, написанных по-тихоновски скуп; для подобной скупости нужно обладать большими богатствами ума и сердца» [Инбер, 1943].

Вторая книга включает в себя почти все созданное Тихоновым к тому времени за годы войны. Она содержит летопись блокадных дней, дает панораму жизни ленинградской военной эпопеи; особый интерес в этом смысле представляет хронологический цикл очерков «Двенадцать месяцев», состоящий из ежемесячных обзоров с мая 1942 по апрель 1943 г. («Ленинград в мае», «Ленинград в июне» и т. д.).

Другой путь обобщения фактографии в творчестве журналистов военных лет, естественно, использовался чаще. По всем страницам печати рассыпано огромное количество зарисовок, репортажей, корреспонденций и очерков о человеке — основном герое войны. Журналистская портретная галерея стойких, волевых, мужественных людей, страстно ненавидящих захватчиков, беззаветно любящих Родину и героически сражающихся за ее независимость и свободу, — это тот мемориал, который часто является единственным документальным свидетельством о жизни и борьбе защитников Отечества от посягательств фашизма.

Особенностью творчества журналистов того периода и было то, что все поднимаемые ими военные проблемы они стремились раскрывать через человека, его психологию. Вот как это понимал военный корреспондент Александр Шуэр (Петр Огин). Когда его товарищ Зигмунд Хирен выразил удивление по поводу того, что Шуэр стал меньше уделять внимания «военным вопросам, на которые он обычно был падок, а больше пишет о переживаниях людей», его друг, ласково улыбаясь, сказал: «Послушай, так это ведь и есть чисто военные вопросы — переживания людей. Это на учениях пишешь о тактике, о стрелковом оружии, о взаимо-

действии, а ведь на войне главное — поведение солдат, их уверенность в победе. Вот я и стараюсь писать о воздухе войны и тебе советую то же самое» [Хирен, 1964, с. 66].

Этот воздух войны пронизывает очерк В. Саянова «Портрет» [Ленингр. правда. 1943. 15 авг.]. В нем автор достигает гармонического сплава публицистических и изобразительных средств, поэтому его произведение выглядит цельным. Как и в большинстве очерков, проблема в нем решается через судьбу человека. Писатель сопоставляет два характера, две судьбы — молодого летчика Уленкова и старого художника-блокадника Гладышева, рисующего его портрет. Контраст этих фигур помогает раскрыть проблему: и на фронте, и в тылу люди делают всё для победы. В. Саянов отмечает, что Гладышев по-хорошему завидует юноше. «И все-таки, когда я вижу пять нашивок на вашей груди, — обращается он к Уленкову, — меня невольно гложет одна мысль: „А что я сам для Родины сделал?“».

Проблема поставлена. Возражение летчика вполне резонно: «Вы — ленинградец». Емким словом сказано все. Но проблема раскрывается полнее, когда за фразой встала реальность. Уленков оказался в городе. Он спешил к художнику, но попал под артобстрел. На глазах летчика снаряд попал в дом, куда он шел, и разрушил полздания. Художник погиб. Он лежал у стены, на которой висел портрет Уленкова. Эта деталь подчеркивает, что Гладышев погиб на посту, за работой — с кистью в руках.

«Много раз видел Уленков смерть лицом к лицу, — пишет Саянов, — но то, что он увидел сейчас, было выше сил человеческих. Невольно вспомнился разговор с Гладышевым, его жалобы на то, что он мало сделал для победы». Летчик не произносит никаких клятв. Он весь как бы уходит в себя, а «назавтра вместе с штурмовиками он вылетел уже на подавление бивших по городу немецких батарей». Так заканчивается очерк, и читателю понятно: и летчик, и художник с честью выполняют долг. Они готовы отдать для победы над врагом всё, даже жизнь.

Нередко мастера пера выполняли своего рода сверхзадачу и ставили проблему через жизненный эпизод, когда наиболее полно проявлялся характер человека. К этим произведениям мож-

но отнести один из лучших очерков публицистики Н. Тихонова «Мгновение» (Там же. 17 окт). В нем талант художника слова раскрылся наиболее полно. Начинается очерк с рассуждения о мгновении, когда происходит рождение подвига: «Вот такое мгновение, полное ощущения расцвета жизни, такое редкое в жизни молодого существа, еще только угадывающего, что же самое главное в предстоящем длинном пути, иногда является в высшем торжестве и в высшей неумолимости. Может быть, это мы и называем подвигом».

Герой очерка — санитарка, почти девочка, Женя Стасюк. Автор создает ее расширенный портрет, меняющийся по мере развития проблемы: «Она была ученицей девятого класса, по состоянию здоровья оставленной на второй год в классе. Это одно обстоятельство говорит, что она была не богатырского сложения. И действительно, среди типичных городских девочек она, может быть, была самой незаметной. Небольшого роста, хрупкая... с тонкими и правильными чертами лица, с кожей нежного матового цвета, с большими голубыми глазами, с длинными тонкими ресницами». Ей нелегко было выносить с поля боя раненых, но Женя гордилась тем, что наравне со всеми делает общее дело.

Тихонов показывает героиню в действии, психологически тонко раскрывает, как в этом слабом подростке рождается сила, способная на подвиг. Здесь та пружина, о которой говорил он в очерке «Сорок третий ленинградский», разжимается.

Стасюк видит: бойцы дрогнули, стали отступать. «Что-то сжало ее сердце, но это не было ни страхом, ни болью. Это было ощущение того полета, как во сне, когда она сама засмеялась: „Я еще расту!“ Ноги стали крепкими, а маленькие руки сжались в кулаки». Тихонов теперь характеризует героиню иначе: «Это и было то мгновение, когда предельный восторг захватил ее с головы до ног. Что знала она о жизни, эта маленькая бывшая школьница? И вдруг она стала мудрой, неумолимой, беспощадной и страшно гордой. И безжалостной. Она схватила автомат и встала во весь рост перед теми, кто уже приблизился к ней, отступал.

„Стой!“ — закричала она таким тонким и таким сильным голосом, что люди остановились». Бойцы пошли за нею вперед, а враг

побежал. Женя ведет себя уверенно и смело, солдаты относятся к ней как к командиру.

Мгновение кончилось, публицист дает понять, как устала Женя от такого напряжения. Она становится прежней девочкой, выполняющей трудную для нее работу санитарки. Проблема подвига, его рождения в произведении Тихонова решена художественно, через эпизод и через образ человека, поэтому публицистическая мысль сильно воздействует на чувства читателя, который думает о том, как бы он поступил на месте Стасюк, смог ли быть таким героем.

Этот тихоновский очерк обошел всю страну. Он был напечатан в журналах, во многих сборниках рассказов. Вот что писал Н. Тихонову 20 декабря 1943 г. боец Владимир Сашонко: «Вчера прочитал в журнале „Красноармеец“ Ваш рассказ „Мгновение“ о человеке, близком мне, и хочется сказать: Вы создали реальный, яркий образ девушки-героини Жени Стасюк. Такой мы знали ее, родные и друзья, и таким навсегда запечатлелся в нас ее светлый образ. Она погибла. Много погибло юных, но юность непобедима и всесильна. И за смерть юных мы отомстим. И мы победим...» [Писатели..., 1946, с. 50].

Документальный очерк Тихонова имел такую же ткань текста, как и рассказ. Действительно, многие произведения журналистики тех лет, написанные мастерски, оторванные от газетной полосы, могли восприниматься как художественные произведения. Таков замечательный очерк В. Воеводина «Сад и садовник» о самоотверженности блокадника, сохраняющего культурные ценности страны в невероятно трудных условиях (Ленингр. правда. 1944. 15 июля). Судьба человека — садовника — и Ленинграда, Летнего сада сплетены в очерке в единое, неразрывное целое, несмотря на все испытания, выпавшие на их долю. С героем очерка П. К. Лобановым читатель встречается в легендарном Летнем саду: «Сад стоял запустелый, изрытый траншеями. Увядавший, как на могилах, дерн обозначил те места, где с первых дней блокады улыбающимися лицами вверх улеглись в землю мраморные Аллегории и Музы, укрылись от врага.

В саду были размещены воинские части. К запаху плесени и мертвых листьев примешивается едкий запах бензина. Нелепой казалась фигурка старика в синем фартуке, одиноко бродившего с метлой или ведром смолы в руках».

Но когда читатель видит садовника Лобанова не на фоне блокадного пейзажа Летнего сада, а в действии, то понимает, что ничего нелепого в его присутствии тут нет. Он борется за жизнь, за будущее сада. Трехтонка выворотила клен. Сколько энергии находит в себе старик, чтобы растолковать бойцам значение Летнего сада. Те осознают его правоту: ставят клен на место. И вообще постепенно солдаты начинают помогать ему ухаживать за деревьями, в промежутках между бомбежками берутся за метлы, наводят в саду порядок.

Воеводин рисует жизнь правдиво, просто и сильно. Читатель видит, как садовник борется с браконьерами, как он лечит раненые деревья, переживает гибель на фронте приемного сына Андрея, а в Ленинграде — друга. Приметы времени обозначены автором точно: «В российском павильоне на Мойке он оборудовал себе ночлег и канцелярию. Топил печурку и заносил по ночам в реестр погибшие от обстрелов деревья».

Было холодно. Он ел луковицы гиацинтов из своего лахтинского садика, — эти луковицы питательные».

Жизнь Летнего сада и в этих условиях продолжалась. В нем бегают мальчишки, ходят по аллеям даже влюбленные. Одна такая «влюбленная пара» приучила ребенка называть Петра Кондратьевича дедушкой. «Так вот теряют сына и находят внука, — комментирует Воеводин и обобщает: — И, стало быть, ни на одну осень не уходила из этого сада любовь. И город выстоял, и деревья, и человеческие души». Жизнь везде берет свое. «Лобанов спилил метра на четыре от корня липу с высохшей сердцевинкой, выровнял остатки сучьев. Густейший зеленый шар поднялся на центральной аллее. К дереву, обреченному на смерть, вернулись жизненные силы». Этот символический образ вселяет надежду на то, что и Ленинград, выстояв в блокаду, восстановит всю свою красоту и величие. И время это близится. Об этом говорит то, что орудийные раскаты уже не доносятся до города, «птичьим щебетаньем полнится сад».

§ 5. ПИСЬМА ТОВАРИЩУ

Спасибо. Спасибо, родная страна,
За помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас...

16 октября 1941 г.

О. Берггольц

Новым качеством журналистики Великой Отечественной войны стало возрождение традиций духовной публицистики прошлого. Это отразилось не только в содержании диалога журналистики и аудитории, но и в жанрово-стилистическом его оформлении. Журналистская практика вспомнила традиции наиболее апробированных в народе эпистолярных жанров: Словообращений патриархов Русской Православной Церкви, духовных пророков и наставников, указов-обращений русских великих князей и царей, подметных писем руководителей народных восстаний и мятежей и их сподвижников. Разговор публициста с аудиторией не носил поучающе-назидательного характера, он проходил на равных. Он включал в себя доверительную беседу, пламенное обращение, откровенный рассказ, комментарий документа, письмо товарищу.

Именно так и озаглавил Борис Горбатов свои произведения, названные его современниками шедеврами публицистики военного времени. Первые «Письма товарищу» Б. Л. Горбатова (1908–1954) вышли в самые трудные дни Великой Отечественной. Это — публицистический цикл из пяти произведений, написанных в эпистолярной форме: «Родина» (22 сентября 1941 г.), «О жизни и смерти» (17 ноября 1941 г.), «С новым годом, товарищ!» (1 января 1942 г.), «Пядь родной земли» (1 августа 1942 г.), «Год спустя» (10 сентября 1944 г.) [Горбатов, 1988, с. 5–37]. Вот как вспоминал сам Горбатов о рождении первого «Письма». Писал он его при свете коптилки в хате, где помещался штаб: «Изредка замечал, как пламя коптилки вздрагивало от взрывов, слышал, что дребезжат стекла в потемневшей от дыма и копоти хате... Закончив письмо, долго сидел, прислонившись к стене. Очень хо-

телось прочесть кому-нибудь написанное». Публицист терзался сомнениями: «Получилось ли у него так, как задумал? Дойдет ли? Поймут ли его?» Он попросил вошедших в хату двух офицеров послушать «Письмо». Они охотно согласились. Подошел еще один командир. «Всем нам сесть было некуда, — рассказывает Горбатов. — Я читал стоя. Слушатели мои тоже стояли. Коптилка мигала. Когда я писал, то торопился, и теперь разбирать написанное было трудно, я ни разу не поднял глаза от рукописи. Когда кончил читать, передо мной стояли три человека в военной форме и плакали... Мне уже ничего не нужно было спрашивать, я молча сунул листки в карман» [см.: Колесникова, 1964, с. 230–291].

Боль сердца за судьбу Родины, гневный голос протеста против злодеяний фашистов, призыв ко всем и каждому отдать все силы на отпор врагу сочетались в «Письме» с непререкаемым требованием бесстрашно сражаться: «Товарищ! Если ты любишь Родину, — бей, без пощады бей, без жалости бей, без страха бей врага!»

Второе «Письмо» — «О жизни и смерти» — мужественный разговор о предстоящем на рассвете бое. Оно вместило в себя 7 часов — до атаки — смертельного боя, которого ждет и хочет сам воин. Он лежит в окопе и размышляет. Публицист точно, психологически правдиво пишет о самых сокровенных думах солдата, которому «очень хочется жить», «жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой». Боец вспоминает приползшего вчера из плена человека, рассказавшего о насилиях, пытках и грабежах фашистов. «А я глядел на спину этого человека. Только на спину. Глядел не отрываясь, — вспоминает солдат. — Страшнее рассказов была эта спина. Всего полтора месяца прожил этот человек под властью врага, а спина его согнулась. Словно хребет ему переломали. Словно все полтора месяца ходил он кланяясь, извиваясь, вздрагивая всей спиной. Это была спина подневольного человека. Это была спина раба».

Боец вспоминает семью: что ждет ее под игом фашизма? Нет, жить под властью фашизма он не может: «Нет, лучше штык в глотку, чем ярмо на шее. Нет, лучше умереть героем, чем жить рабом!» Перед его глазами встает образ расстрелянного днем де-

зерира, хотевшего убежать от войны. И это тогда, когда «идет страшный бой: не на жизнь — на смерть». Он уверен в победе, в том, что будет жить на свободной земле.

«Время, как шагреновая кожа, сжимается. Три.. два часа осталось, наконец, светает... И солдат дает клятву, что он не дрогнет в бою, что раненый не уйдет из строя, окруженный врагами не сдастся. Он готов к битве за Родину: „Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу — только ненависть. Лютая ненависть. Сердце жжет...”

Это — наш смертный бой.

Иду“»⁵.

Мастер публицистики Константин Симонов признавал: «Я принадлежу к числу людей, считающих вершиной публицистики военных лет „Письма товарищу“ Бориса Горбатова. В нашей обширной военной журналистике было немало прекрасных произведений, принадлежавших перу отличных писателей и ставших по силе своей почти вровень с „Письмами товарищу“. Однако, когда возвращаешься не только памятью ума, но и памятью сердца к героическим и вместе с тем трагическим страницам 1941–1942 годов, то все-таки самым сильным и самым точно отвечающим тогдашнему состоянию умов и сердец художественным документом и сейчас, более чем двадцать лет спустя, по-прежнему видятся горбатовские „Письма товарищу“.

В чем же секрет этих небольших, уместившихся на нескольких газетных подвалах вещей? Сила их в том высоком лиризме, когда вдруг со страниц прозы, без лишних бытовых подробностей, без мелочей, без побочных описаний, предстает большое человеческое „я“, и притом такое, что мы, читатели, принимаем его уже не как „я“, а как „мы“, как нечто совершенно свободно, просто, естественно сказанное от нашего общего имени».

Симонов с восхищением пишет об особенностях произведений Б. Горбатова: «Эти письма написаны с той самой большой

⁵ Письмо к товарищу «О жизни и смерти» включено в хрестоматию [Кузнецов, 2002, с. 310–315].

мерой любви к Родине, когда человек начинает говорить о ней очень просто, совсем просто. Они написаны с той предельной верой в силу и мужество человека, когда можно заплакать с горя, не стыдясь слез и не чувствуя себя слабым, когда глубокая тень скорби не лишает солдатские лица выражения бесповоротной решимости.

„Письма товарищу“ искренни до предела в их горьком раздумье над трагичностью всего происходившего, но они так же искренни до предела и в своей безоговорочной вере в победу».

Лучше не скажешь. К. Симонов подчеркивает, что личность автора нашла в «Письмах товарищу» «полное выражение»: «Именно поэтому такой силой и дышат эти бесстрашные, нежные, добрые страницы, написанные человеком тоже нежным, тоже добрым и тоже бесстрашным перед лицом испытания войной» [Симонов, 1964, с. 11]. Произведения Горбатова впервые появились во фронтовой газете «Во славу Родины», перепечатывались военной печатью, в виде листовок распространялись по всему фронту [Горбатов, 1988, с. 475].

Мысль о «Письме», по словам Горбатова, возникла у него неожиданно. На самом же деле это не совсем так: характер войны — Священная, Отечественная — повлиял на состояние общества, что отметил и сам публицист. Журналисты и писатели не только осознанно, но и невольно становились выразителями этого характера войны.

Для ленинградцев такую роль сыграла поэтическая радиопублицистика 1941–1943 гг. О. Б. Берггольц, ее радиовыступления во время блокады, оставившие глубокий след в душе слушателей. Поэтесса вела диалог с ними и одновременно со всей страной. Ее творчество блокадной эпопеи подобно письму к близкому, товарищу, другу. Оно прерывается на короткое время, чтобы быстро возобновиться. Оно пронизано разговорной интонацией, диалогизмом. Публицистка беседует с горожанами и защитниками Ленинграда⁶:

⁶ Все стихи О. Берггольц цитируются по сборнику 1962 г. [Берггольц, 1962].

Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

16 октября 1941 г.

Особое место в этом диалоге занимает цикл «Писем на Каму» от блокадницы к матери, матери-Родине. Сентябрьское письмо, когда враг сжимал кольцо блокады, полно тревоги, надежды и веры, «победоносного терпенья».

— Я берегу себя, родная,
Не бойся, очень берегу:
Я город наш обороняю
Со всеми вместе, как могу.
Я берегу себя от плена,
Позорнейшего на земле.

Горькая правда блокадной жизни остается с поэтессой, поскольку «главная, быть может, правда в том, что не все узнает мать. Ведь мы залечим эти раны, мы все вернем себе опять». Первое письмо завершается призывом:

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям.
Пишите им о том, что будет.
Не жалуйтесь, что трудно нам...

Сентябрь 1941 г.

Новая интонация во втором декабрьском 1941 г. письме на Каму: поэтесса понимает, что «мы ведь смерти самой поглядели в глаза», но и в декабре «не отводим от смерти лица, принимаем голодный и медленный бой». Бергольц вместо письма пишет «гимн ленинградцам — опухшим, упрямым, родным» и посылает

«от имени их за кольцо телеграмму: „Живы. Выдержим. Победим!“» (10 декабря 1941 г.).

Третье письмо наполнено оптимистической радостью, но радостью со слезами на глазах:

О, дорогая, дальняя, ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
В сияющих слезах твое лицо.

Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
И не стыдимся слез своих: теплей
в сердцах у нас, бесслезных и
упрямых,
не плававших в прошедшем феврале.

Ночь с 18 на 19 января 1943 г.

Именно тем дням посвящен блокадный «Февральский дневник» О. Берггольц, отражающий героическое бытие ленинградца, стоявшего на посту до конца. Трагизм тех дней выражен летописцем блокады в простых и напряженных, сердцем выписанных строках:

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!
Провозят ленинградца,
Погибшего на боевом посту.

Можно сказать, что сама жизнь заставляла журналистов прибегать в творчестве к эпистолярным формам, диалогизму, беседе

с читателем, как это произошло в творчестве О. Берггольц, Б. Горбатова. Как еще мог писать ленправдист С. Езерский передовую статью для газеты о последнем бедственном снижении нормы хлеба: до 250 граммов рабочим и до 125 граммов служащим. На всю жизнь запомнилась ему эта передовая. Он «чувствовал, что, как ни тяжело событие само по себе, оно не может, не должно поколебать стойкости ленинградцев».

«В таких случаях, — по словам Езерского, главное — сказать правду. Ложь не может родить мужества. Стойкость питается не иллюзиями. Но что значило сказать правду?... И как сказать эту правду, чтобы она поддержала веру, а не породила отчаяния, укрепила стойкость, но не вызвала чувства обреченности?» [Езерский, 1964, с. 526]. Его статья, напечатанная в «Ленправде» 10 декабря 1941 г., несла интонацию письма: «Мы вынуждены уменьшить нормы выдачи продуктов, чтобы продержаться до тех пор, пока враг не будет отброшен, пока не будет прорвано кольцо вражеской блокады. Трудно это? Да, трудно. Но другого выхода нет, каждый ленинградец, патриот, советский человек, может сказать только одно: перетерпим, перестрадаем, мужественно перенесем все лишения, но города не сдадим».

26 декабря 1941 г., в начале 1942 г. — дважды нормы выдачи хлеба как результат всенародной помощи блокадникам были повышены. 11 февраля 1942 г. рабочие и инженерно-технические работники вместо 250 стали получать 500 граммов хлеба.

Диалог между журналистикой и ее аудиторией в военную пору был всенародным: в нем участвовали фронт и тыл, печать и радио, народы, воины и их родные, близкие, взрослые и дети. Люди ощутили потребность в связи друг с другом, не только с близкими и родными, но и со всеми, кто защищал Родину в бою, кто творил чудеса трудового героизма в тылу. У всех была одна задача — отстоять Отечество. Общество в целом пришло в движение, в социальной жизни участвовали все, включая подростков и детей, многие из которых воевали рядом со взрослыми, работали на заводах и в колхозах, были партизанами. У людей возникала потребность поделиться впечатлениями о пережитом, узнать последние новости, живы ли родные, близкие... Журналистам не

надо было, как это будет позднее, организовывать отклики читателей или слушателей на те или другие события, публикации, выступления. Поток писем шел на фронт и с фронта, в газеты и на радио, по всей стране. В «Правду» за военные годы пришло более 300 тыс. писем [Соломатин, 1965, с. 243]:

1941, VII–XII	1942	1943	1944	1945
35 000	64 000	63 000	66 000	90 000

Но и в военную печать приходило много писем. Фронтовая газета «На страже Родины» с апреля 1942 по июль 1944 г. получила их более 30 тыс. [Сеин, 2005, с. 25].

Понятно, что в начале и конце войны поток писем был несколько больше по конкретным причинам. В редакцию поступало много писем в первом случае от тех, кто выражал желание попасть на фронт, кто выражал возмущение коварством врага, разоблачал его происки; в победный год почта газет еще более существенно выросла: люди радовались Победе, встрече с Родиной, близкими, строили планы мирной жизни и т. д.

«Переписка земляков с фронта и тыла, — замечала в передовой статье редакция «Правды» 7 декабря 1942 г. — большое дело. Она помогает и тем, и другим преодолевать трудные минуты, она помогает и тем, и другим совершать подвиги во имя Родины, во имя разгрома врага». Трудящиеся Баку, г. Горького, Ивановской области обещали в своих обращениях «умножить выход продукции, необходимой для обороны страны» и Ленинграда. Помощь блокированному городу превратилась в всенародное движение (Ленингр. правда. 1941. 26 авг.; На защиту Ленинграда. 1941. 26 авг.). В начале 1942 г. в Партизанском крае был собран и доставлен в Ленинград обоз, состоявший из 220 подвод с продуктами для блокадников. Его сопровождало коллективное письмо партизан: «Мы с вами, дорогие друзья, боевые товарищи... Здравствуй, друг наш, богатырь-Ленинград!» [Коммунистическая партия..., 1970, с. 408].

В разгар Сталинградской битвы узбекский народ прислал на фронт наказ воинам-землякам, подписанный 2,4 млн. трудящихся республики: «Вольный сын и свободная дочь узбекского на-

рода! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах и киргиз совместно с тобой в течение 25 лет днем и ночью строили наш большой дом, нашу страну, нашу культуру. Вы были вместе с ними в борьбе и труде, на празднествах и пирах! Теперь же в дом твоего старшего брата — русского и украинца ворвался германский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и смерть. Но дом русского также и твой дом, дом украинца и белоруса также и твой дом... Если разбойник отнял дом у твоего брата, верни ему дом — это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы!» [Наказ народа, 1943, с. 12].

Наказ был напечатан на русском и узбекском языках в газетах и в виде листовки. В ответ воины-узбеки посылали в республику письма-клятвы сражаться с врагом стойко и бесстрашно. «Родина для нас — это и волжские берега, и степи Украины, и земли Белоруссии, обильно политые нашей кровью», писали домой 2364 узбека 1-го Белорусского фронта [Письма с фронта, 1965, с. 100]. Такие наказания народов страны регулярно печатались в газетах. «Правда» опубликовала:

— 28 ноября 1941 г. обращение митинга представителей украинского народа к защитникам Москвы;

— 31 октября 1942 г. вышеназванное письмо узбекского народа;

— 6 февраля 1943 г. письмо казахского народа;

— 27 февраля 1943 г. письмо армянского народа;

— 20 марта 1943 г. письмо таджикского народа и др.

Защитники Сталинграда «в дни суровой, тяжелой борьбы» за родной для них, любимый город в письме «мужественным ленинградцам» приветствовали их и заявляли: «Взявшись за оружие, мы сказали себе: „Выстоим, как ленинградцы! ... Мужеству, стойкости, выдержке в борьбе с немецкими захватчиками мы учились у вас, героин-ленинградцы... Чем крепче стоит Ленинград на Неве, тем тверже защита Сталинграда на Волге“» [Коммунистическая партия..., 1970, с. 374].

Активным и разнообразным был поток писем и из армии в тыл. Это были отчеты о боевых делах, сообщения о подвигах то-

варищей по оружию, клятвы отомстить врагу за его злодеяния и зверства, за погибших товарищей. Только в ноябре 1942 г. воины Сталинградского фронта послали более 1500 личных и коллективных писем труженикам тыла. Часть из них вышла в печати [Идеологическая работа..., 1960, с. 136]. Достаточно полное представление о переключке фронта и тыла, отразившей их единство в лихую годину, дают сборники документов такого рода, выпущенные уже после победы. Так, в книге «Переписка фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны» приведены 24 таких патриотических документа, в числе которых письмо трудящихся г. Коломны Московской области воинам Брянского фронта (9 октября 1942 г.), письмо воинов стрелковой дивизии трудящимся Володарского района Ленинграда (6 июля 1943 г.), письмо воспитанников детского сада г. Славгорода Алтайского края летчикам 3-го Украинского фронта и др.

Бойцы, постоянно находившиеся в суровой обстановке, нуждались в материнской поддержке, женском, теплом, участливом, добром слове. Газеты поэтому нередко помещали подборки «Письма русских матерей защитникам Родины», «Слушайте, сыны мои!» и др. Мать солдата Глушкова, погибшего в боях за Ленинград, обращалась к воинам: «Сыны мои, я получила от вас письмо, в котором вы сообщаете мне о героической смерти моего сына. Это письмо много принесло мне печали и горя. Немало горячих слез я пролила за него. Но я советская женщина и не пала духом. Я горжусь своим сыном... У меня нет больше родного сына, у вас нет друга, у невесты нет жениха. Но зато у меня есть еще миллионы бесстрашных сыновей, которые сражаются на поле боя, у вас, сыны мои, тоже есть еще много боевых друзей, таких же, как Алеша...» (За честь Родины. 1943. 10 авг.).

«Комсомольская правда» составила из писем страницу «Повесть о великой семье». Она содержала полное переживаний и сомнений откровенное «Письмо любимой» бойца Николая Ковалева: «Моя дорогая! Полгода я не получаю от тебя писем. Это очень трудно — так долго не получать писем. Вот и сейчас перед боем под грохот орудий и треск пулеметов, под вой „юнкеров“

и „дорные“, в огне, в пороховом дыму пишу тебе огрубевшими пальцами и невольно ловлю себя на мысли: „Не всякая умеет ждать. Это большое искусство ждать“».

Ковалев писал о чистоте и верности в любви. В редакцию пришло много девичьих откликов, из которых была подготовлена подборка «Нашим боевым друзьям», а через неделю вышла газетная полоса с ответами бойцов. Солдат В. Ливанов просил чаще писать к ним на фронт. Через два месяца газета сообщила, что в адрес воинской части пришло 7987 писем от девушек [Партийная и советская печать..., 1966, с. 398–399].

Редакция военной газеты «Сын Родины» обнародовала письмо погибшего в боях гвардии сержанта Самойленко. Оно было адресовано любимой девушке, но воин не успел его отослать. Его друзья отправили письмо в родную газету: «Моя любимая! Через несколько минут начнется бой. До последней капли крови я готов биться за свою Родину, за вас, русских девушек, за вашу честь, за твою честь. Я знаю, что ждет вас несчастные русские люди, временно поработанные немецкими извергами, как ждут русские девушки своего освобождения. Сколько горячей благодарности хранят они в своем сердце, ожидая этот день. Они ждут не напрасно. Мы идем...

Остаюсь твой Саша» (Сын Родины. 1943. 13 авг.).

Такие душевные послания естественно вызывали большой отклик у воинов, заставляли их крепче держать винтовку в руках, точнее бить из нее по врагу.

На всю страну в 1942 г. прозвучало письмо офицера Тихоокеанского флота П. Безноскова, появившееся на страницах «Комсомольской правды». Он взял на воспитание двухлетнюю девочку-сироту Надю Кузьмину, которую немцы изуродовали, использовав как донора: 4 раза брали у нее кровь, вырезали 10 кусочков кожи. Пример воина вызвал волну подражания. Шквал писем обрушился на газету. 1 октября 1942 г. «Комсомолка» сообщила о колхозниках из села Окишино Ярославской области: 12 девочек-сирот теперь согреты их заботой и любовью. 1380 человек высказали желание взять пострадавших детей на воспитание [Кононыхин, 1960, с. 78–79; Комков, 1965, с. 214].

По предложению офицера Н. Корниенко, который также хотел удочерить ребенка, редакцией газеты был создан общественный фонд помощи детям, пострадавшим от фашистов (счет № 160 180). Первым внес в него взнос сам Корниенко. Денежные средства на счет регулярно стали поступать из разных воинских частей. Это было соревнование в доброте и сердечности. К началу февраля 1943 г. в этот фонд было собрано более 22 млн. рублей. Позднее он достиг значительной суммы — 270 млн. рублей [Партийная и советская печать..., 1966, с. 397; Комков, 1965, с. 214].

Журналисты радио в этот исторический период смогли творчески использовать диалогическую природу радиовещания, которое выходило на прямой контакт с самой массовой аудиторией. Оно ежедневно передавало сообщения на 76 языках народов страны и на 28 иностранных [Кондакова, 1982, с. 57; Кононыхин, 1960, с. 11]. В период войны оно обрело новые качества. Возник не применявшийся ранее тип связи — переписка по радио между фронтом и тылом, бойцом и его родными, потерявшими во время войны друг друга.

С самого начала войны так же, как и в печать, на радио стало приходиться огромное число писем, в которых слушатели рассказывали фронтовикам о своей жизни, делах, судьбе семьи, призывали громить врага, отстаивать каждую пядь родной земли. На их базе уже 9 июля 1941 г. в эфир вышла передача «Письма на фронт», в августе прозвучала ответная передача «Письма с фронта». Ежедневно Московское радио получало до тысячи писем. К концу 1942 г. по Ленинградскому радио прозвучало около 20 тыс. посланий слушателей.

Их поступало столько, что сначала по радио зачитывались длинные, в несколько страниц, списки с перечнем фамилий и адресов приславших письма, называлось, к кому они были обращены. В Радиокomiteте 11 августа 1941 г. был создан новый отдел «Письма на фронт и с фронта». Объем его работы характеризуется следующими цифрами: к 1 сентября 1944 г. он получил более 2 млн. писем, разыскивали друг друга с помощью радио более 20 тыс. семей [Соломатин, 1965, с. 243; Радиожурналистика, 2000, с. 49–50; Ковтун, 2001, с. 8].

О характере потока сообщений, пожеланий, советов, призывов в адрес бойцов, обратившихся по радио к родным, друзьям и знакомым, газеты постоянно информировали, расширяя этим диалог фронта и тыла. Так, лейтенант И. Пащенко долго не получал писем от родных. Он обратился по радио к друзьям детства: не откликнется ли кто? Московское радио передало его взволнованные слова к друзьям. Через неделю он получил 59 писем, каждый день их число возрастало; за полмесяца пришло 2700. Армейская газета «Боевое знамя» опубликовало статью «2700 друзей гвардейца Ивана Пащенко». Воин не расставался со своей почтой, носил в распухшем от нее вещмешке. На досуге письма читали и его товарищи. Так же читалась и почта ефрейтора Потримай, получившего, как писало «Боевое знамя», после выступления по радио за 12 дней 3348 писем. Майор Г. И. Кузнецов, замполит 107-го полка 61-й армии, который практиковал чтение посланий из тыла, считал, что оно «действует не хуже эренбургских статей» [Советская военная печать, 1960, с. 216; Ивушкин, 1965, с. 96].

Неоценимой моральной поддержкой письма воинов армии и тружеников тыла были для партизан, подпольщиков, узников концлагерей. В них они черпали силы для дальнейшей борьбы с оккупантами, веру в победу. В Руднянском и Понизовском районах Смоленской области, к примеру, подпольщики распространили более 3 тыс. писем от бойцов армии. Одна из руководительниц подполья З. А. Меркина вспоминает: «Они лучшей пропаганды способствовали разоблачению усиленно распространяемой геббельсовской брехни о том, что Красная Армия уничтожена, что с партизанами скоро будет покончено» [Герои подполья, 1970, с. 29].

Этот поток чувств, эмоций, настроений, призывов, трагической и разоблачающей врага информации обладал мощной человеческой энергетикой, поддерживавшей моральный дух армии, партизан, трудящихся. Он нес огромный нравственный заряд, сосредоточивший в себе дух народной публицистики. Произошло слияние официального, творческого и самостоятельного народного потоков информации. Информационный процесс обще-

ства в определенной степени раскрепостился от идеологического влияния. Недаром 9 октября 1942 г. под предлогом введения полного единоначалия в Вооруженных силах страны был упразднен институт военных комиссаров, а 24 мая 1943 г. постановлением Госкомитета Обороны были отменены в армии должности замполитов — заместителей командиров рот по политчасти [Идеологическая работа..., 1960, с. 115, 146]. Публицистическое слово народа показало ненужность этих институтов.

Оно внесло изменения и в характер и в типологию журналистики военного периода. Ушедший с головой в журналистскую практику писатель И. Эренбург отчетливо уловил это. В статье «Сила слова», появившейся в «Правде» 6 мая 1944 г., он обобщал наблюдения над печатью: «В годы войны газета — личное письмо, от которого зависит судьба каждого. И миллионы людей жадно ищут в газетах статью, помеченную „от военного корреспондента“». Значение этого «личного письма» усиливалось от активного участия в нем внештатного автора — солдата, его матери, отца, близких и знакомых, тех, кто ковал победу на заводах и фабриках, тянул плуг по борозде.

То же надо сказать по поводу радио тех лет. Редактор передач «Говорит Западный фронт» Н. М. Потапов писал: «В те памятные дни радио, как никогда, вошло в жизнь и быт каждого человека. Голос Москвы звучал в далеких партизанских районах, его слушали и жители других стран, томившихся под игом нацизма». В дни блокады Ленинграда радио вообще стало жизненно необходимой нитью: без него человек не мог быть; оно соединяло горожан в холодных квартирах друг с другом, с защитниками города. По словам Ольги Берггольц, публицистическое, лирическое слово которой согревало блокадников, через радио происходила «неповторимая, непрерывная, честнейшая беседа воинов и тружеников Ленинграда» [Берггольц, 1973, с. 154; Потапов, 1974, с. 44].

Благодаря народной публицистике журналистика военной поры стала средством духовного, родственного общения и единения людей, ощущавших плечо далекого по расстоянию друга, но такого близкого и надежного, что силы в борьбе с фашизмом удваивались и утраивались. Высота народного сознания и духа

нашли отражение в понимании советским обществом своей исторической роли в войне с гитлеровской Германией.

С самого начала Священная война осознавалась народом и публицистами и как миссия по спасению человечества от фашизма, что прозвучало в приведенных ранее словах Д. Шостаковича. Наиболее трезво мыслящие деятели мира видели опасность фашизма для существования цивилизации. Английский писатель Герберт Уэллс призывал к тесному союзу и дружбе английского и русского народов [Партийная и советская печать..., 1966, с. 408]. «Красная звезда» опубликовала выдержки из его статьи.

Даже в трагических условиях 1941–1942 гг. горечь поражений не колебала уверенности публицистов в том, что советский народ не только отстаивает Родину, но и выполняет миссию по спасению человечества от коричневой чумы XX столетия. 26 мая 1942 г., когда стояла жестокая ленинградская блокада, журналист М. Михалев печатает в «Ленинградской правде» очерк «У Левистоны Южной» о боевых буднях Ботанического сада, «который только Лондонскому уступает отчасти», о Николае Ивановиче Курнакове — ученом-ботанике, самоотверженно боровшемся за жизнь уникальных, редкостных растений, спасавшем культурные ценности.

Михалев так заканчивает очерк: «Пройдет год, и воронка от бомбы совсем исчезнет. Собачьей смертью подохнет фашистский летчик, сбросивший сюда бомбу, развалится весь строй, породивший эту гадину, а наука, культура, цивилизация будут жить, будут развиваться, идти вперед. И тогда Вельвигия мирабилис, Цереус грандифлора, всевозможные кактусы и пальмы, за которые иной сейчас не даст и пучка лука, снова приобретут свою настоящую цену. Тогда мы снова вспомним людей, спасших все это во имя будущей жизни».

Французская подпольная газета «Леттр Франсэз» писала в период битвы под Сталинградом: «Мы, писатели, защитники человека, готовы были отчаяться при виде торжества низменной силы. Герои Сталинграда вернули нам веру в человека. Им мы обязаны, что не умрет Франция и не умрет поэзия» [см.: Эренбург, 1944].

Закономерно, что одним из важнейших итогов Священной войны стало освобождение мира от фашистской угрозы. 8 мая 1945 г. состоялась безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. В «Правде» 9 мая был помещен об этом знаменательном событии отчет из Берлина военных корреспондентов Б. Горбатова и М. Мержанова, содержащий такие слова: «Восьмое мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Человечество вздохнуло свободно».

Путь к этому итогу, к сожалению, был осложнен недоверием друг к другу сил коалиции, противостоявших Германии. Он проходил через осознание необходимости понимать интересы союзных сторон. Перед лицом общего врага произошло совпадение этих интересов, что способствовало становлению союза государств различной политической ориентации. Это, в свою очередь, заставило разные государственные режимы учесть интересы и особенности союзника. Ярким примером в этом смысле было решение в мае 1943 г. о роспуске Коминтерна. Советская печать опубликовала в связи с этим интервью И. В. Сталина английскому агентству «Рейтер», в котором подчеркивалось, что эта акция облегчает организацию широкого фронта миролюбивых сил против общего врага, «разоблачает ложь гитлеровцев о том, что „Москва“ якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и „большевизировать“ их» [Сталин, 1951, с. 107–108].

Процесс осмысления необходимости такого рода изменений, тактических уступок даже в военных условиях, когда фашизм откровенно угрожал цивилизации, происходил сложно и достаточно медленно, что естественно вызывало недовольство одной стороной сил действиями другой. Советское правительство выступило инициатором навстречу пониманию интересов разных сил коалиции, защищавшейся от агрессора.

Важную роль в решении такого рода проблем играла журналистика, которая уже в те годы смогла выйти на информационное пространство союзной коалиции. Эренбург свидетельствует в мемуарах: «Лозовский сказал мне, что Сталин придает большое значение работе для Америки и Англии» [Эренбург, 1966, с. 9].

Одной из наиболее сложных тем на дипломатическом уровне и в журналистике была тема об открытии союзниками СССР в войне с Германией второго фронта в Европе. Неприязненные отношения к советскому государству сказались и на этой проблеме. Непосредственные боевые действия союзники вели не в Европе, а на подступах к ней — в Северной Африке, на Тихом океане, в Атлантике. С августа 1941 г. в Мурманск пошли английские морские конвои с материальной помощью нашей стране. Соглашение о поставках оружия, техники и обмундирования с СССР США заключили 6 ноября. Но Германия успешно вела подводную войну. Английские конвои несли большие потери.

Когда же Москва выстояла в боях с немецкой армией, находившейся в зените славы, тогда 22 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г. в Вашингтоне состоялась Аркадская конференция, принявшая декларацию 26 государств о совместном противодействии фашистской Германии. 8 декабря 1941 г. в войну вступили США, 15 декабря Конгресс США принял закон, по которому были выделены 10 млрд. долларов дополнительных ассигнований на оборону от врага и помощь по ленд-лизу [Дюпюи, Дюпюи, 1998, кн. 4, с. 180–181, 218].

Поставки в СССР в рамках ленд-лиза были налажены только в начале 1942 г. «Особенно решительно в пользу затягивания открытия второго фронта в Европе, — пишет историк В. Л. Мальков, — выступали Черчилль и его кабинет, а также большая часть командного состава армии и флота США» [Мальков, 1988, с. 229].

В книге по истории Второй мировой войны немецкий генерал Курт фон Типпельскирх пишет о значительном увеличении помощи СССР со стороны союзников после того, как Советский Союз выстоял в борьбе с армией Германии: «До октября 1942 г. американцы прислали 85 тысяч грузовых автомашин, что значительно повысило оперативность подвижных соединений, предназначенных для наступления. Поставки самолетов и танков непрерывно возрастали, а огромное количество обуви и обмундирования помогло преодолеть особенно узкое место русского производства [Типпельскирх, 1998, с. 349].

Скруплезные подсчеты немецкого генерала не отражают главного. Со стороны советских солдат эта помощь вызывала

иронии: одно дело сапоги и даже грузовики, другое дело проливать на поле брани кровь. Психологически вещи несовместимые. Реально второй фронт был открыт только в июне 1944 г. Советская армия за время обещаний потеряла 5 млн. человек [Багринцева, 2010, с. 16]. Поэтому публикации по этой теме в советской печати носили характер осуждения оттягивания союзниками открытия в Европе второго фронта.

Широкую известность получили публицистические письма Л. Леонова «Неизвестному американскому другу» с критикой бездействия союзников по борьбе с фашизмом на начальном этапе войны. Они вызвали большой резонанс и в США, где они передавались 13 крупнейшими радиостанциями, их слушало 50-миллионная аудитория. Они были напечатаны в газетах, а Леонов получил в ответ много писем от американцев [Порман, 1962, с. 27–29]. Эренбург, сотрудничая в американских, французских, шведских газетах, по его словам, также рассказывал в «резких статьях» зарубежному читателю о жестокой борьбе советского народа с фашистами, «говорил, что думают наши о бездействии союзников» [Эренбург, 1966, с. 102].

Союзные войска приступили к высадке в Южной Италии лишь в сентябре 1943 г., когда стало ясно, что Советский Союз разгромит фашистскую Германию. Изучавший проблему изнутри посланный в Москву Джордж Дэвис сообщал Ф. Рузвельту 24 мая 1943 г.: «Говоря по существу, я бы не удивился, если бы уже в этом году народ этой страны изгнал гитлеровское войско. В этом можно было бы не сомневаться, если бы союзники открыли второй фронт в Западной Европе этим летом» [Мальцев, 1988, с. 256].

Советское правительство в это время предоставило возможность зарубежным журналистам побывать в разных регионах страны; только на Украине в 1943–1945 гг. работали корреспонденты «Юнайтед пресс интернешнл», «Чикаго дейли ньюс», «Дейли геральд», «Крисчен сайенс монитор», «Сатердей ивнинг пост» и др. В декабре 1942 г. журналист «Чикаго дейли ньюс» Лейланд Стоу выпустил книгу очерков «С Красной армией на Ржевском фронте», которая затем была переведена на русский язык. Корреспондент радиокампании Би-Би-Си и газеты «Санди таймс»

Александр Верт с 1941 по 1945 г. вел воскресные передачи «Русские комментарии», которые несли правдивую информацию с советско-германского фронта. Они охватывали аудиторию в 12–13 млн. человек [Кондакова, 1982, с. 149].

Зарубежный читатель в те годы мог познакомиться и с произведениями советских авторов. Только в 1943 г. Совинформбюро и Советский антифашистский комитет направили в другие страны почти 40 тыс. статей и очерков отечественных публицистов⁷. Книги статей и очерков советских писателей и публицистов были переведены на иностранные языки: М. Шолохова «Ненависть» (1942, англ. яз.), Н. Тихонова «Ленинградские рассказы» (1942, англ. и пол. яз.), И. Эренбурга «Россия на войне» (1943, Англия), «Россия закаляется» (1943, США), «Смерть захватчику» (1943, Мексика), «100 писем» (1944, Франция).

Эта публицистика получила высокую оценку зарубежной общественности, газет «Хемпшир кроникл», «Панч», «Черч оф Инглэнд ньюспейпер», которая замечала: «Недавно в Англии вышла книга Ильи Эренбурга, чьи красочные и реалистические корреспонденции о великой борьбе его родины печатаются и в английских газетах и привлекают внимание читателей. Это образец военной журналистики, написанной самыми яркими красками». «Книга Эренбурга потрясает, — признавал американский журнал «Туморроу». — В ней очевидец рассказывает о величайших в истории страданиях, и мы преклоняемся перед мужеством советского народа, отразившего врага, считавшегося непобедимым» [Рубашкин, 1965, с. 267].

⁷ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 998. Л. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая мировая война фактически способствовала взаимопроникновению массовых коммуникаций разных стран в их информационное пространство. Прошедшие годы показали, что победа над фашизмом в конце концов вела цивилизацию к демократизации, к более открытому типу государств. Военное соприкосновение народов в битве или в союзе осталось ими не забытым. Оно создало предпосылки к диалогу народов на новом уровне. 25 июня 1945 г. на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско был принят Устав ООН, закрепивший итоги сотрудничества народов и определявший возможные пути его дальнейшего развития.

Победа во Второй мировой войне усилила роль СССР на международной арене, создала новую расстановку сил в мировой политике. Авторитет Советского Союза стал высоким. Война открыла нашей стране окно в мир. Одним из важнейших ее последствий было национально-освободительное движение, опиравшееся на опыт СССР. Оно в основном покончило в мире с колониализмом. Другим такого рода последствием стало образование целого ряда стран так называемого социалистического лагеря. Основу его составили страны народной демократии. Таким образом, наша страна вышла из той изоляции, в которой находилась с 1922 г.

Однако властные структуры ряда стран капиталистической демократии почувствовали в этом определенную опасность для себя.

Американское и английское руководство встало на путь конфронтации с Советским Союзом. Еще 16 мая 1944 г. комитет начальников штабов выработал для политиков рекомендации,

которые найдут отражение в особой «Памятке», подготовленной к Ялтинской конференции (февраль 1945 г.). Военачальники предупреждали о «феноменальном росте военной мощи СССР». Личный врач У. Черчилля Ч. Морган писал, что премьер «больше не говорит о Гитлере, он все долбит об опасности коммунизма. Он рисует себе картину, как Красная армия, подобно раковой опухоли, поглощает одну страну за другой. Теперь это превратилось у него в навязчивую идею». Отсюда переговоры этих стран с уже поверженным врагом [Яковлев, 1985, с. 56].

Истоки холодной войны были заложены руководителями стран союзной коалиции уже в конце войны, когда США, нарушая все нормы морали, испытали на человечестве силу атомного оружия. По приказу президента Г. Трумэна в начале августа 1945 г. атомные бомбы были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки, превратившие их в развалины, 90 тыс. человек, большинство из них мирные жители, были убиты, 180 тыс. покалечено [Великая Отечественная война..., 1965, с. 531]. Немецкий историк Берндт Грайнер справедливо замечал: «Холодная война объявила о себе буквально оглушительным грохотом» (Правда, 1988. 30 дек.). Трумэновский акт варварства положил начало холодной войне, способствовал установлению в мире режима гонки вооружений, созданию в странах мощных военно-промышленных комплексов в ущерб нормальной жизни людей.

Политическим обоснованием холодной войны послужила известная речь У. Черчилля 5 марта 1946 г. в г. Фултон (США), содержавшая призыв к созданию англо-американского союза для борьбы «с мировым коммунизмом, возглавляемым Советской Россией»: «Немедленное формирование международных военных сил для борьбы с коммунизмом, организация содружества народов, говорящих на английском языке, прежде всего в военной области» (Times. 1946. 3 March) [см.: Страницы истории, 1989, с. 346–374]. Одновременно, независимо от оратора, его речь констатировала, что США после развала Европы вышли на позиции мирового лидера (наряду с СССР), а Великобритания в своей политике оказалась на мощном американском буксире. Стремление властей США указывать другим странам, как себя

вести, проявилось уже во внешней политике Г. Трумэна, использовавшего для этого такое средство запугивания, как атомная бомба.

Всё это наложило отпечаток на развитие советского государства в послевоенные годы. Война для него сопровождалась огромными людскими потерями. Она унесла более 20 млн. жизней. Многие города – Смоленск, Сталинград, Севастополь, Киев, Минск, Одесса, Новгород, Орел, Харьков, Псков — находились в развалинах. Полностью или частично были разрушены более 70 тыс. сел и деревень, без крова остались более 25 млн. человек, разграблено и разорено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций. Ущерб, нанесенный народному хозяйству страны, составил 679 млрд. руб. [Памяти павших, 1995, с. 87]. Потери нашей страны превысили потери всех остальных государств Европы вместе взятых. Западноевропейские и американские политики считали, что Советскому Союзу потребуются десятилетия для восстановления экономики и устранения ущерба от войны, что он утратит значение мировой державы.

В моральном плане война была не только испытанием всех физических, духовных и творческих сил народа, она же способствовала восстановлению народного духа, нравственного, психологического климата в обществе от нанесенных ему в довоенный период травм. Она показала огромный потенциал народов СССР и вселила в них надежды на изменение жизни к лучшему. Руководство страны умело использовало эти настроения в своих целях, вместе с тем с помощью репрессий продолжало укрепление культа личности и административно-командной системы.

Советский народ и после войны проявил настоящий трудовой героизм. Уже в 1946 г. была в основном завершена перестройка хозяйства страны на мирный лад. В 1948 г. объем промышленного производства в СССР превзошел довоенный уровень, а к концу первой послевоенной пятилетки был превышен на 73 % вместо 48 % плановых. К 1950 г. ущерб, нанесенный войной сельскому хозяйству, был ликвидирован. В конце 1950-х годов страна вышла на третье место в мире по производительности труда, расходовала на науку и образование в два раза больше, чем США.

Это обеспечивало успехи СССР в развитии атомной энергетики и космонавтики (Правда. 1991. 6 мая).

Победа над фашизмом создала новые экономические условия. Используя их, политики и милитаристы развернули безудержную гонку вооружений, не останавливаясь перед дикими экспериментами с ядерным, водородным оружием. Наконец, страны-победители достигли такого военного потенциала, что стало ясно: третья мировая война будет концом истории человеческого сообщества.

Этот сложный противоречивый процесс одновременно дал толчок развитию научно-технического прогресса вообще, созданию новых технологий, достижениям в космосе, электронике, информатике, массовых коммуникациях. Независимо от властных структур постепенно набирал силу диалог культур разных народов, в котором определяющее значение имела журналистика как мощная система средств массовой информации и средств массового общения. Сначала радио, затем телевидение, наконец, Интернет перешагнули государственные границы. Интернет стал удобной массовой коммуникацией для развития народной публицистики, которая явно выходит из-под государственного контроля.

Глобальность журналистики определила характер современной цивилизации, ее новую, возросшую роль в обществе. Взаимодействие культур через массовые коммуникации показало их многовариантность и создало на современном этапе возможность выбора социальных и культурных ценностей и обмена ими. Таков отдаленный эффект Второй мировой войны, Священной Великой Отечественной войны, которую вел советский народ и которую отражала советская журналистика 1941–1945 гг. Ее одухотворенное слово, поднимая моральный дух воинов и народа, способствовало Победе. Немецкий генерал Х. В. Гудериан, подводя неутешительные для него итоги войны, замечал: «Главное — это... сила идей, которая обеспечивает советской система симпатии широких масс даже в тяжелое время, когда успех становится сомнительным. Мы познакомились с этим во время Второй мировой войны» (Вопр. филос. 1975. № 3. С. 21).

Книга Пола Лайнбарджера, участника американских психологических войн, наряду с критикой советской системы и многими противоречивыми утверждениями по поводу исторических событий содержит и такое признание: «Советские пропагандисты в годы Второй мировой войны использовали опыт, накопленный коммунистической партией за предыдущие годы. Однако советская психологическая война вовсе не была слепым копированием прошлого. Пропагандисты Советского Союза продемонстрировали творческий подход к делу. Политика партии, стоявшей у них за спиной, была дальновидной и преследовала далеко идущие цели» [Лайнбарджер, 2013, с. 160].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ

ЛИТЕРАТУРА

900 героических дней: сб. докум. и матер. о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.: Наука, 1966.

Абрамов М. Грозное оружие партизан // Большевистские газеты в тылу врага: сб. матер. из подпольных газет Ленинградской области в период немецкой оккупации / сост. М. Абрамов. Л.: Ленииздат, 1946. С. 5–6.

Андреев В. Народная война. М.: Воениздат, 1959.

Аруева Л. Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Гос. ун-т граждан. авиации, 2010.

Архимандрит Тихон (Шевкунов): Идея коллаборационизма – угроза России [интервью] // Известия. 2009. 15 сент.

Бабиченко Д. Л. И. Сталин: «Доберемся до всех»: как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943–1946 гг. // Исключить всякие упоминания...: очерки истории советской цензуры / сост. Т. М. Горяева. Минск; М.: Старый свет-принт, 1995. С. 157.

Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры: советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994.

Багринцева М. Ленд-лиз приблизил общую Победу // Парламентская газета. 2010. 7 мая. С. 16.

Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург – Ленинград. Л.: Лениздат, 1986.

Батов П. И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1962. (Военные мемуары).

Берггольц, Ольга. Говорит Ленинград // Берггольц, Ольга. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1973.

- Берггольц, Ольга. Стихи. М.: Худож. лит., 1962.
- Бирюков Ю. «Вставай, страна огромная» // Сов. Россия. 1984. 22 июня.
- Борисов Ю., Силласте Г. Ситуация в документах: Прибалтика: преддверие 1940-го года // Сов. Россия. 1989. 12 окт.
- Булгакова, Елена. Дневник Елены Булгаковой / сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. М.: Кн. палата, 1990.
- Бурдей Г. Д. Историк и война: 1941–1945. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
- Бурцев М. И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981.
- Бухенвальд: докум. и сообщ.. М.: Изд-во Иностр. лит., 1962.
- Бычков Л. Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: краткий очерк. М.: Мысль, 1965.
- Василенко А. Слово Родины // Труд. 1966. 5 мая.
- Великая Отечественная война: краткий научно-популярный очерк. М.: Политиздат, 1970.
- Великая Отечественная война в письмах / сост. В. Г. Гришин. М.: Политиздат, 1980.
- Вильмонт Н. Век Гёте и автобиография поэта // Гёте И. В. Из моей жизни: поэзия и правда. М.: Худож. лит., 1969. С. 9.
- Виноградов И. Приравнено к оружию // Правда. 1974. 16 мая.
- Война за колючей проволокой / под ред. М. Виленского, Н. Кюнга. М.: Политиздат, 1960.
- Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Полигон, 2003.
- Время, отлитое в строки: «Ленинградская правда» за полвека (1918–1968). Л.: Лениздат, 1968.
- Газеты Ленинградской области в дни Отечественной войны: сб. статей. Л.: Лениздат, 1944.
- Герои подполья: в 2 вып. Вып. 1. М.: Политиздат, 1970.
- Гитлеровская оккупация в Литве: сб. статей. Вильнюс: Минтае, 1966.
- Глинкин, Павел. Муза в походной шинели. Л.: Лениздат, 1971.
- Горбатов, Борис. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1988.
- Гордон М., Самойлов Ф. Перо приравнивали к штыку // С пером и автоматом: писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады / сост. М. И. Гордон. Л.: Ленииздат, 1964. С. 99–154.

Григорович Д., Денисенко П., Немайты В. Партийное подполье на Украине в годы Великой Отечественной войны. Киев: Политиздат Украины, 1976.

Гринберг И. Творчество Николая Тихонова. М.: Сов. писатель, 1958.

Гудзенко, Семен. Письмо с Волги // Гудзенко, Семен. Стихи. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. С. 80.

Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Дорофеев В. С пером и гранатой. Мурманск: Мурманск. кн. изд-во, 1962.

Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1992.

Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. Брянск: Изд-во Брянск. ун-та, 2005.

Дюкюи, Р. Эрнест, Дюкюи, Тревер Н. Всемирная история войн: в 4 кн. Кн. 3. 1800–1925 гг. / пер. Г. С. Усковой, Н. Б. Берденникова, А. В. Васильева. СПб.; М.: Полигон, АСТ, 1998; кн. 4. 1925–1997 гг.

Езерский С. Через двадцать лет // С пером и автоматом: писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады / сост. М. И. Гордон. Л.: Лени-издат, 1964. С. 526.

Жумарь С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск: БелНИИДАД, 1996.

Журбина Е. Искусство очерка. М.: Сов. писатель, 1957.

Загорюлько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург». 2-е изд. М.: Экономика, 1974.

Заковырина Н. С. Фотография военных лет: то, что осталось за кадром // Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего: сб. трудов. Вып. 4 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2005. С. 58–86.

Иванова Р., Кузнецов И. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1985. № 1. С. 14.

Ивлев И. А., Юденков А. Ф. Оружие контрпропаганды: советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1988.

Ивушкин Н. Б. За все в ответе. М.: Воениздат, 1965. (Военные мемуары).

Идеологическая работа КПСС на фронте (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1960.

Из доклада Политического Управления Красной Армии ЦК ВКПб, 23 мая 1940 г. // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 198.

Из истории Великой Отечественной войны // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 161–169.

Из отчета редакции «Последних известий» 4 февраля 1941 г. // История советской радиожурналистики: докум., тексты, воспомин. 1917–1945 / сост. Т. М. Горяева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 69–70.

Инбер В. Книга Н. Тихонова «Ленинградский год» // Ленингр. правда. 1943. 11 июня.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. Т. 6. М.: Воениздат, 1965.

История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 5, кн. 1. М.: Политиздат, 1970.

История советской политической цензуры: докум. и коммент. / сост. Т. М. Горяева и др. М.: Рос. полит. энцикл., 1997.

История советской радиожурналистики: докум., тексты, воспомин. 1917–1945 / сост. Т. М. Горяева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге: сб. статей и речей. М.: Воениздат, 1967.

Калинин М. И. Патриотический долг населения прифронтовой полосы // Известия. 1941. 10 июля.

Калинин М. И. Статьи и речи (1941–1946). М.: Политиздат, 1975.

Кашеваров А. Н. Отечественная история. Великая Отечественная война: Русская Православная Церковь в 1941–1945 гг.: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. тех. ун-та, 2010.

Кино на войне: документы и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005.

Киселева Л. Шолохов и война // Вопр. лит. 1985. № 5. С. 150.

Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Изд-во Новгор. ун-та, 2009.

Коваль М. В. Общественно-политическая деятельность трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны. Киев: Наукова думка, 1977.

Ковтун В. Г. «Говорит Ленинград! Говорит город Ленина!» // Радио. Блокада. Ленинград: сб. статей и воспоминаний / под ред. В. Г. Ковтуна, В. Г. Осинского. Вып. 2. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2001. С. 8.

Кожушков А. И., Яновский О. А. Белорусский университет: хроника событий (1919–1989). Минск: Университетское, 1990. С. 65.

Колесникова Г. Всегда молодой // Воспоминания о Борисе Горбатове: сб. / сост. Б. Галанов, С. Караганова. М.: Сов. писатель, 1964. С. 290–291.

Коллаборационизм в Советском Союзе. 1941–1945: справ. по фондам РГВА / сост. А. Е. Забелин, В. И. Коротаев. М.: Рос. полит. энцикл., 2014.

Комков Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М.: Наука, 1965.

Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. — 1945 г.): докум. и матер. / сост. В. Б. Калинин, В. И. Нечипуренко, В. М. Савельев. М.: Политиздат, 1970.

Кондакова Н. И. Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.). М.: Политиздат, 1982.

Кононыхин Н. М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М.: Высш. парт. школа, 1960.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М.: Политиздат, 1985.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1979.

Кривицкий А. Не забуду вовек: записки военного корреспондента. М.: Воениздат, 1964.

Кудреватых, Леонид. Мои современники: лит. портреты, воспоминания. М.: Сов. писатель, 1966.

Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. пособие, хрестоматия. М.: Флинта, Наука, 2002.

Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 4–5.

Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1981.

Лайнбарджер, Пол. Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания / пер. Е. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2013.

Лееле В. Я., Пуста А. А. Коммунистическая партия Эстонии в период Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945 гг. Таллин: Ээсти раамат, 1966.

Леонтьев А. Ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма // Правда. 1936. 12 февр.

Лесс Ал. «Лишь тот достоин жизни и свободы...» // Сов. печать. 1958. № 5. С. 43.

«Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг.: сб. докум. / сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Энцикл. рос. деревень, 1994.

Макаров Н. И. Непокоренная земля Российская. М.: Политиздат, 1976.

Мальков В. Л. Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии: ист.-докум. очерки. М.: Мысль, 1988.

Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: докум. и коммент. Т. 1. 1925 – июнь 1941. М.: Рос. полит. энцикл., 2011.

Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1: нацистский режим и его фюрер. 3-е изд., испр. и доп. М.: Новости, 1991.

Мержанов М. В солдатской шинели // Воспоминания о Борисе Горбатове: сб. / сост. Б. Галанов, С. Караганова. М.: Сов. писатель, 1964. С. 381.

Михеенков А. М. 85 дней в блоке смерти. Смоленск: Смолен. кн. изд-во, 1963.

Мукинов Р. З. Газета в бою: о газете «Сталинградская правда». Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1968.

Наказ народа: письма народов СССР к бойцам и фронтовикам. М.: Воен. изд-во наркомата обороны, 1943.

Норден А. Фальсификаторы: к истории германо-советских отношений / пер. с нем. Г. В. Кычановой, А. И. Семеновой, С. А. Халецкой. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. матер.: в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 3. М.: Госюриздат, 1960.

О партийной и советской печати: сб. докум. М.: Правда, 1954.

О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного // Правда. 1936. 14 ноября.

О состоянии военной пропаганды среди населения: из докладной записки Главного управления политической пропаганды Красной Армии ЦК ВКПб, январь 1941 г. // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 191.

О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации: постановление ЦК ВКП(б) // О партийной и советской печати: сб. докум. М.: Правда, 1954. С. 527.

О Сушинском: из воспоминаний Мих. Ошуркова // Кино на войне: докум. и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Рос. полит. энцикл., 2005. С. 847.

Об одной гнилой концепции // Правда. 1936. 10 февр.

Окроков А. В. Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Рус. путь, 2007.

Они победили смерть. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1961.

Орлов Ю. А. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Откровения и признания: нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: секретные речи, дневники, воспоминания / сост. Г. Я. Рудой. М.: Терра, 1996.

Очерки истории советского радиовещания и телевидения: учеб. пособие. Ч. 1. 1917–1941. М.: Мысль, 1972.

Памяти павших: Великая Отечественная война / под ред. А. И. Сорокина, В. М. Говорова, В. П. Маслина. 1941–1945. М.: Бол. рос. энцикл., 1995.

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Радиорепортаж // История советской радиожурналистики: докум., тексты, воспомин. 1917–1945 / сост. Т. М. Горяева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 237.

Партизанские и подпольные газеты в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944: указатель / сост. И. Я. Левин. М.: Книга, 1976.

Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма: учеб. пособие. М.: Мысль, 1966.

Партийное подполье: деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1983.

Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1976.

Пельт В. Д. Предвоенная советская печать: проблематика выступлений, совершенствование организации прессы в предвоенные годы: 1937 – июнь 1941: учеб. пособие. М.: Моск. гос. ун-т, 1974.

Пестерев Ю. «Правда пленных» // Журналист. 1988. № 5.

Петерман Г. Вспомним же юность свою боевую...// С пером и автоматом: писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады / сост. М. И. Гордон. Л.: Лениздат, 1964. С. 81–84.

Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л.: Лениздат, 1973.

Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг.: письма бойцов / сост. П. Шамес. М.: Гослитмузей, 1946.

Письма с фронта: сб. / под ред. Р. Х. Аминовой. Ташкент: Узбекистан, 1965.

Победимов М. М. Однодневные газеты районов Ленинграда в период блокады // Сборник статей кафедры журналистики Ленинградской высшей партийной школы. Л.: Изд-во Высш. парт. школы, 1961.

Познер В. Советская кинохроника Второй мировой войны: новые источники, новые подходы // Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 35 – 54.

Порман Р. Н. Творчество Л. М. Леонова в годы Великой Отечественной войны. Казань: Казан. гос. пед. ин-т, 1962.

Потапов Н. М. Вахта в эфире // Журналисты на войне: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1974. С. 44.

Радиожурналистика: учебник / под ред. А. А. Шереля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Рубашкин А. И. Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма. М.; Л.: Сов. писатель, 1965.

Русская журналистика в документах: история надзора / сост. О. Д. Минаева. М.: Аспект Пресс, 2003.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сб. церков. докум. М.: Изд-во Моск. патриархии, 1943.

С пером и автоматом: писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады / сост. М. И. Гордон. Л.: Лениздат, 1964.

Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1946.

Сеин А. Н. Полководец человечей силы: военная печать Ленинграда в период блокады: 1941–1944 годы / отв. ред. Г. В. Жирков. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ф-т журн., 2005.

Семиряга М. И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Рос. полит. энцикл., 2000.

Сильнее смерти: воспоминания, письма, документы / сост. М. Г. Искрин. М.: Политиздат, 1963.

Симонов К. Страница военная: к 30-летию Великой победы // Фотожурналист и время. М.: Плакат, 1975. С. 123–129.

Симонов К. Человек с корнями // Воспоминания о Борисе Горбатове: сб. / сост. Б. Галанов, С. Караганова. М.: Сов. писатель, 1964. С. 11.

Симонов. Константин. Из военных дневников // Знамя. 1945. № 5–6. С. 82.

Симонов, Константин. От Халкин-Гола до Берлина. М.: Изд-во ДОСААФ, 1973.

Симонов, Константин. Уроки истории и долг писателя: заметки литератора // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 44.

Служебный дневник Гальдера // Военно-ист. журн. 1959. № 2. С. 82.

Слука А. Г. Беларуская журналістыка: падручнік. Мінск: Беларус. держав. ун-т, 2011.

Смирнов В. И. Подвиг советского крестьянства: деятельность Калининской партийной организации в колхозной деревне в годы Великой Отечественной войны. М.: Моск. рабочий, 1976.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1935 г. М.: Сов. законодательство, 1947.

Советская военная печать: ист. очерк / под ред. И. А. Портянкина. М.: Воениздат, 1960.

Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: докум. и матер.: в 3 т. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1980.

Солдаты слова: рассказывают ветераны советской журналистики. М.: Политиздат, 1976.

Соломатин П. С. Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда» в годы Великой Отечественной войны // Ист. записки. 1965. № 75. С. 243.

Сорокин В. Поиски героев продолжаются // Правда. 1964. 12 июня.

Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников / сост. П. Победоносцев. М.: Кн. мир, 2012.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1951.

Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / под ред. А. Т. Кинкулькина. М.: Политиздат, 1989.

Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940: по документам рассекреченных архивов / под общ. ред. В. А. Золотарёва; ред.-сост. Н. Л. Волковский. СПб.: Полигон, 2000.

Типпельскирх, Курт. История Второй мировой войны. 1939–1945. СПб.: Полигон, 1998. (Военно-историческая библиотека).

Тихонов, Николай. Ленинград принимает бой. Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1943.

Товарищ Смена. Л.: Лениздат, 1969.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс; СПб.: Ювента, 1995. (Историческая библиотека).

Фест, К. Иоахим. Гитлер: биография: пер. с нем.: в 3 т. / под ред. С. З. Случа и П. Ю. Рахшмира. Пермь: Алетей, 1993.

Фрезинский Б. Почерк вождя // Невское время. 1995. 14 апр.

Хаан, Зепп. Безмолвная схватка. М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

Хирен, Зигмунд. Воздух войны // В редакцию не вернулся: сб.: в 3 кн. / сост. П. Д. Корзинкин, А. И. Лангфанг. Кн. 1. М.: Политиздат, 1964. С. 66.

Хренков, Дмитрий. «Товарищ, верь!» // Лит. газета. 1964. 25 июня.

Художники Ленинграда в годы блокады: сб. Л.: Художник РСФСР, 1965.

Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 годах. Симферополь: Крымиздат, 1959.

Шапошникова А. П. Летопись мужества: печать Ленинграда в дни войны. М.: Мысль, 1978.

Шолохов, Михаил. Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня.

Шпанов Ник. Первый удар: повесть о будущей войне. Л.: Воениздат, 1939.

Эвентов И. Илья Эренбург. Война // Звезда. 1945. № 1. С. 146.

Энциклопедия Третьего Рейха / сост. С. Воропаев. М.: Локид-миф, 1996.

Эренбург, Илья. Война: в 3 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1942; т. 3. 1944.

Эренбург, Илья. Летопись мужества: публицистические статьи военных лет. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1983.

Эренбург, Илья. Люди, годы, жизнь: в 6 кн. Кн. V–VI. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1966.

Эренбург, Илья. Сила слова // Правда. 1944. 6 мая.

Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории. 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1971.

Яковлев Н. Н. Весна Победы. М.: Педагогика, 1985.

Davis J. E. Mission to Moscow. London; Victor Gollancz Limited, 1945.

Вопросы

ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Советская журналистика накануне и в период начала Первой мировой войны.
2. Журналистика периода Великой Отечественной войны: перестройка на военный лад.
3. Система средств массовой информации военных лет. Роль радиоинформации.
4. Управление журналистикой военного периода.
5. Система контрпропаганды в годы войны.
6. Слово за колючей проволокой лагерей смерти.
7. Проблемно-тематический комплекс журналистики военных лет: обзор.
8. Боевое слово публициста: его документальные и художественные особенности.
9. Славные и поучительные уроки истории России: боевые традиции.
10. Журналисты учат трудной науке побеждать.
11. Наука ненависти под пером публициста.
12. Летопись трудовых героических буден.
13. Публицистика о Человеке на войне.
14. Письма товарищу — жанр публицистики военных лет и массовая коммуникация.
15. Итоги и последствия Второй мировой войны.
16. Публицисты военных лет.
17. Писатель в газете военного времени.
18. Военная печать 1941–1945 гг.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Обязательная

Васильева, Т. В. Позывные мужества : опыт Ленинградского блокадного радио [Текст] / Т. В. Васильева, В. Г. Ковтун, В. Г. Осинский. СПб. : Спец. лит., 2009. 160 с.

Великая Отечественная война в письмах [Текст] / сост. В. Г. Гришин. М. : Политиздат, 1980. 288 с.

Жирков, Г. В. Священная война в публицистике 1941–1945 гг. [Текст] / Г. В. Жирков // Мастерская публициста : опыт прошлого и настоящего : к 60-летию кафедры истории журналистики : сб. трудов. Вып. 4 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ф-т журн., 2005. С. 11–57.

Жуков, С. И. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны [Текст] / С. И. Жуков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 146 с.

Ивлев, И. А. Оружие контрпропаганды : советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941–1944 гг. [Текст] / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. М. : Мысль, 1988. 285 с.

Кононыхин, Н. М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны [Текст] / Н. М. Кононыхин. М. : Высш. парт. школа, 1960. 103 с.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды [Текст]. М. : Политиздат, 1979. 589 с.

Кузнецов, И. В. История отечественной журналистики (1917–2000) : учеб. пособие, хрестоматия [Текст] / И. В. Кузнецов. М. : Флинта, Наука, 2002. 640 с.

Огненные годы : публицистика Великой Отечественной войны [Текст]. Л. : Лениздат, 1985. 400 с.

От Советского информбюро. 1941–1945 : публицистика и очерки военных лет : в 2 т. Т. 1 [Текст]. М. : Изд-во Агентства печати Новости, 1984. 320 с. ; т. 2. 480 с.

Попов, Н. П. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Н. П. Попов, Н. А. Горохов. М. : Воениздат, 1981. 416 с.

Русская журналистика в документах : история надзора [Текст] / сост. О. Д. Минаева. М. : Аспект Пресс, 2003. 397 с.

Сеин, А. Н. Полководец человеческой силы : военная печать Ленинграда в период блокады : 1941–1944 годы [Текст] / А. Н. Сеин ; отв. ред. Г. В. Жирков. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ф-т журн., 2005. 164 с.

Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст] / И. В. Сталин. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1951. 208 с.

Шапошникова, А. П. Летопись мужества : печать Ленинграда в дни войны [Текст] / А. П. Шапошникова. М. : Мысль, 1978. 86 с.

Дополнительная

В редакцию не вернулся : сб. : в 3 кн. [Текст] / сост. П. Д. Корзинкин, А. И. Лангфанг. Кн. 1. М. : Политиздат, 1964. 448 с.

Волковский, Н. Л. История информационных войн : в 2 ч. [Текст] / Н. Л. Волковский. Ч. 2. СПб. : Полигон, 2003. 735 с.

Глинкин, Павел. Муза в походной шинели [Текст] / Павел Глинкин. Л. : Лениздат, 1971. 160 с.

Жирков, Г. В. Журналистика блокадной эпопеи [Электронный ресурс] / Г. В. Жирков // Ленинград. Победа. URL: www.leningradpobeda.ru.

Журналисты на войне : в 2 кн. Кн. 1 [Текст]. М. : Воениздат, 1966. 422 с. ; кн. 2. 1974. 387 с.

Заковырина, Н. С. Фотография военных лет: то, что осталось за кадром [Текст] / Н. С. Заковырина // Мастерская публициста : опыт прошлого и настоящего : сб. трудов. Вып. 4 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ф-т журн., 2005. С. 58–86.

Кино на войне : документы и свидетельства [Текст] / авт.-сост. В. И. Фомин. М. : Материк, 2005. 944 с.

Комков, Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. [Текст] / Г. Д. Комков. М. : Наука, 1965. 439 с.

Летописцы победы : сб. [Текст] / авт.-сост. Б. С. Бурков, В. А. Мякушков. М. : Политиздат, 1984. 184 с.

Окороков, А. В. Особый фронт : немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны [Текст] / А. В. Окороков. М. : Рус. путь, 2007. 304 с.

Пельт, В. Д. Предвоенная советская печать : проблематика выступлений, совершенствование организации прессы в предвоенные годы : 1937 — июнь 1941 : учеб. пособие [Текст] / В. Д. Пельт. М. : Моск. гос. ун-т, 1974. 99 с.

Познер, В. Советская кинохроника Второй мировой войны : новые источники, новые подходы [Текст] / В. Познер // Очевидная история : проблемы визуальной истории России XX столетия : сб. ст. Челябинск : Каменный пояс, 2008. С. 35 – 54.

Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет [Текст] / сост. Ю. Н. Афанасьева ; предисл. И. К. Кузьмичёва. М. : Сов. Россия, 1985. 480 с. (Школьная библиотека).

Рубашкин, А. И. Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма [Текст] / А. И. Рубашкин. М. ; Л. : Сов. писатель, 1965. 389 с.

Симонов, Константин. В одной газете [Текст] / Константин Симонов, Илья Эренбург. М. : Агентство печати «Новости», 1984. 285 с.

Советская военная печать : ист. очерк [Текст] / под ред. И. А. Портянкина. М. : Воениздат, 1960. 418 с.

Эренбург, Илья. Летопись мужества : публицистические статьи военных лет [Текст] / Илья Эренбург. 2-е изд., доп. М. : Сов. писатель, 1983. 352 с.

Учебное издание

Г. В. Жирков

ОДУХОТВОРЕННОЕ СЛОВО
Журналистика
Великой Отечественной войны

Учебное пособие
по истории русской журналистики
1939–1945 годов

Редактор И. А. Богданова
Макет и оформление обложки: П. Ч. Хан
Верстка: Е. П. Смирнова

Подписано в печать 10.04.2014. Формат 60х84/16.

Гарнитура CharterITC. Печ. л. 10,25.

Тираж 100 экз. Заказ 35.

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.